

Перевод А. Иорданского

Редактор И. Старых

Художественное оформление С. Ерко

Колин Уилсон. Паразиты сознания

Пер. с англ.— К: «София», Ltd, 1994.— 320 с.

«Паразиты сознания» — лучший и наиболее насыщенный философским содержанием роман К. Уилсона. По форме его можно причислить к шедеврам фантастики: именно так и воспринимают эту книгу до сих пор многие ее читатели.

Это книга об ученом-археологе, который обнаружил, что разум всех людей Земли представляет собой нечто единое и что в этот Всепланетный Разум давным-давно вселились некие паразитирующие враждебные сущности, питающиеся энергией людского гнева и ненависти и для этого провоцирующие на Земле войны, революции и прочие социальные катастрофы. Это книга о победе над паразитами сознания и открытии новой страницы человеческой цивилизации — превращение освободившегося разума в Сверхчеловека.

Но значение «Паразитов ...» выходит далеко за пределы этого жанра — приемы фантастики лишь подчеркивают глубокий философский смысл изображаемого в этом очень непростом и насыщенном произведении. Поэтому «София» и предлагает первый перевод этой книги на русский язык своим читателям наряду с книгами, относящимися, казалось бы, к совсем другому типу литературы. Это, по нашему мнению, не просто художественное произведение, но вполне непротиворечивая модель реальности и утверждение неограниченных возможностей человека.

© Художник. С. Ерко. 1994 © Перевод. «София», Киев. 1994 © Макет. И. Петушков, 1994 © «София», Киев, 1994

ISBN 5—7101—0014—5 Без объявления

Огасту Дерлету, который подал эту идею

Я должен, прежде чем умру, найти какой-нибудь способ воплотить в слова то самое важное, что ощущаю в себе и чего еще никогда не высказывал, — то, что не есть ни любовь, ни ненависть, ни жалость, ни презрение, но есть неистовое дыхание самой жизни, которое, долетая из каких-то неведомых далей, придает человеку огромную, бесстрастную, нечеловеческую мощь...

Бертран Рассел

Письмо Констанс Молсон, 1918

(цитируется по книге «Мое философское развитие», с.261)

Вводные замечания

Мы не считаем нужным оправдываться в том, что целиком отвели том III *«Кембриджской истории ядерного века»* под новое издание важнейшего документа, автором которого является профессор Гилберт Остин и который известен под названием *«Паразиты сознания»*.

«Паразиты сознания» — документ сложного состава, он включает в себя различные публикации, расшифровки магнитофонных записей и стенограммы бесед с профессором Остином. Первое издание его, объемом примерно в половину настоящего, вышло вскоре после исчезновения профессора Остина в 2007 году и до обнаружения *«Паллады»* экспедицией капитана Рэмзея. Оно состояло преимущественно из заметок, сделанных по просьбе полковника Спенсера, а также содержало расшифровку магнитофонной записи, хранящейся под номером 12хт в библиотеке Лондонского университета. Более позднее издание, появившееся в 2012 году, включало стенограмму беседы, записанной Лесли Пэрвисоном 14 января 2004 года. Его записи были дополнены материалом из двух статей, написанных Остином для *«Исторического обозрения»*, и из его предисловия к *«Размышлениям на исторические темы»* Карела Вайсмана.

В этом новом издании прежний текст сохранен in toto*, а кроме того, сюда включен совершенно новый материал из так называемого *«Дела Мартинуса»*, находившегося на протяжении многих лет в распоряжении миссис Сильвии Остин, а сейчас хранящегося во Всемирном историческом архиве. Издатели указали в своих примечаниях источники, откуда были почерпнуты отдельные разделы, а также использовали до сих пор не опубликованные *«Автобиографические заметки»*, написанные Остином в 2001 году.

Ни одно издание *«Паразитов сознания»* не может претендовать на то, чтобы считаться каноническим. Нашей целью было расположить материал таким образом, чтобы он представлял собой связное изложение фактов. В тех местах, где нам это показалось строго необходимым, включены отрывки из философских статей Остина, а также один короткий абзац из предисловия к книге *«Памяти Эдмунда Гуссерля»* под редакцией Остина и Райха. Получившийся в результате текст, по мнению издателей, подтверждает точку зрения, выдвинутую ими в *«Новом взгляде на загадку «Паллады»*. Однако следует подчеркнуть, что их цель состояла отнюдь не в этом. Они стремились к тому, чтобы в книгу вошел весь материал, относящийся к данной теме, и убеждены, что обоснованность их притязаний станет очевидной, когда Северо-Западный университет закончит выпуск *«Полного собрания сочинений»* Гилберта Остина.

х.с., в.гг.,

Колледж Сент-Генри, Кембридж, 2014 г.

(Эта часть представляет собой расшифровку магнитофонной записи, продиктованной д-ром Остином за несколько месяцев до своего исчезновения. Она отредактирована Х.Ф.Спенсером *.)

У столь запутанных историй, как эта, не бывает определенной завязки. Не могу я и последовать совету полковника Спенсера «начать с начала и продолжать до самого конца»: ведь в нашей жизни события редко развиваются по прямой линии. Вероятно, лучше всего будет изложить историю войны с паразитами сознания, которую вел я сам, а восстановление остальной картины предоставить историкам.

Так вот, моя история начинается 20 декабря 1994 года, когда я вернулся домой с заседания Миддлсексского археологического общества, где делал доклад о древних цивилизациях Малой Азии. Вечер прошел живо и интересно: нет большего удовольствия, чем рассуждать о предмете, близком вашему сердцу, перед внимательными слушателями. Добавьте к этому еще и то обстоятельство, что наш обед завершился превосходным красным вином 80-х годов, и вы поймете, в каком радостном и благодушном настроении я пребывал, когда отпер парадную дверь своей квартиры в Ковент-Гарден.

Войдя, я услышал, что в комнате звонит видео-фон, но не успел до него дойти, как он замолк. Я взглянул на экранчик регистратора и увидел, что номер, с которого звонили, мне знаком — он принадлежал Карелу Вейсману. Время было уже позднее, без четверти двенадцать, мне хотелось спать, и я решил позвонить ему на следующее утро. Однако когда я уже начал раздеваться, мне стало немного не по себе. Мы с ним были старые друзья, и он час-тенько звонил мне на ночь глядя, чтобы попросить навести для него какую-нибудь справку в библиотеке Британского музея, где я обычно проводил первую половину дня. Но на этот раз я ощутил какую-то непонятную тревогу. Накинув халат, я подошел к видеофону и набрал номер Карела. В ответ некоторое время раздавались гудки, и я уже хотел положить трубку, когда на экране появилось лицо его секретаря.

— Вы уже слышали новость? — спросил он.

— Какую новость?

— Доктор Вейсман умер.

Эти слова так меня ошеломили, что я вынужден был присесть на стул. Немного собравшись с мыслями, я спросил:

— А как я мог про это слышать?

— Сообщение было в вечерних газетах. Я ответил, что только что пришел домой. Он сказал:

— А, понимаю. Я весь вечер пытался до вас дозвониться. Вы не могли бы сейчас же приехать сюда?

— Но почему? Могу ли я чем-нибудь помочь? Как миссис Вейсман?

— Она в состоянии шока.

— Как же он умер?

— Покончил с собой, — произнес Баумгарт без всякого выражения.

Я помню, что несколько секунд смотрел на экран, ничего не понимая, а потом крикнул:

— Что за чушь вы говорите? Это невозможно!

— Никаких сомнений быть не может. Пожалуйста, приезжайте сюда как можно скорее.

Он протянул руку к кнопке, собираясь выключить аппарат. Я вскричал:

— Это какое-то сумасшествие! Скажите мне, что произошло.

— Он принял яд. Больше ничего сказать вам не могу. Но в его записке говорится, чтобы мы немедленно связались с вами. Так что, пожалуйста, приезжайте. Мы все очень устали.

Я вызвал геликэб, потом оделся, находясь по-прежнему в состоянии какого-то оцепенения и твердя про себя: «Этого не может быть!»

Карела Вейсмана я знал тридцать лет, мы с ним вместе учились в Упсальском университете. Это был человек во всех отношениях выдающийся: блестящий ум, восприимчивость к новым идеям, невероятная трудоспособность, энергия и сила воли... *Этого не может быть?* Такой человек никогда не покончит с собой! Нет, я, конечно, прекрасно знал, что число самоубийств в мире выросло по сравнению с серединой века в пятьдесят раз и что нередко кончают с собой такие люди, от которых этого никак нельзя было ожидать. Но сказать мне, что покончил с собой Карел Вейсман, — это было то же самое, что заявить, будто

дважды два — пять. В нем не было ни малейшей склонности к самоуничтожению. Я не знал другого такого цельного, ни в малейшей степени не подверженного неврозам человека.

«А что если это было убийство? — подумал я. — Не стал ли он жертвой какого-нибудь агента Центральноазиатской державы?» Мне доводилось слышать и еще более странные вещи: политические убийства превратились в точную науку уже во второй половине 80-х, а гибель Гаммельманна и Фул-лера доказала, что даже ученые, работающие в сверхсекретном учреждении, не могут считать себя в безопасности. Но Карел был психолог и, насколько я знал, не имел никаких дел с правительством. Главным источником средств к существованию была для него одна крупная промышленная корпорация, которая платила ему за разработку способов борьбы с индустриальными неврозами и других методов повышения производительности труда.

Когда такси опустилось на крышу дома, Баум-гарт уже ждал меня. Как только мы остались одни, я спросил:

— Это не может быть убийство? Он ответил:

— Конечно, не исключено, но нет никаких оснований так полагать. Он ушел к себе в комнату в три часа дня, собираясь писать статью, и сказал мне, чтобы его никто не беспокоил. Окно у него было закрыто, а в проходной комнате за столом на протяжении следующих двух часов сидел я. В пять жена принесла ему чаю и обнаружила, что он мертв. Он оставил собственноручное письмо и запил яд стаканом воды из-под крана.

Полчаса спустя я окончательно убедился, что мой друг, действительно, совершил самоубийство. Существовала лишь одна альтернатива — что его убил Баумгарт, но в это я поверить не мог. Баум-гарт, как все швейцарцы, отличался сдержанностью и самообладанием, но я видел, что он глубоко потрясен и находится на грани нервного срыва, а симулировать такое не в состоянии ни один человек, каким бы прекрасным актером он ни был. Кроме того, существовало письмо, которое Карел написал собственной рукой. С тех пор как Помрой изобрел электронный компаратор, подделка документов стала редчайшим преступлением.

Я покинул этот дом скорби в два часа ночи, не поговорив ни с кем, кроме Баумгарта. Своего покойного друга я не видел, да и не хотел видеть: говорят, человек, который умер от отравления цианидами, выглядит ужасно. Таблетки, которыми он воспользовался, были только этим утром отобраны у какого-то психически больного.

Письмо, оставленное им, оказалось каким-то странным. В нем не было ни слова сожаления по поводу предстоящего акта самоуничтожения. Почерк был дрожащий, но формулировки четкие и точные. Там говорилось, что из его имущества должно остаться сыну и что — жене» содержалась просьба как можно скорее вызвать меня, чтобы я позаботился о его бумагах, и распоряжение выделить некоторую сумму для выплаты мне и другую — на оплату их публикации в случае необходимости. Я видел фотокопию письма — оригинал забрала полиция — и убедился, что оно почти наверняка подлинное. На следующее утро это подтвердил электронный анализ.

Да, письмо было в высшей степени странное. Длинное, на три страницы, и написанное, очевидно, в спокойном расположении духа. Но почему он просил связаться со мной *немедленно*? Может быть, разгадка скрывается в его бумагах? Баумгарт уже подумал об этом и потратил на их изучение весь вечер, но не нашел ничего такого, что могло бы объяснить такую спешку. Значительная часть бумаг касалась Англо-Индийской Компьютерной Корпорации, где Карел работал, — их, естественно, следовало передать другим научным сотрудникам фирмы. Все остальное представляло собой разнообразные наброски по экзистенциалистской психологии, тран-сакционизму Маслоу* и тому подобным вопросам, и почти законченную книгу, посвященную применению галлюциногенных препаратов.

Может быть, разгадка кроется в последней из названных работ? Когда мы с Карелом учились в Упсале, мы немало времени уделяли обсуждению таких проблем, как сущность смерти, границы человеческого сознания и так далее. Я тогда писал дипломную работу о египетской Книге Мертвых*, подлинное название которой — «Ру ну перт эм хру» — означает «Книга выхода днем». Меня интересовало лишь символическое значение «темной ночи души»

и тех опасностей, которые якобы подстерегают бестелесную душу в ее ночном странствии по царству мертвых. Но Карел настоял, чтобы я изучил еще и тибетскую Книгу Мертвых — а это совсем другое дело, — и сопоставил их. Каждый, кто занимался этими произведениями, знает, что тибетская книга представляет собой буддийский памятник, религиозный смысл которого не имеет никакого отношения к религии древних египтян. Мне казалось, что сопоставлять их — пустая трата времени и излишнее буквоедство. Однако Карелу удалось возбудить у меня некоторый интерес к тибетской книге как таковой, вследствие чего мы провели не один долгий вечер, обсуждая ее. Достать галлюциногенные препараты было в то время почти совершенно невозможно, поскольку после выхода книги Олдоса Хаксли*"-'" о мескаLINE они вошли в моду. Однако мы нашли одну статью Рене Домалья, где говорилось, что он как-то проводил аналогичные эксперименты с эфиром. Смочив платок эфиром, До-маль прижимал его рукой к носу, а когда он терял сознание, рука сама собой опускалась, и он снова приходил в себя. Домаль попытался описать видения, посещавшие его под действием эфира, и это произвело на нас большое впечатление. Основная его мысль была такой же, как и у многих других мистиков: что» хотя он в это время находился в «бессознательном» состоянии, у него было такое ощущение, будто эти видения куда *более реальные*, чем повседневная жизнь и весь окружающий нас мир. Мы же с Карелом, при всем различии наших темпераментов, были согласны в одном: что наша повседневная жизнь в каком-то смысле *ирреальна*. Мы прекрасно понимали Чжуан-цзы*, сказавшего, что ему как-то приснилось, будто он бабочка, и он во всех отношениях чувствовал себя бабочкой, так что даже не был уверен, кто он такой — Чжуан-цзы, которому снится, будто он бабочка, или бабочка, которой снится, будто она — Чжуан-цзы.

Почти целый месяц мы с Карелом пытались «экспериментировать с сознанием». Во время рождественских каникул мы попробовали с помощью черного кофе и сигар не спать трое суток. В результате интенсивность умственного восприятия у нас заметно возросла. Помнится, я сказал тогда: «Если бы можно было так жить постоянно, поэзия потеряла бы для меня всякую ценность. Ведь я сейчас вижу гораздо дальше и глубже любого поэта». Кроме того, мы пробовали проводить эксперименты с эфиром и четыреххлористым углеродом. Лично мне это показалось значительно менее интересным. Я, действительно, испытывал чувство некоего всеобъемлющего прозрения — такого, какое иногда ощущаешь на грани сна, — но оно было очень кратковременно, и впоследствии я не мог ничего припомнить. К тому же от эфира у меня потом по нескольку дней болела голова, так что после двух экспериментов я решил их прекратить. Карел утверждал, будто его результаты подтверждают наблюдения Домалья, хотя кое в чем от них и отличаются; насколько я помню, он придавал крайне важное значение цепочкам черных точек, возникавшим у него перед глазами. Но ему тоже не нравилось последствие препаратов, и он отступился. Позже, став специалистом по экспериментальной психологии, он получил возможность без всяких хлопот доставать мескалин и лизергиновую кислоту и не раз предлагал мне их попробовать. Но у меня к этому времени появились совсем другие интересы, и я отказался. Об этих «других интересах» я вскоре расскажу.

Это длинное отступление было необходимо для того, чтобы объяснить, почему мне показалось, что я понял смысл последней просьбы Карела Вейсмана. Я археолог, а не психолог. Но я был самый старый его друг и когда-то разделял его интерес к проблеме границ человеческого сознания. Может быть, в свои последние минуты он вспомнил наши бесконечные ночные беседы в Упсале, бесчисленные кружки пива, которые мы поглощали в ресторанчике над рекой, и бутылки шнапса, которые распивали у меня в комнате в два часа ночи? Вся эта история по-прежнему вызывала у меня какое-то смутное беспокойство, едва ощутимую неопределенную тревогу — такую же, как и та, что заставила меня тогда, в полночь, позвонить Карелу в Хэмп-стед. Но сейчас я ничего не мог по этому поводу предпринять и вскоре обо всем забыл.

Когда моего друга хоронили, я находился на Гебридах — меня вызвали туда, чтобы осмотреть останки неолитического человека, так великолепно сохранившиеся на острове Харрис. По возвращении я обнаружил на лестничной площадке у дверей своей квартиры несколько шкафов с выдвижными ящиками, битком набитых бумагами. Все мои мысли в тот

момент были поглощены неолитическим человеком; я заглянул в один из ящиков, полистал папку с надписью «Восприятие цветов животными в состоянии эмоциональной депривации» и поспешно задвинул ящик. Потом я вошел в квартиру, раскрыл *«Археологический журнал»* и наткнулся на статью Райха об электронной датировке базальтовых фигурок из храма в Богаз-кее*. Придя в крайнее возбуждение, я позвонил Спенсеру в Британский музей и помчался к нему. На протяжении следующих сорока восьми часов я не ел, не пил и не мог думать ни о чем, кроме богаз-кейских фигурок и особенностей хеттской скульптуры.

Это, конечно, спасло мне жизнь. Не может быть ни малейшего сомнения, что тсатхоггуаны ждали моего возвращения и хотели знать, что я предприму. К счастью, меня тогда занимала одна только археология. Мой рассудок, убаюканный потоками истории, целиком погрузился в безбрежное море прошлого, и психология была чужда ему, как никогда. Стоило бы мне взяться за усердное изучение бумаг моего друга в поисках разгадки его самоубийства — и не прошло бы и нескольких часов, как мое собственное сознание было бы точно так же захвачено и уничтожено.

Теперь я не могу подумать об этом без содрогания. Меня со всех сторон окружало злобное сознание существ, которым чуждо все человеческое. Я был подобен ныряльщику на морском дне, который так увлечен созерцанием сокровищ затонувшего корабля, что не чувствует холодного взгляда осьминога, подкравшегося к нему сзади. Будь я в другом состоянии духа, я бы, возможно, и заметил что-нибудь, как оно и случилось позже, в Карате. Но сейчас все мое внимание было поглощено открытиями Райха, и они вытеснили у меня из головы все на свете, даже чувство долга по отношению к покойному другу.

Я полагаю, что на протяжении следующих нескольких недель находился под более или менее постоянным наблюдением тсатхоггуанов. За это время я пришел к выводу, что мне надо вернуться в Малую Азию и как следует разобраться в проблемах, возникших в связи с критическими замечаниями Райха по поводу моих датировок. И это решение, по-видимому, тоже оказалось спасительным. Оно, вероятно, стало для тсатхоггуанов лишним доказательством того, что им нечего меня бояться. Очевидно было, что Карел ошибся: менее подходя (пропуск 20-21) Это 19-ая

в любой эпохе, начиная с каменноугольного периода, и может говорить о плейстоцене — это всего лишь миллион лет назад — так, словно речь идет о совсем недавних событиях. Однажды я присутствовал при том, как он, разглядывая зуб динозавра, заметил, что этот зуб не может относиться к меловому периоду, он наверняка гораздо старше — скорее всего, это верхний триас. Чуть позже я был свидетелем того, как счетчик Гейгера подтвердил его догадку. У него в этом отношении был просто какой-то сверхъестественный инстинкт.

Поскольку Райху предстоит сыграть во всей этой истории значительную роль, я должен рассказать о нем подробнее. Как и я, он человек грузный, но, в отличие от меня, у него это объясняется отнюдь не излишками жира. У него плечи борца и огромная, выпяченная вперед нижняя челюсть. Голос же его неизменно вызывает удивление у слушателей: он тихий и довольно высокий; кажется, это последствия перенесенного в детстве инфекционного заболевания горла.

Но главное различие между нами состояло в разном эмоциональном восприятии прошлого. Райх — до мозга костей представитель точной науки. Для него цифры и результаты измерений — все, он может получать громадное наслаждение, читая подряд, десятками страниц, напечатанные в несколько колонок показания счетчика Гейгера. Он любит говорить, что история должна стать точной наукой. Что же касается меня, то я никогда не пытался скрыть, что в моем характере есть очень сильная романтическая жилка. И археологом я стал вследствие одного почти мистического переживания.

Однажды я читал книгу Лэйярда о цивилизации Ниневии*, случайно обнаруженную у меня в спальне на ферме, где я тогда жил. Во дворе сохла на веревке кое-какая моя одежда, и когда послышались раскаты грома, я поспешил выйти, чтобы снять ее. Недалеко от дома стояла большая лужа довольно грязной воды. Когда я, все еще размышляя о Ниневии, снимал одежду с веревки, мой взгляд случайно упал на эту лужу, и я на какое-то мгновение напрочь забыл, где нахожусь и что делаю. Лужа представилась мне какой-то совершенно незнакомой, столь же чуждой, как марсианское море. Я стоял неподвижно, не сводя с нее глаз. Первые кап-

ли дождя упали на ее поверхность, и по ней побежала рябь. В этот момент меня охватило ощущение какого-то небывалого счастья и еще не испытанного мной прежде прозрения. Я вдруг почувствовал, что и Ниневия, и вообще вся история столь же реальны, столь же новы и незнакомы мне, как эта лужа. История обрела для меня такую реальность, что, стоя там с охапкой одежды, я испытывал что-то вроде презрения к самому себе. До самого вечера я ходил как во сне и с тех пор понял, что должен посвятить всю свою жизнь реставрации прошлого, лишь бы вернуть это ощущение иной реальности.

Читателю вскоре станет понятно, что все это имеет прямое отношение к моей истории. Мы с Рай-хом настолько по-разному воспринимали прошлое, что каждого из нас часто забавляло, когда в какой-нибудь мелочи проявлялся характер другого. Для Райха вся поэзия жизни заключалась в точных науках, а прошлое было всего лишь одной из областей, где он мог проявить свои способности. Для меня же наука была не более чем служанкой поэзии. Мой первый учитель, сэр Чарлз Майерс, только укрепил меня в этом убеждении, — он в высшей степени презирал все современное. Стоило увидеть его работающим на раскопках, как становилось ясно — это человек, для которого XX век больше не существует, который, как могучий орел с вершины горы, видит перед собой далекие горизонты истории. Почти ко всем окружающим он питал отвращение, доходящее до содрогания, и как-то пожаловался мне, что большинство их представляются ему «какими-то недоделанными и жалкими». Рядом с Майерсом я чувствовал, что подлинный историк — не столько ученый, сколько поэт. Однажды он сказал, что созерцание людей наводит его на мысль о самоубийстве, и примирить его с тем, что он тоже человек, могут только раздумья о величии цивилизаций и их падении.

Наши первые недели в Диярбакыре пришлось на сезон дождей и выехать в поле, на раскопки Кара-тепе, было невозможно. Вечера мы проводили за долгими беседами, во время которых Райх литрами поглощал пиво, а я попивал превосходный местный коньяк (даже в этом сказалось различие наших характеров!).

Однажды вечером я получил письмо от Баумгарта. Оно было очень кратким. Баумгарт всего лишь сообщал, что содержание некоторых документов, обнаруженных им среди бумаг Вейсмана, привело его к выводу, что незадолго до своего самоубийства Вейсман повредился в рассудке. Он был убежден, что о его действиях знали «они» и должны были попытаться его уничтожить. По словам Баумгарта, из контекста было ясно, что под «ними» Вейсман подразумевал не людей, а кого-то еще. Вследствие этого Баумгарт решил приостановить переговоры о публикации работ Вейсмана по психологии и подождать с этим до моего возвращения.

Меня все это, естественно, озадачило и заинтриговало. Как раз к тому времени мы с Райхом уже кое-чего достигли в нашей работе и решили, что имеем право немного отдохнуть. Поэтому в тот вечер мы говорили только о «сумасшествии» и самоубийстве Вейсмана.

При начале нашего разговора присутствовали двое коллег Райха — турки, работавшие в Измире. Один из них, д-р Мухаммед Дарга, упомянул любопытный факт: за последние десять лет выросло число самоубийств в сельских местностях Турции. Это меня удивило: хотя в городах большинства стран мира число самоубийств неуклонно увеличивалось, сельского населения в целом этот вирус как будто не затронул.

По этому поводу другой наш гость, д-р Омер Фу-ад, рассказал нам об одном исследовании, которое провел его отдел и которое касалось числа самоубийств у древних египтян и у хеттов. В клинописных табличках, относящихся к позднему периоду государства Орзава, упоминается эпидемия самоубийств при царе Муршиле II (1334—1306 гг. до н.э.) и приводятся цифры, относящиеся к Хаттусасу. Довольно странно, что папирусы Менефо, найденные в 1990 в монастыре Эс-Сувейда, также отмечают эпидемию самоубийств в Египте в царствование Харимхаба и Сетоса I, охватывая приблизительно тот же период (1350—1292 гг. до н.э.). Его товарищ, большой поклонник шпенглеровского *«Заката Европы»*, этого странного образчика исторического шарлатанства, стал развивать мысль, что такие эпидемии самоубийств можно точно предсказать, исходя из возраста цивилизации и степени ее урбанизации. Он пошел еще дальше и провел несколько искусственную параллель с живыми клетками и их тенденцией «добровольно отмирать», когда организм теряет способность взаимодействовать с окружающей средой.

Все это показалось мне совершенной чепухой, поскольку возраст хеттской цивилизации к 1350 г. до н.э. едва достиг 700 лет, в то время как египетская цивилизация была по меньшей мере вдвое старше. К тому же у д-ра Дарга была неприятная манера подавать свои «факты» как неоспоримые, которая меня раздражала. Я изрядно разгорячился — в чем, может быть, был отчасти повинен коньяк — и потребовал, чтобы наши гости предъявили факты и цифры. Они сказали, что непременно это сделают и представят их на суд Вольфганга Райха. Вскоре они ушли, так как им нужно было лететь в Измир.

Мы с Райхом продолжали беседовать, и меня не покидает ощущение, что именно с этого нашего разговора и начинается история войны с паразитами сознания. Райх со свойственной ему точностью и ясностью мысли быстро подытожил все «за» и «против», которые прозвучали в только что закончившемся споре, и признал, что д-ру Дарга, видимо, не хватает научной объективности. Потом он продолжал:

Возьмите доступные нам факты и цифры, касающиеся нашей собственной цивилизации. Много ли они нам на самом деле говорят? Вот хотя бы эти данные о самоубийствах. В 1960 году в Англии покончили с собой сто десять человек из каждого миллиона — это вдвое больше, чем столетием раньше. К 1970 году эта цифра еще удвоилась, а к 1980 году возросла в шесть раз...

У Райха изумительная память: в ней хранятся, наверное, все наиболее важные статистические данные за последнее столетие. Я обычно недолюбливаю всякие цифры. Однако пока я его слушал, со мной произошло что-то непонятное. Где-то в глубине души у меня пробежал холодок, как будто я вдруг почувствовал на себе взгляд какого-то опасного существа. Через мгновение все это прошло, но я тем не менее содрогнулся.

— Замерзли? — спросил Райх. Я отрицательно мотнул головой. Райх умолк и сидел, глядя через окно на ярко освещенную улицу, а я неожиданно для самого себя сказал:

— В конечном счете, мы почти ничего не знаем о человеческой жизни.

— Того, что мы знаем, нам вполне хватает, а большего нам и не нужно, — ответил он жизнерадостно.

Но я не мог забыть этого ощущения холодка и продолжал:

— В конце концов, цивилизация — это что-то вроде сна. Представьте себе, что человек внезапно пробудится, — разве этого не будет достаточно, что-бы заставить его покончить с собой?

Я думал о Кареле Вейсмане, и Райх это знал. Он ответил:

— А как быть с этими выдуманнами им чудищами?

Я должен был признать, что это не согласуется с моей теорией. Но я не мог отделаться от того холодка отчаяния, который все еще не покидал меня. Больше того, теперь я определенно испытывал страх. Я чувствовал, что увидел нечто такое, чего никогда не смогу забыть и к чему мне еще придется вернуться. Мне казалось, что вот-вот мои нервы не выдержат, и меня охватит панический ужас. К тому времени я выпил полбутылки коньяка, но несмотря на это чувствовал себя совершенно трезвым. Сознание мое оставалось совершенно ясным, хотя в теле и ощущалось некоторое опьянение.

В голову мне пришла ужасная мысль. А вдруг число самоубийств растет потому, что тысячи людей, «проснувшись», подобно мне, поняли бессмысленность человеческой жизни и просто не пожелали ее продолжать? Сон истории подошел к концу. Человечество уже начинает пробуждаться; в один прекрасный день оно окончательно очнется, и тогда самоубийства станут массовыми.

Эти мысли наводили такой страх, что мне захотелось уйти к себе в комнату и поразмыслить в одиночестве. Но я заставил себя изложить их Райху. Не думаю, чтобы он вполне меня понял, но он увидел, что состояние, в котором я нахожусь, опасно, и, вдохновленный внезапным прозрением, произнес те самые слова, в которых я нуждался, чтобы вернуть себе душевный покой. Он заговорил о том, какую причудливую роль играют в археологии случайные совпадения — совпадения настолько неожиданные, что в литературе они показались бы искусственными. Он рассказал, как Джордж Смит¹ отправился из Лондона в экспедицию, питая безумную надежду найти клинописные таблички с окончанием эпоса о Гильгамеше, и как он в самом деле их нашел. Он говорил о столь же невероятной

истории открытия Шлиманом Трои, о том, как Лэйярд обнаружил развалины Нимруда — словно какая-то невидимая нить судьбы вела их к открытиям. Мне пришлось признать, что археология больше, чем любая другая наука, может заставить поверить в чудеса.

Он поспешно продолжал:

— Но если вы с этим согласны, то, конечно же, должны признать, что ошибались, считая цивилизацию чем-то вроде сна или кошмара? Сон кажется вполне логичным и последовательным, пока длится, но проснувшись, мы видим, что в нем не было никакой логики. Вы утверждаете, что точно так же и жизнь выглядит логичной лишь благодаря нашим иллюзиям. Но то, что произошло с Лэйярдом, Шлиманом, Смитом, Шампольоном, Роулинсоном, Боссертом, такому утверждению полностью противоречит. Все это случилось на самом деле. Это подлинные истории из жизни, и в них мы видим такие невероятные совпадения, какие не рискнул бы использовать ни один романист...

Он был прав, и мне пришлось согласиться. Когда я подумал о причудливой судьбе, которая привела Шлимана к Трое, а Лэйярда к Нимруду, мнебпришли на ум похожие случаи и из собственной жизни. Например, моя первая важная находка — параллельные тексты на финикийском, протохетт-ском и нессийском языках в древнем городе Кадет. Я до сих пор помню то потрясающее ощущение рока, некоего «божества, устраивающего наши судьбы» — или, по крайней мере, какого-то таинственного закона случайностей, которое охватило меня, когда я счищал землю с этих глиняных табличек. Ведь еще за полчаса до того, как они были найдены, я наверняка знал, что в тот день совершу замечательное открытие, и, втыкая наугад лопату, ничуть не сомневался, что мои усилия окажутся вознагражденными.

Наш разговор с Райхом продолжался каких-нибудь десять минут, но ко мне вновь вернулись оптимизм и благоразумие.

Тогда я еще этого не знал, но в этот момент я выиграл свою первую битву с тсатхоггуанами.

(Примечание редактора. С этого места расшифровка магнитофонной записи, с любезного разрешения главного библиотекаря Техасского университета, дополнена отрывками из автобиографических заметок профессора Остина. Эти заметки опубликованы университетом отдельно в сборнике произведений профессора Остина. Я постарался использовать их лишь для того, чтобы расширить содержание магнитофонной записи, которая продолжается еще на протяжении примерно десяти тысяч слов.)

(Разрыв)

Той весной бог археологии определенно был на моей стороне. Наша работа с Райхом шла так хорошо, что я решил снять квартиру в Диярбакыре и остаться там по меньшей мере на год. В апреле, за несколько дней до того, как мы отправились к Черному холму — Кара-тепе, я получил письмо из компании «Стандард Моторс энд Инджиниринг», где работал Карел Вейсман. Компания хотела вернуть мне значительную часть бумаг Вейсмана и запрашивала мой нынешний адрес. Я ответил, что мне можно писать в Диярбакыр, на Англо-индийскую урановую компанию, и что я буду благодарен, если они вернут бумаги Вейсмана по моему лондонскому адресу или же перешлют их Баумгарту, который по-прежнему жил в Хэмпстеде.

Когда профессор Хельмут Боссерт в 1946 году впервые отправился в Кадирли — город, расположенный ближе всего к Черному холму хеттов, — он с трудом доехал до него по раскисшим дорогам. В те дни Кадирли представлял собой крохотный провинциальный городок, где не было даже электричества. Сейчас это вполне современный, тихий небольшой город с двумя отличными отелями, в часе полета на ракетном самолете от Лондона. До Кара-тепе — Черного холма Боссерт с трудом добирался целый день по пастушьим тропам, заросшим колючим кустарником. Мы же в нашем вертолете за час долетели из Диярбакыра до Кадирли и еще за двадцать минут до Кара-тепе. Электронное оборудование Райха было уже два дня назад доставлено туда транспортным самолетом-

Здесь следует сказать несколько слов о цели нашей экспедиции. С «Черным холмом», который представляет собой часть горного хребта Антитавр, связано немало загадок. Так называемая хеттская империя развалилась около 1200 г. до н.э. под ударами варварских орд, среди которых главную роль играли ассирийцы. Однако развалины в Кара-тепе, а также в Кархемише и Зинджирли, на пятьсот лет моложе. Что происходило за эти пятьсот лет? Как ухитрились хетты спасти такую значительную часть своей культуры в столь бурное время, когда их северная столица Хаттусас находилась в руках ассирийцев? Вот проблема, решению которой я посвятил десять лет жизни.

Я всегда был убежден, что ключ к разгадке можно будет найти глубоко под землей, в недрах Черного холма — точно так же, как раскопки холма в Богазкее вскрыли могильник высокоцивилизованного народа, жившего там за тысячу лет до хеттов. В самом деле, мои раскопки 1987 года завершились находкой множества странных базальтовых фигурок, которые поразительно отличаются своим стилем от хеттских скульптур, найденных на поверхности, — знаменитых быков, львов и крылатых сфинксов. Они плоские и угловатые, в них есть что-то варварское — но не в том смысле, как в африканской скульптуре, с которой их иногда сравнивали. Клинописные знаки на этих фигурках определенно принадлежат хеттам, а не финикийцам или ассирийцам, хотя если бы не они, я бы счел фигурки относящимися к совершенно иной культуре.

Эти надписи тоже задали нам загадку. Благодаря работам Грозного мы достаточно хорошо знаем хеттский язык. но в наших знаниях еще остается немало пробелов. Особенно это касается текстов, посвященных религиозным обрядам. (Можно представить себе, например, как озадачен будет археолог какой-нибудь будущей цивилизации, найдя текст католической мессы со знаками креста и непонятными аббревиатурами.) Знаки на базальтовых фигурках почти на три четверти оказались нам незнакомы, — это, по нашему предположению, как раз и означало, что почти все фигурки должны быть связаны с религиозными обрядами. Одна из немногих фраз, которые мы смогли прочесть, гласила:

«Прежде (или «ниже») Питханы жили Великие Древние». Другая читалась так: «Тюдали вознес хвалу Абхоту Темному». Хеттский символ, означающий «темное», может иметь и иной смысл — «черный», «нечистый» или «неприкасаемый», как на хинди.

Мои находки вызвали среди археологов оживленную дискуссию. Я с самого начала придерживался мнения, что фигурки относятся к другой-протохеттской (то есть предшествовавшей хеттам) культуре, которая значительно отличалась от обнаруженной в Богазкее и у которой хетты позаимствовали свою клинопись. Питхана, живший около 1900 г. до н.э., был одним из первых хеттских правителей. Если мое предположение было правильно, то эта надпись означала, что еще до Питханы жили какие-то «Великие» протохетты, от

которых хетты получили письменность. («Ниже» могло также означать, что их могилы расположены глубже хеттских, как и в Богазкее.) Что касается упоминания о Тю-дали, другом хеттском правителе, жившем примерно в 1700 г. до н.э., то опять-таки представлялось вероятным, что хетты позаимствовали часть своих религиозных обрядов у протохеттов, которые поклонялись богу «Абхоту Темному» (или «нечистому»).

Как я уже сказал, такова была моя первая интерпретация — согласно ей, хетты частично переняли религию своих предшественников из Кара-тепе и отразили это в надписях на фигурках. Но чем больше я размышлял над доступными мне фактами (которые слишком специальные, чтобы подробно излагать их здесь), тем больше склонялся к мнению, что эти фигурки позволяют объяснить, каким образом Кара-тепе оставалось островком хеттской культуры еще долго после падения хеттской империи.

Какая сила сможет надолго сдержать завоевателей? В данном случае — не сила оружия: все данные свидетельствовали о том, что культура Кара-тепе была не военной, а художественной. Простое безразличие? Но почему им это могло быть безразлично? Ведь через Кара-тепе, Зинджирли и Кархемиш лежал путь на юг, в Сирию и Аравию. Нет, мне казалось, что существует лишь одна сила, достаточно могучая, чтобы удержать напор честолюбивых и воинственных племен, — суеверный страх. Конечно же, могущество Кара-тепе и его соседей коренилось в некоей могучей религии или магии. Возможно, Кара-тепе было общепризнанным центром магической культуры, как Дельфы в Греции. А отсюда — и эти странные рельефы, изображающие людей с птичьими головами, крылатых быков, львов и странных существ, похожих на жуков.

Но Райх со мной не соглашался, исходя из своей датировки возраста фигурок. Он утверждал, что, несмотря на превосходную сохранность, они на много тысячелетий старше протохеттской культуры. Впоследствии это абсолютно точно подтвердилось благодаря его «нейтронному датировщику». Что ж, я был готов внести поправки: мне самому не слишком нравилась моя первоначальная датировка фигурок. Однако оставалась еще одна серьезнейшая проблема. Насколько мы знаем, ранее 3000 г. до н.э. в Малой Азии вообще *не существовало никакой цивилизации*. Дальше к югу были цивилизации, восходящие к 5000 г. до н.э., — но Турцию они не захватывали. Кто же тогда вырезал эти фигурки, если не протохетты? Может быть, их занесли сюда с юга? А если так, то откуда именно?

Первые два месяца, которые я проработал с Рай-хом, он был занят совершенствованием своего «нейтронного датировщика» и использовал мои фигурки в качестве главного тест-объекта. Но здесь возникли какие-то нелепые затруднения. Выяснилось, что датировщик дает исключительно точные результаты при работе с образцами керамики Шумера и Вавилона, где мы имели возможность проверить эти результаты. Однако с фигурками ничего не получалось: результаты оказывались настолько из ряда вон выходящими, что не возникало сомнений в их ошибочности.

Прибор Райха работает так. Нейтронный луч направляют на крохотные частички каменной пыли в трещинах и впадинах фигурок, и по степени выветривания и разрушения этих частичек прибор Должен определить, как давно были вырезаны фигурки. Но он оказался совершенно неспособен это сделать! Стрелка индикатора сразу прыгала к самому краю шкалы, где стояла цифра 10 000 г. до н.э., " Упиралась в ограничитель. Райх сказал, что надо бы увеличить диапазон индикатора — просто из любопытства, чтобы посмотреть, какая дата получится. И он путем довольно несложной регулировки увеличил диапазон примерно вдвое, но стрелка по-прежнему мгновенно упиралась в край шкалы. Райх уже начал подумывать, не допустил ли он сам какой-нибудь элементарной ошибки. Может быть, каменная пыль появилась вовсе не в момент изготовления фигурок — в этом случае прибор пытался показать нам дату возникновения самого базальта? Так или иначе, Райх велел своим помощникам сконструировать шкалу, охватывающую целый миллион лет, — нелегкая задача, которая должна была занять почти все лето. А мы в это время отправились в Кара-тепе, чтобы попробовать разобраться в проблеме на месте.

Да... Так вот, о первоисточнике проблемы. Каким невероятным все это кажется сейчас,

когда я рассказываю свою историю! Разве можно в свете подобных фактов верить в простое «совпадение»? Ведь уже тогда обе заботившие меня проблемы — тайна самоубийства моего друга и загадка базальтовых фигурок — начали все очевиднее сливаться в одну! Припоминая теперь то лето, я вижу, насколько неоправдан материалистический подход к историческому детерминизму.

Впрочем, попробую изложить события по порядку. Мы прибыли в Кадирли 16 апреля, 17-го разбили лагерь в Кара-тепе. Нам, конечно, ничто не мешало каждый день приезжать туда из нашего комфортабельного отеля в Кадирли. Но наших рабочих пришлось разместить в ближайшей деревне, и мы решили, что лучше проводить как можно больше времени на месте раскопок. К тому же вся моя романтическая натура восставала против того, чтобы каждый вечер покидать 2-е тысячелетие до нашей эры и возвращаться в конец XX века. Поэтому мы поставили себе палатки на ровной площадке, неподалеку от вершины холма. Снизу до нас постоянно доносился шум реки Пирам с ее желтой водой, клубящейся водоворотами. На вершине холма был установлен электронный зонд.

Здесь нужно сказать несколько слов об этом приборе, который тоже изобрел Райх, — с тех пор он произвел настоящий переворот в археологической науке. В сущности, прибор представляет собой не что иное как рентгеновский аппарат, работающий по принципу миноискателя. Но миноискатель способен обнаруживать только металлы, а рентгеновские лучи задерживают только твердые непрозрачные предметы. А так как земля сама тверда и непрозрачна, обычный рентген для археологии не годится. Больше того, предметы, которые интересуют археологов, — каменные изделия, керамика и все прочее — имеют примерно такое же молекулярное строение, как и окружающая земля, и на экране рентгеновского аппарата их увидеть нельзя.

Райх же модифицировал электронный лазер таким образом, что его луч мог проникать на глубину до пяти километров, и при этом использовал принцип «нейтронной обратной связи», благодаря которому зонд сразу распознавал любой предмет правильной формы, например каменный блок. Оставалось только докопаться до него, а это сделать было довольно несложно с помощью наших роботов-«кротов».

Нетрудно представить себе, как я волновался в тот день, когда мы прибыли в Кара-тепе. За предшествующие пятнадцать лет усердных раскопок не было найдено больше ни одной базальтовой фигурки и не появилось ни малейшего намека на их происхождение. Один только объем земли, который предстояло перекопать, до сих пор делал проблему неразрешимой. А изобретение Райха позволяло решить ее просто и изящно.

Тем не менее результаты первых трех дней нас разочаровали. Направив луч зонда вертикально вниз на месте старых раскопок, мы не увидели ничего. Еще полдня пришлось потратить на то, чтобы передвинуть прибор на сотню метров в сторону. На этот раз я был убежден, что мы что-нибудь обнаружим, — но ошибся. Мы с Райхом стояли, мрачно глядя на простиравшуюся внизу равнину и на массивный, тяжелый прибор и размышляя, сколько еще раз придется перетаскивать его с места на место, прежде чем удастся что-либо обнаружить.

На третий день вечером нас навестили турецкие коллеги — Фуад и Дарга. Мы решили слетать в Кадирли и пообедать в отеле. Охватившее нас сначала чувство раздражения — вызванное подозрением, что они подсланы турецким правительством, чтобы шпионить за нами, — вскоре прошло, — они оказались преисполнены дружелюбия и забросали нас вопросами. После отличного обеда и хорошего красного вина дневные разочарования казались уже не столь важными. Потом мы перешли в гостиную, где, кроме нас, никого не было, и приказали подать туда кофе по-турецки и коньяк.

Тут-то д-р Мухаммед Дарга и вернулся вновь к проблеме самоубийств. На этот раз он приехал вооруженный фактами и цифрами. Не буду пытаться в подробностях пересказать последовавший спор — он продолжался далеко за полночь, — но похоже было, что теории Дарги, касающиеся «биологического распада» цивилизаций, не так уж нелепы, как казалось сначала. «Как можно объяснить гигантский рост числа самоубийств в мире, — спрашивал Дарга, — если придерживаться той точки зрения, что это просто результат «неврозов цивилизации», чрезмерно спокойного существования, отсутствия подлинной цели в жизни? В современном мире все еще достаточно стимулов для борьбы, а психология за последние

пятьдесят лет сделала огромный скачок вперед. Преступность далеко не достигает тех цифр, каких можно было бы ожидать, если учитывать перенаселение. Но в первой половине двадцатого столетия преступность и число самоубийств росли параллельно. Почему же преступность снизилась, а число самоубийств так резко возросло? Это противоречит здравому смыслу. Преступность и число самоубийств всегда были связаны между собой. В начале века преступность была одной из причин высокой численности самоубийц: треть всех убийц кончали с собой. Нет, — говорил Дарга, — дело в некоем неизвестном нам законе исторического распада, о существовании которого догадался один лишь Шпенглер. Отдельные личности — всего лишь клетки огромного организма цивилизации, и скорость их отмирания, как и в человеческом организме, резко возрастает к старости».

Я вынужден был признать, что он больше чем наполовину меня убедил. Мы расстались далеко за полночь лучшими друзьями, и наши вертолеты, излетев в лунном свете над Кадирли, взяли курс в Разные стороны. К часу мы были уже на месте раскопок.

Ночь стояла великолепная. Воздух был наполнен ароматом асфodelей, которых греки считали цветами подземного мира, и бальзамическим запахом кустарника, покрывавшего наш холм. В тишине слышался только шум реки внизу. Горы вокруг напомнили мне мое первое путешествие на Луну: их отличала та же бесстрастная, мертвая красота.

Райх ушел к себе в палатку — он все еще раздумывал над статистическими данными Дарги. Я же взобрался на холм, вошел в верхние ворота города и по лестнице поднялся на городскую стену, откуда открывался вид на залитую лунным светом равнину. Должен признаться, что меня охватило романтическое настроение, и мне захотелось еще его усилить. Затаив дыхание, я принялся размышлять о давно истлевших часовых, которые когда-то стояли там, где сейчас стою я, и о тех временах, когда за горами на горизонте скрывались лишь орды ассирийцев.

Понемногу мои мысли приняли мрачное направление. Я ощутил все свое ничтожество, всю бессмысленность собственного существования. Моя жизнь — всего лишь едва заметная рябь на поверхности моря времени. Я осознал, насколько чужд мне весь окружающий мир, насколько безразлична ко мне вселенная. Я подумал, как тщетно стремление человека жить во что бы то ни стало, как нелепа его неизлечимая иллюзия величия. Мне показалось, что жизнь — не более чем сновидение, которое никогда не превращается в реальность.

Меня охватило невыносимое чувство одиночества. Мне захотелось пойти поговорить с Райхом, но свет у него в палатке уже погас. Пошарив в кармане в поисках платка, я нащупал сигару, которую преподнес мне д-р Фуад. Тогда я принял ее как ритуальный жест дружелюбия, потому что почти не курю. Но сейчас ее запах как будто вернул меня в повседневный человеческий мир, и я решил закурить. Срезав перочинным ножом кончик сигары, я проделал отверстие в другом конце и поднес к ней спичку. Но стоило мне набрать полный рот дыма, как я тут же об этом пожалел: вкус у сигары был отвратительный. Я положил ее на стену рядом с собой и продолжал смотреть вдаль. Прошло несколько минут, от сигары поднимался ароматный дымок, и я снова взял ее в рот, сделав на этот раз две-три глубоких затяжки. Тут же у меня на лбу выступил пот, и меня качнуло так, что пришлось опереться на стену. Я испугался, что меня вот-вот вырвет, и съеденный недавно прекрасный обед пропадет впустую. Вскоре тошнота прошла, но чувство отчужденности от собственного тела осталось.

В этот момент я снова взглянул на луну — и внезапно ощутил непреодолимый страх. Я чувствовал себя, как лунатик, который, очнувшись от сна, обнаруживает, что балансирует на карнизе в сотнях метров над землей. Страх был так силен, что я испугался за свой рассудок. Из всех сил пытался я с ним бороться, понять, чем он вызван. По-видимому, он был как-то связан с миром, который расстилался у меня перед глазами, — мне вдруг представилось, что я всего лишь ничтожная деталь окружающего ландшафта. Это ощущение очень трудно передать, но мне вдруг пришло в голову, что люди ухитряются охранять рассудок благодаря лишь одному: они смотрят на мир со своей узенькой, глубоко личной точки зрения, с точки зрения червя. Внешние предметы и явления могут им нравиться или не нравиться, но в любом случае они видят их сквозь это защитное стекло личного восприятия. Страх лишает их чувства собственной значительности, но не низводит до полного ничтожества; наоборот, он каким-то странным образом оказывает противоположное действие, усиливая в них ощущение своей

реальности. Я же внезапно как будто лишился этой защитной оболочки и увидел, что представляю собой всего лишь ничтожную частичку беспредельного мира, столь же незначительную, как крохотный камешек или муха.

Тут в моих чувствах произошла новая перемена. Я сказал себе: «Но ты ведь не просто камешек или муха. Ты не просто предмет. Иллюзия ты или нет, но твой разум вмещает в себя знания всех эпох. Вот ты стоишь тут, а *внутри* тебя хранится больше знаний, чем во всей библиотеке Британского музея с ее тысячами километров книжных полок».

Эта мысль в каком-то смысле оказалась для меня новой. Она заставила меня забыть об окружающем и обратить взор внутрь себя. И тут передо мной возник вопрос: если внешнее пространство бесконечно, то что можно сказать о пространстве, лежащем *внутри* человека? Сказал же Блейк*, что из центра атома открывается бесконечность!

Охвативший меня страх бесследно прошел. Теперь я видел, что ошибался, считая себя ничтожной частичкой неодушевленного мира. Я исходил из того, что перед человеком поставлен предел, потому что его мозг не безграничен, потому что в чемодан нельзя впихнуть больше вещей, чем он способен вместить. Но пространство сознания лежит в *ином измерении*. Тело — всего лишь стена, разделяющая две бесконечности. Снаружи его уходит в бесконечность пространство, внутри простирается в бесконечность сознание.

Я чувствовал, что наступил момент прозрения. Но когда я стоял, забыв о внешнем мире и напрягая все силы, чтобы заглянуть в свое внутреннее пространство, случилось нечто такое, что привело меня в ужас. Описать это почти невозможно, но мне показалось, что уголком глаза — уголком своего внимания, обращенного внутрь себя самого. — я заметил, как там *шевелинулось* какое-то чуждое существо. Я испытал сильнейшее потрясение — его можно сравнить только с ощущениями человека, который наслаждается покоем, сидя в теплой ванне, и вдруг чувствует, как его ноги касается что-то скользкое и холодное.

Через долю секунды озарение прошло. Я окинул взглядом поднимавшиеся вокруг горные вершины, плывущую над ними луну и ощутил прилив радости, словно только что вернулся дома и с другого конца вселенной. Голова у меня слегка кружилась, я чувствовал огромную усталость. Все это заняло меньше пяти минут.

Я повернул назад и направился к своей палатке. Через некоторое время я снова попробовал заглянуть внутрь себя, но на этот раз не почувствовал ничего.

Однако, забравшись в спальный мешок, я обнаружил, что совершенно не хочу спать. Я испытывал непреодолимое желание поговорить с Райхом, с кем *УГОДНО*. Мне нужно было с кем-то поделиться тем, что я внезапно осознал. Человек всегда считает, что его внутренний мир принадлежит ему одному. «Могила — мой уютный частный дом», — сказал Марвелл, и точно так же мы относимся к своему сознанию. В реальном мире наша свобода ограничена; в воображении мы можем делать все, что пожелаем. Больше того, мы можем хранить это в тайне от мира: сознание — самое потаенное место во вселенной, может быть, даже слишком потаенное. «Мечтаем мы лишь о ключе, в своей темнице каждый». Вся трудность лечения душевнобольных в том и состоит, как отпереть дверь этой темницы.

Однако я не мог забыть возникшего у меня ощущения, что в моем сознании присутствует что-то *чуждое* мне. Теперь, задним числом, это уже не казалось мне столь ужасным. В конце концов, если вы входите к себе в комнату, думая, что она пуста, и обнаруживаете, что там кто-то есть, вашей первой реакцией всегда будет страх. Что если туда пробрался грабитель? Но это скоро проходит. Даже если там действительно грабитель, он предстает перед вами как реальность, и первая вспышка ужаса гаснет. Самым же пугающим было то, что это присутствие чего-то — или кого-то — чуждого мне я ощутил, так сказать, внутри моей собственной головы.

По мере того как страх отступал и сменялся любопытством, мне захотелось спать. Уже засыпая, я подумал: а не было ли все это галлюцинацией, вызванной кофе по-турецки и сигарой? На следующее утро, проснувшись в семь часов, я понял, что это была не галлюцинация: воспоминание о необычном ощущении было необычно ярким. И все же, сознаюсь, теперь оно вызывало у меня не столько ужас, сколько некое возбуждение. Понять это, вероятно, будет не так уж трудно. Повседневный мир приковывает к себе наше внимание и не дает нам «уходить в себя». Но мне, романтику, это всегда не нравилось: я люблю

«уходить в себя», а жизненные заботы и тревоги этому мешают. Теперь же у меня появилась новая забота, касающаяся чего-то, что лежит *внутри* меня, и это постоянно напоминало мне, что мой внутренний мир столь же реален и важен, как и мир внешний.

За завтраком я испытывал сильнейшее искушение поговорить обо всем этом с Райхом. Но что-то меня удержало — наверное, опасение, что он просто ничего не поймет. Он заметил, что я выгляжу рассеянным, и я сказал, что зря выкурил вчера подаренную Даргой сигару. На том все и кончилось.

В то утро я присматривал за переноской электронного зонда на новое место, ниже по склону холма. Райх пошел к себе в палатку, чтобы попытаться придумать какой-нибудь менее трудоемкий способ перемещать прибор — например, тележку на воздушной подушке. Рабочие установили аппаратуру на полдороге к подножью холма, у нижних ворот города. Когда все было готово, я подсел к прибору, отрегулировал положение ручек и нажал на кнопку.

Почти в тот же момент я понял — мы на что-то наткнулись. Посередине белой линии, которая тянулась по экрану сверху вниз, появился хорошо заметный выступ. Когда я увеличил мощность, усилив обратную связь, выступ превратился в несколько параллельных горизонтальных линий. Я послал бригадира за Райхом, а сам принялся осторожно поворачивать ручки регулировки, прощупывая землю со всех сторон от обнаруженного объекта. Экран показал, что слева и справа от него находятся еще несколько таких же объектов.

Это была моя первая находка, сделанная с помощью электронного зонда, поэтому я не имел ни малейшего представления ни о размерах объекта, ни о глубине, на которой он залегает. Но когда через минуту прибежал Райх, ему достаточно было одного взгляда на экран и еще одного — на положение ручек регулировки.

— О Господи! — сказал он. — Эта проклятая машина опять барахлит.

— Почему?

— Наверное, вы слишком сильно повернули ручку, или какой-нибудь контакт разошелся. Судя по тому, что показывает машина, этот объект лежит под землей на глубине в три с половиной километра, а высота его — двадцать один метр!

Изрядно опечаленный, я отошел от прибора. Действительно, я совершенно не умею обращаться ни с какими механическими устройствами. Новые автомобили ломаются через несколько часов после того, как я сажусь за руль: у машин, которые до сих пор работали как часы, перегорают предохранители, как только я к ним подойду. Сейчас я не думал, что сделал что-нибудь не так, но тем не менее чувствовал себя виноватым.

Райх отвинтил панель, заглянул внутрь и сказал, что на вид все в порядке и что придется ему после обеда проверить все схемы. Я принялся извиняться, но он похлопал меня по плечу.

— Все это неважно. Во всяком случае, что-то мы нашли. Осталось только выяснить, на какой оно глубине.

Мы съели отменный холодный обед, и Райх занялся своим прибором. Я взял надувной матрац, отошел в сторонку и улегся в тени городских ворот, украшенных изваяниями львов, — наверстывать время, которое недоспал. Мгновенно уснув, я проспал крепким, спокойным сном около двух часов.

Открыв глаза, я увидел, что рядом стоит Райх, молча глядя на противоположный берег реки. Я взглянул на часы и поспешно сел.

— Почему вы меня не разбудили? Он присел на землю рядом со мной. Вид у него был какой-то подавленный.

— В чем дело? Не можете найти поломку? Он задумчиво взглянул на меня.

— Никакой поломки там нет. Я ничего не понял.

— Вы хотите сказать, что починили его?

— Нет. Никакой поломки там и не было.

— Ну, это приятно слышать. Тогда в чем же было дело?

— Это-то меня и беспокоит. Ни в чем.

— Ах, вот как? Значит, вы знаете, на какой глубине лежит эта штука?

— Знаю. На той самой, какую показала стрелка. Три с половиной километра.

Я сумел сдержать волнение: теперь это была для меня уже не самая большая неожиданность.

— Три с половиной километра? — переспросил я. — Но это гораздо глубже, чем основание холма. Значит... погодите... это примерно на уровне археозойских пород.

— Ну, не обязательно. Впрочем, готов с вами согласиться.

— К тому же если он точно показал глубину, то он, вероятно, так же точно показал и размер этого каменного блока — двадцать один метр? Это что-то мало вероятно. Даже блоки, из которых построена пирамида Хеопса, куда меньше.

— Мой дорогой Остин, — добродушно произнес Райх, — я с вами целиком согласен. Это просто невозможно. Но я проверил все до единой схемы прибора. Не вижу, где я мог ошибиться.

— Есть только один способ выяснить, как обстоит дело: послать вниз «крота».

— Именно это я и собирался предложить. Но если эта штука на самом деле в трех с половиной километрах от поверхности, от «крота» никакого толку не будет.

— Почему?

— Во-первых, потому что он не рассчитан на то, чтобы пробиваться сквозь скальную породу — толь ко сквозь землю или глину. А на такой глубине он обязан встретить скальные породы. Во-вторых, потому что даже если на этой глубине не будет скальных пород, «крота» раздавит: это то же самое, что погрузить его на три с половиной километра в океан. Давление там — десятки атмосфер. А поскольку температура с каждым километром поднимается на три десятка градусов, там будет слишком жарко для электронного оборудования.

Только теперь до меня дошла вся гигантская сложность задачи. Если Райх прав, то нам нечего надеяться когда-нибудь откопать находящиеся там, внизу, «объекты», представляющие собой, видимо, часть городской стены или какого-нибудь храма. При всех наших технических достижениях у нас нет машин, которые были бы способны работать при таких температурах и давлениях и поднять такие огромные каменные блоки с глубины в три с половиной километра.

Мы с Райхом вернулись к прибору, продолжая обсуждать ситуацию. Если прибор не врет — а Райх как будто был убежден, что он не врет, — то возникала совершенно необычная чисто археологическая проблема. Каким образом могли остатки сооружений погрузиться на такую глубину? Может быть, во время какого-то вулканического извержения целый участок земной поверхности опустился вниз — обрушился в открывшуюся под ним пропасть? А потом, возможно, оставшаяся впадина была заполнена водой и илом... Но слой ила толщиной в три с половиной километра?.. Сколько же тысяч лет могло понадобиться на его образование? Мы оба чувствовали, что вот-вот сойдем с ума. Нам очень хотелось поскорее добраться до телефона и посоветоваться с коллегами, но мы решили этого не делать: а что если все дело в какой-нибудь нелепой ошибке?

К пяти часам «крот» был подготовлен к запуску и стоял, направив носовую часть вертикально вниз. Райх нажал на какую-то кнопку на пульте дистанционного управления, и нос «крота», формой напоминавший пулю, начал вращаться. Во все стороны полетела земля, потом на месте, где стоял «крот», остался лишь небольшой рыхлый холмик. Несколько минут он как будто шевелился, и вот уже никаких следов «крота» не было заметно.

Я подошел к экрану радара. У верхнего его края дрожала яркая белая точка. Мы смотрели, как она медленно — очень медленно, медленнее минутной стрелки часов — движется вниз. Рядом с экраном радара был еще один экран, вроде телевизионного, на котором виднелись только волнистые линии, похожие на струйки дыма. Время от времени линии местами бледнели или вообще прерывались — это означало, что «крот» повстречал на пути камень. Если бы ему попался какой-нибудь предмет диаметром больше трех метров, он должен был автоматически остановиться, и тогда электронный лазер обследовал бы поверхность предмета.

Час спустя белая точка доползла до середины экрана — «крот» достиг примерно полуторакило-метровой глубины. Теперь он двигался медленнее. Райх подошел к зонду и привел его в действие. На экране зонда тоже появился «крот», и стрелка подтвердила, что он находится на глубине в полтора километра. А ниже на экране, все в том же месте, виднелись

огромные каменные блоки. Зонд работал точно.

Напряжение охватило всех присутствующих. Рабочие стояли кучкой, не сводя глаз с экрана радара. Зонд Райх выключил: его луч мог вывести «крота» из строя. Конечно, мы рисковали повредить дорогой механизм, но не видели другого выхода. Зонд был проверен и перепроверен. Его показания, несомненно, свидетельствовали о том, что огромные блоки имеют более или менее правильную форму и располагаются рядом друг с другом. Случайными обломками скал они быть не могли.

Впрочем, потеря «крота» не была неизбежной. Его металл» упрочненный электронной бомбардировкой, мог выдержать температуру в 800 градусов: создатели машины предвидели, что она может повстречать жилы вулканической лавы. Конструкция «крота» отличалась невероятной прочностью: нам гарантировали, что он устоит под давлением в 400 атмосфер. Правда, если «крот» доберется до каменных блоков, лежащих на глубине в три с половиной километра, ему придется выдерживать вдвое большее давление! Кроме того, аппаратура, связывающая его с поверхностью, при таких температурах может отказаться. И к тому же всегда оставалась возможность, что расстояние до «крота» превысит максимальную дальность, на которой еще возможно дистанционное управление им, или что на нем выйдет из строя приемник.

Около половины восьмого, когда уже начало темнеть, «крот» почти преодолел вторую половину пути. Каменные блоки были теперь меньше чем в километре под ним. Рабочих мы отпустили, но многие из них так и не ушли. Наш повар соорудил кое-какой ужин из консервов: ему было явно не до того, чтобы что-то готовить.

Наступила ночь. Мы сидели в темноте, вслушиваясь в тихое гудение радара и вглядываясь в яркую белую точку. Время от времени мне начинало казаться, что она остановилась. Райх, глаза у которого были зорче моих, всякий раз убеждал меня, что я ошибся.

К половине десятого последние рабочие разошлись по домам. Я завернулся в несколько одеял: поднялся холодный ветер. Райх курил сигару за сигарой, и даже я выкурил пару сигарет. Внезапно гудение прекратилось. Райх вскочил и сказал:

- Он на месте.
- Вы уверены? — От волнения у меня сел голос.
- Абсолютно. Он сейчас прямо над блоками.
- А что дальше?
- Дальше мы включим сканер.

Он снова пустил в ход зонд. Теперь наши глаза были прикованы к телевизионному экрану. Он был пуст — это означало, что сканер направлен на какой-то массивный твердый предмет. Райх покрутил ручки. Опять появились волнистые линии» но теперь они были тоньше и прямее. Райх что-то снова подкрутил, и они стали сближаться, пока весь экран не покрылся сеткой тонких черных и белых линий, наподобие брюк в узкую полоску. На фоне этой сетки отчетливо виднелись многочисленные черные шрамы» рассекавшие поверхность камня. За последние несколько часов я так переволновался, что теперь мог смотреть на них почти спокойно. Не могло быть никаких сомнений относительно того, что это такое: я уже много раз видел то же самое на поверхности базальтовых фигурок. Перед мной были клинописные знаки, которые складывались в имя Абхота Темного.

Больше нам нечего было здесь делать. Мы сфотографировали экран, потом вернулись в палатку Райха и связались по радио с Даргой, находившимся в Измире. Райх объяснил ему ситуацию, принес извинения за риск, которому мы подвергли «крота» — он принадлежал турецкому правительству, — и сказал, что теперь нами точно установлено: эти блоки относятся к культуре «Великих Древних», которые упоминаются в надписи на одной из фигурок.

Я подозреваю, что в тот момент Дарга был немного пьян: он не сразу понимал наши слова, и приходилось объяснять ему все по нескольку раз. Потом он предложил разыскать Фуада и немедленно прилететь к нам. Мы убедили его, что в этом нет никакого смысла, потому что мы сейчас ложимся спать. Он сказал, что мы должны переместить «крота» вбок,

чтобы обследовать соседние блоки. Райх заметил, что это невозможно: «крот» не может двигаться вбок, а только вперед или задним ходом. Его можно лишь отвести назад метров на тридцать и придать ему новое направление, но это займет несколько часов.

В конце концов мы уговорили Даргу не приезжать и закончили разговор. Оба мы невероятно устали, но спать ни мне, ни Райху не хотелось. Повар оставил нам все, что нужно, чтобы сварить кофе, мы выпили по чашке, понимая, что этого делать не стоило, и откупорили бутылку коньяку.

И вот тогда, в полночь 21 апреля 1997 года, сидя в палатке Райха, я рассказал ему о том, что испытал накануне. По-моему, я это сделал только ради того, чтобы отвлечь нас обоих от мыслей об этих двадцатиметровых каменных блоках, что лежали в глубине земли у нас под ногами, и в этом я вполне преуспел.

К моему удивлению, Райх не увидел в моей истории ничего странного. В университете он изучал психологию Юнга* и был знаком с идеей «коллективного бессознательного». Если оно существует, то, значит, сознание каждого человека представляет собой не отдельный островок, а часть огромного континента. Оказывается, Райх читал гораздо больше литературы по психологии, чем я. Он процитировал мне работу Олдоса Хаксли, который где-то в 40-х годах, экспериментируя с мескалином, пришел к такому же выводу: что сознание простирается внутри нас в бесконечность. Очевидно, в определенном смысле Хаксли пошел даже дальше — он говорил о сознании как о самостоятельном мире, подобном внешнему миру, в котором мы живем, как о планете с собственными джунглями, пустынями и океанами. И на этой планете, естественно, должны обитать самые разнообразные неведомые существа.

Тут я возразил: должно быть, слова Хаксли о неведомых существах — всего лишь метафора, поэтическая вольность? В сознании могут «жить» только воспоминания и мысли, но не чудовища. В ответ Райх пожал плечами.

— Откуда нам это знать?

— Согласен, мы этого не знаем. Но это подсказывает нам здравый смысл.

Я припомнил, что пережил прошлой ночью, и почувствовал, что не так уж уверен в своей правоте. Действительно ли это «здравый смысл»? Или мы просто усвоили привычку определенным образом представлять себе человеческое сознание — подобно тому, как наши предки считали Землю центром Вселенной? Я говорю о «своем сознании», как мог бы говорить о «своем саде». Но в каком смысле мой сад — действительно «мой»? Он полон червей и насекомых, которые не спрашивают у меня разрешения на то, чтобы там поселиться. Он будет существовать и после того, как я умру...

Как ни странно, от этих мыслей мне стало легче. Они объясняли причину моей тревоги — по крайней мере, мне так казалось. Если личность — всего лишь иллюзия, а сознание — что-то вроде океана, то почему бы в нем и не жить неведомым существам? Прежде чем заснуть, я подумал, что надо будет выписать книгу Хаксли *«Небеса и преисподняя»*. Размышления же Райха имели более практический характер. Через десять минут после того, как мы расстались, он крикнул мне из своей палатки:

— Знаете, мне кажется, мы имеем все основания попросить у Дарги большую машину на воздушной подушке, чтобы перемещать зонд. Это намного облегчит нам жизнь!

Сейчас кажется просто невероятным, что оба мы тогда не догадывались, какие последствия будет иметь наше открытие. Мы, конечно, рассчитывали, что оно произведет известное впечатление в кругах археологов. Но никто из нас не вспомнил, что случилось после того, как Картер нашел гробницу Тутанхамона*, или после открытия в Кум-ране рукописей Мертвого моря. Археологи часто забывают о том, что существуют средства массовой информации, а журналисты весьма склонны к истерике.

Фуад и Дарга разбудили нас в половине седьмого, еще до того, как появились рабочие. С ними прилетели четыре правительственных чиновника и парочка американских кинозвезд, которые совершали туристическую поездку и случайно оказались поблизости. Райх был недоволен непрошеным вторжением, но я убедил его, что турецкое правительство действует в пределах своих прав. К кинозвездам это, впрочем, вряд ли относилось.

Прежде всего, они хотели убедиться, что каменные блоки действительно расположены на глубине трех с половиной километров. Райх включил зонд и продемонстрировал им очертания «Абхотова камня» (как мьт стали его называть) и «крота» рядом с ним. Дарга выразил сомнение в том, что «крот» мог проникнуть на глубину трех с половиной километров. Райх терпеливо подошел к пульту управления «крота» и включил его.

Результат был обескураживающий: экран остался темным. Райх попытался привести в действие двигательную установку «крота», но безуспешно. Это могло означать только одно — высокая температура, а может быть, давление вывели из строя приборы «крота».

Конечно, это была неудача, но не столь уж серьезная. «Крот» — машина дорогостоящая, но его можно заменить другим. Однако Дарга и Фуад все еще хотели убедиться, что зонд в полной исправности. Райх потратил все утро на то, чтобы проверить вместе с ними все схемы прибора и доказать, что сомневаться нет никаких оснований: каменные блоки действительно расположены на глубине трех с половиной километров. Мы проявили сделанную с экрана радара фотографию «Абхотова камня» и сравнили знаки на нем с письменами на базальтовых фигурках. Не могло быть никаких сомнений, что они относятся к одной и той же культуре.

Существовала, разумеется, единственная возможность радикально решить проблему — для этого нужно было прорыть настоящий тоннель до самых каменных блоков. Должен сказать, что в тот момент мы еще не знали, какого они размера, и предполагали, что видим на экране зонда целую стену или здание. Правда, мы были несколько озадачены, увидев радарную фотографию: она была снята *сверху*, а это, видимо, должно было означать, что стена, или здание, лежит на боку. Ни одной древней цивилизации, которая размещала бы свои надписи на верхнем торце стены или на крыше здания, наука не знает.

Наши гости тоже недоумевали, но впечатление все это на них произвело огромное. Если только не произошло какой-то нелепой ошибки, нами было сделано, несомненно, величайшее открытие в истории археологической науки. Самая древняя известная нам цивилизация — культура индейцев племени мазма на плато Маркагуаси в Андах — имеет возраст 9000 лет. А если вспомнить результаты, которые мы получили при исследовании базальтовых фигурок с помощью нейтронного датировщика и сочли неверными, то из них, видимо, следовало, что мы имеем дело с цивилизацией, по меньшей мере вдвое более древней.

Фуад и его спутники остались с нами обедать и улетели около двух часов. К этому времени их возбуждение стало передаваться и мне, хотя я и испытывал некую смутную досаду из-за того, что способен ему поддаться. Фуад пообещал как можно скорее прислать нам машину на воздушной подушке, но сказал, что на это может потребоваться несколько дней. Мы решили, что до тех пор не станем и пытаться перемещать зонд вручную. Было очевидно, что теперь мы получим куда большую помощь от правительства, чем рассчитывали, и тратить попусту силы не было смысла. У нас оставался еще один «крот», но рисковать еще и им не стоило. Поэтому к половине третьего в тот день мы сидели в тени нижних ворот, пили апельсиновый сок и не знали, куда себя девать.

Полчаса спустя явился первый журналист, корреспондент «Нью-Йорк Таймс» из Анкары. Райх пришел в ярость, решив — без всяких к тому оснований, — что турецкое правительство воспользовалось ситуацией, чтобы устроить себе рекламу. (Впоследствии мы узнали, что прессу оповестили те кинозвезды.) Он ушел к себе в палатку и оставил меня

развлекать журналиста — довольно приятного человека, который читал мою книгу о хеттах. Я показал ему фотографию и объяснил, как работает зонд. Он спросил меня, что случилось с «кротом». Я ответил, что не имею ни малейшего представления и даже не могу ручаться, что его не повредили какие-нибудь троглодиты, напавшие на него под землей. Боюсь, это была первая из моих ошибок. Вторую я допустил, когда он спросил меня, какого размера «Абхотов камень». Я указал на то, что мы не знаем, действительно ли это *один* блок, даже несмотря на то, что по обе стороны его, по-видимому, расположены два таких же. Возможно, это огромный монолит, служивший объектом поклонения, а возможно — какое-то сооружение вроде зиккурата в Уре*. Если это монолит, то не исключено, что мы имеем дело с племенем гигантов.

Зиккурат — культовое сооружение в древней Ассирии и Вавилоне в виде многоярусной пирамиды из сырцового кирпича: Ур — древний город в Месопотамии (V тыс. — IV в. до н.э.).

К моему удивлению, корреспондент принял мои слова всерьез и спросил, действительно ли я разделяю теорию, что мир был когда-то населен гигантами, впоследствии уничтоженными в результате какой-то катастрофы, случившейся с Луной. Я ответил, что как ученый не имею права отвергать ни одной гипотезы, пока какая-нибудь из них не будет убедительно доказана. Он, однако, не отставал. Нельзя ли считать все, что мы нашли, таким доказательством? Я ответил, что пока ничего определенного сказать не могу. Тогда он спросил, считаю ли я, что такие огромные монолиты могли быть передвинуты руками обыкновенных людей, как блоки, из которых сложены пирамида в Гизе* или толтекская Пирамида Солнца в Теотиуакане**. Все еще не подозревая подвоха, я указал ему на то, что самые крупные блоки пирамиды в Гизе весят двенадцать тонн, а монолит высотой в двадцать один метр вполне может весить тысячу тонн. Но я подтвердил, что мы до сих пор толком не знаем, как перемещали камни, из которых сложена пирамида Хеопса, или монолиты Стоунхенджа: возможно, эти первобытные племена обладали куда большими познаниями, чем мы думаем...

Я не успел отделаться от корреспондента *«Нью-Йорк Таймс»*, как появились еще три вертолета, и опять с журналистами. К четырем часам Райха уговорили вылезти из палатки, и он продемонстрировал устройство своего зонда — надо сказать, довольно-таки неохотно. К шести оба мы выбились из сил и охрипли. Нам удалось улизнуть в Кадирли и спокойно пообедать у себя в отеле. Управляющий получил строжайший приказ отвечать всем по телефону, что нас нет. Но в девять часов к нам все-таки пробился Фуад, который размахивал свежим номером *«Нью-Йорк Таймс»*. Вся первая полоса была занята статьей «Самое большое открытие за всю историю». По словам автора, я будто бы утверждал, что мы обнаружили город, принадлежавший племени гигантов, и намекал, что эти гиганты были заодно и магами — они устанавливали свои монолиты весом в тысячи тонн с помощью волшебства, тайна которого давно утрачена. Здесь же мой довольно известный коллега высказывал мнение, что пирамиды Египта и древнего Перу не могли быть построены никаким из известных ныне способов и что новое открытие, безусловно, это окончательно доказывает. А на одной из следующих полос газеты была напечатана популярная статья «Гиганты Атлантиды».

Я заверил Фуада, что ничего не говорил про гигантов — во всяком случае, в таком контексте. Он взялся позвонить в редакцию *«Нью-Йорк Таймс»* и поправить дело. После этого я ретировался в номер к Райху, чтобы выпить напоследок рюмку коньяку, оставив строжайший приказ говорить всем, что меня нет, — будь это хоть сам турецкий султан.

Наверное, сказанного достаточно, чтобы понять, почему мы еще целую неделю не могли вернуться на место раскопок. Турецкое правительство прислало солдат, чтобы охранять наше оборудование, но приказа не допускать посетителей у них не было, и вертолеты кишели в небе над Кара-тепе, как мухи над вареньем. Отели в Кадирли были забиты до отказа — такого еще не случалось за все время их существования. Нам с Райхом пришлось сидеть дома, иначе на нас кидались сотни любителей сенсаций и всевозможных сумасшедших. Уже двенадцать часов спустя турецкое правительство предоставило нам машину на воздушной подушке, но воспользоваться ею мы не могли. На следующий день Фонд Карнеги выделил нам два миллиона долларов на то, чтобы начать проходку тоннеля, и

еще два миллиона мы получили от Всемирного финансового комитета. В конце концов турецкое правительство согласилось окружить Кара-тепе проволочной изгородью, и это было сделано, при некоторой помощи американских и русских благотворительных фондов, меньше чем за неделю. Только тогда мы смогли возобновить работы.

Вся наша жизнь не могла не измениться самым решительным образом. Теперь не приходилось и мечтать о том, чтобы спокойно полежать после обеда или проболтать до полуночи в палатке. Холм охранялся солдатами. Видные археологи, съехавшиеся со всего мира, осаждали нас вопросами и предложениями. В воздухе жужжали вертолеты, которые не приземлялись только благодаря строгим предупреждениям, непрерывно передаваемым по радио с наспех сооруженной вышки для управления полетами — это был еще один плод американо-российского сотрудничества.

Однако кое-что изменилось и к лучшему. Группа инженеров установила зонд на машине на воздушной подушке, так что мы могли мгновенно снимать показания даже над самой пересеченной местностью. Турецкое правительство предоставило нам еще двух «кротов» усиленной конструкции. Если требовались деньги или какое-нибудь оборудование, нам достаточно было только попросить — о таком археолог может лишь мечтать.

В следующие два дня мы сделали множество поразительных открытий. Прежде всего, зонд показал, что мы обнаружили целый погребенный город. Стены и здания тянулись во все стороны почти на два километра, а холм Кара-тепе стоял приблизительно посередине. И это был действительно город гигантов. «Абхотов камень» оказался не зданием и не культовым сооружением — это был всего лишь один строительный блок, вырубленный из самого твердого вулканического базальта. Один из новых «кротов» сумел даже отбить от него кусочек и доставить на поверхность.

Тем не менее нас преследовало какое-то невезение. Не прошло и сорока восьми часов, как мы лишились одного из новых «кротов». С ним случилось то же, что и с первым: на глубине в три с половиной километра он перестал откликаться на наши команды. Неделью спустя мы потеряли еще одного «крота? — похороненным на дне земляного моря оказалось оборудование еще на полмиллиона фунтов. По небрежности пилота машина на воздушной подушке рухнула на барак, где разместились турецкие солдаты, и восемнадцать человек погибло. Зонд, правда, не пострадал, но газеты, по-прежнему не оставлявшие нас в покое, тут же вспомнили злоключения экспедиции Картера-Карнарвона в 1922 году и сенсационные истории о «проклятии Тутанхамона». Один коллега, на сдержанность которого я, казалось, мог положиться, предал гласности мою теорию, согласно которой хетты Кара-тепе уцелели благодаря своей репутации магов, и это вызвало новую волну сенсационных публикаций. И тут впервые было упомянуто имя Г.Ф.Лавкрафта.

Как и большинство моих коллег, я никогда не слышал о Лавкрафте — авторе мистических рассказов, умершем в 1937 году. В течение долгого времени после его смерти в Америке существовала даже немногочисленная секта поклонников Лавкрафта, возникновению которой способствовал его друг, романист Огаст Дерлет, неустанно пропагандировавший его произведения. Теперь Дерлет написал Райху письмо, где указал на то, что у Лавкрафта встречается имя «Абхот Нечистый» и что он там фигурирует в качестве одного из «Великих Древних».

Когда Райх показал мне письмо, моей первой мыслью было, что это розыгрыш. Мы справились в литературной энциклопедии и выяснили, что Дерлет — хорошо известный американский писатель, которому уже пошел девятый десяток. Лавкрафт в энциклопедии не упоминался, но, созвонившись с библиотекой Британского музея, мы узнали, что такой писатель тоже существовал и действительно был автором книг, на которые ссылался Дерлет.

Вскоре после окончания экспедиции, во время которой было найдено захоронение фараона Тутанхамона, несколько ее участников трагически погибли, что дало основания говорить о постигшем их «проклятии Тутанхамона». ** Лавкрафт, Говарл Филипп [1890-1937) — американский писатель-фантаст. Большая часть его произведений, преимущественно мистического содержания, нышла в спет после его смерти. Популярности их способствовала посвященная Лавкрафту книга другого американского писателя-фантаста —

О.Дерлета, вышедшая в 1959 гВ письме Дерлета была одна поразившая меня фраза. Признавая, что он не может объяснить, где Лавкрафт мог слышать про «Абхота Темного» — поскольку ни в одном хеттском документе, найденном до 1937 года, это имя не встречается, — Дерлет добавил: «Лавкрафт всегда придавал большое значение сновидениям и часто говорил мне, что сюжеты многих рассказов пришли ему в голову во сне».

— Вот еще одно доказательство вашего «коллективного бессознательного», — сказал я Райху. Однако он начал доказывать, что это, скорее всего, совпадение. Авaddon, или Аббадонна, — имя ангела смерти в древнееврейских легендах, а окончание «хот» — древнеегипетское. Некий бог «Абаот» упоминается в вавилонских документах, которые Лавкрафт мог видеть. Что до «Великих Древних», то таких персонажей автор мистических рассказов вполне мог выдумать сам.

— Зачем припутывать сюда коллективное бессознательное? — закончил Райх, и я склонен был с ним согласиться.

Но несколько дней спустя мы вынуждены были изменить свое мнение. До нас наконец дошла бандероль с книгами, которую послал нам Дерлет. Я раскрыл рассказ под названием «Тень из другого времени» — и сразу же наткнулся на описание гигантских каменных монолитов, погребенных под австралийской пустыней. В тот же момент Райх, сидевший в кресле напротив, издал удивленное восклицание и прочел вслух: «Тот, кто живет во тьме, зовется еще и Ниогтха». Только накануне вечером мы смогли приблизительно перевести надпись на Абхотовом камне: «И кони будут приведены парами перед лицо Ниогтхи». Я, в свою очередь, прочел Райху описание подземных городов из рассказа «Тень из другого времени» — «могущественных городов из базальта с глухими башнями без окон», выстроенных «древним племенем полуполипов».

Больше невозможно было сомневаться в том, что Лавкрафт каким-то непонятным образом предвосхитил наши открытия. Мы не стали терять время, гадая, как это ему удалось: сумел ли он как-то заглянуть в будущее — наподобие того, как это описано у Данна в «Эксперименте с временем», — и узнал о результатах наших раскопок, или тайна, скрытая под землей Малой Азии, открылась ему во сне. Это не имело значения. Перед нами встал другой вопрос: насколько произведения Лавкрафта были плодом литературного вымысла и насколько результатом прозрения?

Нам было немного не по себе: вместо того, чтобы заниматься своим прямым делом — археологией, мы тратили время на изучение произведений писателя, который публиковался большей частью в дешевом журнальчике «Странные истории». Мы постарались как можно дольше держать это в тайне и делали вид, будто целыми днями исследуем клинописные надписи, а тем временем сидели запершись в номере Райха (он был немного больше моего) и читали подряд рассказы Лавкрафта. Когда нам приносили еду, мы прятали книги под подушки и принимались разглядывать фотографии надписей. Мы были уже научены горьким опытом и знали, что произойдет, если какой-нибудь журналист пронюхает, чем мы заняты. Мы даже связались по видеофону с Дерлетом — дружелюбным и вежливым старым джентльменом с пышной седой шевелюрой — и попросили его никому не сообщать о своем открытии. Он с готовностью согласился, но заметил, что у Лавкрафта все еще немало читателей, и кто-нибудь из них может обнаружить то же самое.

Чтение Лавкрафта и само по себе было занятием интересным и не лишенным приятности. Этот человек отличался незаурядным воображением. Читая его произведения в хронологическом порядке, мы заметили, что в них постепенно меняется место действия. В ранних рассказах оно обычно происходит в Новой Англии, в вымышленном графстве Аркхем, покрытом дикими холмами и зловещими долинами. Обитатели Аркхема — судя по всему, большей частью какие-то дегенераты, приверженные к запретным наслаждениям и к общению с демонами. Значительное их число, естественно, плохо кончает. Однако понемногу тон произведений Лавкрафта меняется. Его фантазии из внушающих ужас становятся величественными, в них рисуются гигантские промежутки времени, титанические города, сражения между чудовищными внеземными расами. Жаль, что он продолжал писать на языке литературы ужасов — несомненно, ради того, чтобы обеспечить своим книгам сбыт: иначе его можно было бы считать одним из первых и самых лучших авторов в жанре научной

фантастики. Нас интересовал по преимуществу именно этот, более поздний научно-фантастический период его творчества (хотя это не следует понимать слишком буквально:

«Абхот Нечистый» упоминается как раз в одном из его ранних рассказов, посвященных Аркхему).

Самое поразительное было то, что описания «циклопических городов» Великих Древних (это не полуполипы а те, кто пришел им на смену) совпадало с тем, что мы теперь знали о нашем собственном подземном городе- Согласно Лавкрафту, в этих городах не было лестниц, а только наклонные плоскости, ибо в них обитали огромные существа, имевшие форму конуса со щупальцами; основание конуса было «оторочено каучукоподобным серым веществом, благодаря расширению и сокращению которого существо передвигалось». Зонд показал нам, что в городе, расположенном под холмом Кара-тепе, много наклонных плоскостей и, по-видимому, отсутствуют лестницы. А размеры его вполне оправдывали эпитет «циклопический».

Нетрудно понять, что наш подземный город поставил перед нами проблему, с которой археология до сих пор еще не сталкивалась. То, что предстояло сделать Лэйярду, раскапывая огромный холм, представлявший собой остатки Нимруда, было сущим пустяком по сравнению с нашей задачей. По подсчетам Райха, чтобы полностью вскрыть развалины, нам предстояло переместить около сорока миллиардов тонн грунта. Совершенно очевидно было, что это нереально. Другой выход состоял в том, чтобы прорыть к городу несколько широких тоннелей, которые заканчивались бы обширными подземными выемками. Тоннелей должно было быть несколько, потому что делать одну большую выемку мы не решались: человечеству который мог бы выдержать вес каменной кровли толщиной в три с половиной километра. Это означало, что весь город целиком никогда не будет раскопан, но с помощью зонда можно определить, какие его части представляют наибольший интерес. И даже для проведения одного такого тоннеля потребовалось бы вынуть сотню тысяч тонн грунта, но это было еще в пределах возможного.

Прессе хватило ровно недели, чтобы дознаться о том, что мы открыли для себя Лавкрафта. Это стало, вероятно, самой большой сенсацией с самого момента нашей первоначальной находки. Газеты просто обезумели. После всех разговоров о гигантах, магии и темных богах только этого им и не хватало. До сих пор бал правили популяризаторы археологии, свихнувшиеся на пирамидах, и приверженцы теории всемирного оледенения. Теперь же пришел черед спиритов, оккультистов и иже с ними. Кто-то написал статью, где доказывал, что Лавкрафт позаимствовал свою мифологию у мадам Блават-ской *. Кто-то другой объявил, что все это каббалистика. Лавкрафт внезапно стал самым читаемым писателем в мире, его книги, переведенные на все языки, расходились миллионными тиражами. И многие из тех, кто их прочитал, пришли в ужас, решив, что мы намерены потревожить «Великих Древних» в их подземных гробницах и что в результате произойдет катастрофа, так живо описанная Лавкрафтом в «Зове Кталху».

Город, о котором шла речь в «Тени из другого времени», был безымянным, но в одном раннем рассказе Лавкрафта он упоминается под именем «неведомого Кадата». Газетчики окрестили наш подземный город Кадатом, и это название прижилось. Почти сразу же некий маньяк из Нью-Йорка по имени Делглейш Фуллер объявил о создании Антикадатианского общества, цель которого состояла в том, чтобы не дать нам раскопать Кадат и побеспокоить Великих Древних. О состоянии умов в то время красноречиво говорит тот факт, что численность общества, первоначально составлявшая полмиллиона человек, очень быстро выросла до трех миллионов. Общество избрало себе лозунг: «Здравый смысл обращен в будущее; прошлое надо забыть!». Оно закупило рекламное время на телевидении и наняло авторитетных психологов, которые заявили, что видения Лавкрафта — прямое доказательство сверхчувственного восприятия, которое так убедительно демонстрировали Раин и его коллеги в Университете Дьюка*. В этом случае к предостережениям Лавкрафта следует прислушаться: если потревожить Великих Древних, это вполне может привести к гибели человечества.

Делглейш Фуллер оказался хотя и маньяком, но неплохим организатором. Он арендовал обширный участок земли в восьми километрах от Кара-тепе, разбил на нем лагерь и призвал своих последователей приезжать туда в отпуски, чтобы всячески мешать раскопкам. Этот

участок земли принадлежал какому-то фермеру, который с радостью согласился взять предложенную за него огромную сумму, и сделка состоялась прежде, чем успело вмешаться турецкое правительство. Фуллер прекрасно умел привлекать на свою сторону богатых женщин, склонных к всяческим причудам, и они в изобилии снабжали общество средствами. Были закуплены вертолеты, которые непрерывно маячили над холмом, таща за собой на буксире плакаты с антика-датианскими надписями. По ночам те же вертолеты прилетали и сбрасывали на раскоп всевозможный мусор, так что по утрам нам приходилось тратить по несколько часов на уборку гнилых фруктов, овощей и консервных банок. Обитатели лагеря по два раза в день устраивали по ту сторону провололочной изгороди марши протеста, собиравшие тысячи участников. Только шесть недель спустя нам удалось убедить вмешаться Объединенные Нации, которые прислали свои войска. К этому времени Фуллер сумел завербовать пятерых американских сенаторов, и они внесли законопроект о запрещении дальнейших раскопок Кара-тепе. Они, конечно, утверждали, что руководствуются отнюдь не суеверным страхом, а благоговением перед давно погибшей цивилизацией. «Имеем ли мы право. — говорили они, — нарушать ее многовековой сон?» Нужно отдать должное американскому Сенату: законопроект был провален подавляющим большинством голосов.

Но как раз тогда, когда влияние Антикадатиан-ского общества, подорванное его шумными эксцессами, казалось, начало ослабевать, это движение получило новый импульс после публикаций о Станиславе Пержинском и Мирзе Дине. Скажу вкратце о том, кто это такие. Пержинский был поляк, Мирза Дин — перс; оба умерли сумасшедшими в первом десятилетии XX века. О Пержинском нам известно немного больше, чем о Мирзе Дине: он приобрел некоторую известность написанной им биографией своего деда — русского поэта Надсона. Кроме того, под его редакцией были изданы мистические рассказы князя Потоцкого. В 1898 году он опубликовал странную книгу, где предостерегал человечество, что оно вот-вот будет покорено чудовищами из иного мира, которые выстроили под землей огромные города. Годом позже он был помещен в сумасшедший дом. В его бумагах нашлись странные рисунки, которые вполне могли стать иллюстрациями к рассказам Лавкрафта о Кадате, — на них были изображены чудовищные здания с наклонными плоскостями и огромными угловатыми башнями. Антикадатианское общество их полностью опубликовало.

Случай с Мирзой Дином менее ясен. Он тоже был автором апокалиптических видений, из которых лишь часть была опубликована. Последние пять лет жизни он тоже провел в сумасшедшем доме, откуда рассылал членам иранского правительства письма, где предупреждал о племени чудовищ, которые замышляют захватить Землю. Мирза Дин помещал своих чудовищ где-то в джунглях Центральной Африки и писал, что они похожи на гигантских слизняков. Их громадные города, по его словам, построены из их собственных слизистых выделений, которые, застывая, превращаются в некое подобие камня.

Большая часть безумных писем Мирзы Дина была уничтожена, но те немногие, что сохранились, своим стилем удивительно схожи с письмами Пер-жинского, а его слизняки достаточно напоминают «живые конусы» Лавкрафта, чтобы придать правдоподобие утверждениям, будто все трое вдохновлялись зрелищем «Великих Древних» и их города.

После правительственного вмешательства и прокладки первого тоннеля деятельность Антикада-тианского общества понемногу сошла на нет, но эти полтора года они изрядно нам мешали. В конце концов Делглейш Фуллер был убит одной из своих учениц при странных обстоятельствах[^].

Первый тоннель был закончен ровно через год после того, как мы обнаружили Абхотов камень. Прокладку тоннеля взяло на себя итальянское правительство, использовавшее при этом гигантского «крота», который уже поработал на сооружении тоннеля между Сциллой и Мессиной на острове Сицилия, а позже — между Отранто и Лингеттой в Албании. Сами земляные работы заняли всего несколько дней, но главная трудность состояла в том, чтобы предотвратить обрушение нижней части тоннеля. Монолит оказался столь же внушительным, как мы и ожидали: он имел двадцать с половиной метров в высоту, девять в ширину и двадцать семь в длину и был вырублен из твердого вулканического базальта. Теперь уже невозможно было сомневаться в том, что мы имеем дело с племенем либо гигантов, либо

магов. Судя по базальтовым фигуркам, я склонялся к мысли, что вряд ли они были гигантами: фигурки были слишком малы. (Лишь десять лет спустя замечательные находки Мерсера в Танзании показали, что эти огромные города были населены одновременно гигантами и обычными людьми и что гиганты почти наверняка были рабами людей.)

Оставалась проблема точной датировки монолитов. По Лавкрафту, «Великие Древние» существовали сто пятьдесят миллионов лет назад, и публика была убеждена, что его цифра верна. Это, разумеется, совершенно немыслимо. Нейтронная датировка Райха позже дала цифру менее двух миллионов лет, но и она, возможно, преувеличена. В данном случае проблема датировки становится необычно сложной. Обычно археолог руководствуется слоями земли, наложившимися на его находку, — они образуют нечто вроде готового календаря. Однако для трех известных нам гигантских городов этот метод дает противоречивые результаты. С уверенностью мы можем лишь сказать, что каждый из них был уничтожен потоком, похоронившим город под слоем ила толщиной в сотни метров. Слово «потоп» сразу же наводит геолога на мысль о плейстоцене — это всего лишь какой-нибудь миллион лет назад. Однако в отложениях Квинсленда найдены остатки ископаемого грызуна, который, насколько нам известно, существовал только в плиоценовую эпоху, что добавляет к возрасту городов еще пять миллионов лет.

Все это не имеет прямого отношения к моей главной теме. Дело в том, что задолго до завершения первого тоннеля я утратил к раскопкам в Кара-тепе всякий интерес. Я догадался, что это такое на самом деле, — всего лишь ложный след, который умышленно подбросили нам паразиты сознания. Вот как это произошло.

К концу июля 1997 года я был уже совершенно измотан. Даже несмотря на восьмикилометровый тент, растянутый над раскопками и снижавший температуру до каких-нибудь шестнадцати градусов в тени, жизнь в Кара-тепе была нелегкой. Из-за мусора, которым забрасывали нас последователи Фул-лера, на раскопе стояла вонь, как на помойке, и разнообразные дезинфицирующие жидкости, которыми его поливали, запаха ничуть не улучшали. Постоянно дули сухие, пыльные ветры. Не меньше чем по полдня нам приходилось отлеживаться в бараках с кондиционерами, попивая ледяной шербет с розовыми лепестками. К июлю у меня начались сильнейшие головные боли. После двух дней, проведенных в Шотландии, мне стало легче и я вернулся к работе, но еще через неделю слег в лихорадке. К тому же мне не давали покоя приставания газетчиков и полоумных последователей Фуллера, поэтому я вернулся к себе в Диярбакыр. Там было прохладно и тихо: квартира находилась на территории Англо-индийской урановой компании, а у ее охранников разговор с непрошеными гостями был[^] короткий. Я обнаружил, что меня дожидаются кучи писем и несколько объемистых посылок, но первые два дня в них даже не заглядывал, а только лежал в постели и слушал пластинки с записями опер Моцарта. Понемногу лихорадка прошла, и на третий день я уже достаточно поправился, чтобы заняться письмами.

Среди них было сообщение от «Стандарт Моторс энд Инджиниринг», где говорилось, что в соответствии с моей просьбой большая часть бумаг Карела Вейсмана пересылается мне в Диярбакыр. Этим и объяснялось, происхождение объемистых посылок. Еще одно письмо было от издательства Северо-западного университета — оно запрашивало, согласен ли я доверить им публикацию работ Карела по психологии.

Все это было довольно утомительно. Я переслал письмо в Лондон Баумгарту и вернулся к Моцарту. Однако на следующий день угрызения совести все же заставили меня распечатать остальную почту. И тут я нашел письмо от Карла Зайделя — человека, который жил в одной квартире с Баумгарттом (он был гомосексуалист). В нем говорилось, что у Баум-гарта обнаружено нервное истощение, и сейчас он находится у своих родственников в Германии.

Очевидно, из этого следовало, что решать вопрос о бумагах Карела предстоит мне. Поэтому я весьма неохотно вскрыл первую из посылок, она весила около пятнадцати килограммов и содержала всего лишь результаты обследования сотни служащих, проведенного с целью определить их реакцию на различные цвета. Я содрогнулся и снова вернулся к *«Волшебной флейте»*.

В тот вечер ко мне заглянул, чтобы распить бутылку вина, один молодой служащий-перс, с которым я подружился. Я чувствовал некоторое одиночество и был рад случаю с кем-

то поболтать. Даже тема раскопок перестала быть для меня невыносимой, и я с удовольствием посвятил его во все подробности нашей работы. Уходя, он обратил внимание на посылки и спросил, не связаны ли они с раскопками. Я рассказал ему историю самоубийства Вейсмана и признался, что при одной мысли о необходимости разбираться в его бумагах меня охватывает тоска, причиняющая мне почти физическую боль. Со свойственным ему дружелюбием и добротой он предложил мне зайти на следующее утро и разобрать их за меня. Если все они окажутся просто данными каких-то обследований, он велит своей секретарше отправить их прямо в Се-веро-Западный университет. Я понимал, что он предложил это отчасти в качестве возмещения за мою откровенность, и с радостью согласился.

На следующее утро я только успел принять ванну, как он уже управился с бумагами. Пять из шести посылок не содержали ничего интересного. Бумаги же в шестой, по его словам, имели «более философский характер», и он полагал, что мне надо бы просмотреть их самому. С этим он удалился, а через некоторое время пришла его секретарша и унесла лежавшие громадной кучей посреди гостиной пожелтевшие листы.

Оставшиеся бумаги лежали в аккуратных голубых папках и представляли собой машинописные страницы, скрепленные металлическими кольцами. Каждая папка была надписана от руки: «*Размышления на исторические темы*». Все папки были заклеены цветной липкой пленкой, и я сделал вывод — как выяснилось впоследствии, вполне справедливый, — что их после смерти Вейсмана никто не раскрывал. Я так и не знаю, как получилось, что Баумгарт по ошибке послал их в Дженерал Моторс. Вероятно, он отложил их для меня, а потом почему-то упаковал вместе с остальными материалами.

Папки не были пронумерованы. Я наугад распечатал одну из них и вкоре обнаружил, что эти «размышления на исторические темы» охватывают лишь последние два столетия — период, который меня никогда особенно не интересовал. У меня появилось большое искушение, не углубляясь в них, отослать их в Северо-Западный университет, но совесть взяла верх. Я снова улегся в постель, взяв с собой полдюжины голубых папок.

На этот раз я случайно попал на самое начало. Первая фраза в первой папке, которую я раскрыл, звучала так: «Вот уже несколько месяцев я убежден, что человечеству угрожает что-то похожее на рак сознания».

Эта фраза произвела на меня впечатление. Я подумал: «Какое прекрасное начало для собрания сочинений Карела! Рак сознания — вполне подходящее название для невроза, или отращения к жизни, этой болезни двадцатого столетия». Воспринять эти слова буквально мне и в голову не пришло.

Я стал читать дальше. Странный рост числа самоубийств... Высокая частота детоубийств в современных семьях... Постоянная угроза атомной войны, распространение наркомании... Все это казалось достаточно знакомым. Я зевнул и перевернул страницу.

Но уже несколько минут спустя я стал читать внимательнее. Не то чтобы я убедился в истинности написанного — нет, просто у меня внезапно появилось отчетливое подозрение, что Карел сошел с ума. В молодости я читал книги Чарлза Форта с их рассуждениями о великанах, феях и плавающих континентах. Но у Форта эта удивительная мешанина из здравого смысла пополам с чепухой имела характер юмористического преувеличения. Идеи же, которые развивал Карел Вейсман, казались столь же безумными, как и у Форта, но было вполне очевидно, что он относился к ним вполне серьезно. По-видимому, он либо примкнул к числу знаменитых чудаков от науки, либо совершенно лишился рассудка. Принимая во внимание его самоубийство, я был склонен поверить во второе.

Его заметки оказались довольно увлекательным чтением, хотя и отдавали патологией. После нескольких первых страниц он перестал упоминать о «раке сознания» и углубился в анализ истории культуры за последние двести лет. Аргументация была веской, стиль блестящим, — мне то и дело вспоминались наши долгие беседы в Упсале.

Наступил полдень, а я все еще читал. А к часу дня я понял, что мне в руки попало нечто такое, чего я не забуду до конца своих дней. Пусть это и бред, но пугающе убедительный! Я хотел верить, что это бред, но чем дальше я читал, тем сильнее меня одолевали сомнения. Все это так на меня действовало, что я вопреки многолетней привычке выпил за обедом бутылку шампанского, а из еды лишь откусил кусочек бутерброда с индейкой. И несмотря на

шампанское, я чувствовал себя совершенно трезвым и все более подавленным.

К вечеру я уже был в состоянии охватить всю развернувшуюся передо мной колоссальную и кошмарную картину, и у меня появилось ощущение, что мой мозг вот-вот лопнет. Если Карел Вейсман был не сумасшедший, то человечеству угрожает такая опасность, с какой оно не сталкивалось за все время своего существования.

Объяснить в подробностях, как Карел Вейсман пришел к своей «философии истории», разумеется, невозможно. Это был итог всей его жизни. Однако я могу по крайней мере изложить основные выводы, к которым он пришел в своих *«Размышлениях на исторические темы»*.

Самое замечательное свойство человечества, говорит Вейсман, состоит в его способности к самообновлению, к самотворению. Простейший пример — то самообновление, которое происходит, когда человек спит. Усталый человек — это человек, уже попавший под власть смерти и безумия. Одна из самых поразительных теорий Вейсмана отождествляет безумие со сном. Человек в здравом уме — это человек бодрствующий. По мере того, как накапливается усталость, он теряет способность подниматься над сновидениями и галлюцинациями, и жизнь мало-помалу начинает превращаться в хаос.

Вейсман доказывает, что примерами такой способности к самотворению, или самообновлению, изобилует история Европы начиная с Возрождения и кончая XVIII веком. В это время жизнь человечества полна жестокостей и ужасов, однако человек все же умудряется преодолевать их с такой же легкостью, с какой усталый ребенок во сне избавляется от всяких следов утомления. Елизаветинский период в Англии обычно считается золотым веком и расцветом творчества, но всякий, кто знакомится с ним поближе, не может не ужаснуться его грубости и бессердечию. Людей подвергают пыткам и сжигают заживо; у евреев отрезают уши; детей забивают до смерти или позволяют им умирать в грязнейших трущобах. И все же оптимизм человека и его способность к самообновлению в этот период столь велики, что весь окружающий хаос лишь стимулирует его на новые и новые усилия. Одна великая эпоха следует за другой: век Леонардо, век Рабле, век Чосера, век Шекспира, век Ньютона, век Джонсона, век Моцарта... В те времена никому не приходило в голову усомниться, что человек — бог, которому под силу преодолеть любое препятствие.

Но потом с человечеством происходит что-то странное. Это становится заметно к концу XVIII столетия. Уже изумительная, бурлящая творческая мощь Моцарта находит себе противовес в кошмарной жестокости Де Сада. И внезапно мы вступаем в эпоху тьмы, когда даже гениальные люди больше не могут творить, как боги. Вместо этого они словно бьются в щупальцах какого-то невидимого спрута. Начинается век самоубийств. Это и есть, по существу, начало новейшей истории, эпохи неврозов и не-сбывшихся надежд.

Почему же это случилось так внезапно? Промышленная революция? Но она произошла не за один день, да и затронула лишь небольшую часть Европы, все еще остававшейся по преимуществу страной лесов и ферм. Чем объяснить, пишет Вейсман, огромное различие между гениями XVIII столетия и гениями XIX столетия, если не предположить, что около 1800 года с человечеством произошла какая-то невидимая, но катастрофическая перемена? Как может промышленная революция объяснить полную противоположность Моцарта и Бетховена, который был всего на четырнадцать лет моложе? Почему мы вступаем в столетие, в котором половина всех гениев либо покончили с собой, либо умерли от туберкулеза? Шпенглер утверждает, что цивилизации стареют, подобно растениям, — но здесь мы видим внезапный скачок от юности к старости. Человечество вдруг охватывает невероятный пессимизм, он накладывает отпечаток на искусство, музыку, литературу. И мало сказать, что человек внезапно постарел. Гораздо важнее то, что он словно *утратил способность к самообновлению*. Можем ли мы себе представить, чтобы хоть кто-нибудь из великих людей XVIII века покончил с собой? А им приходилось не легче, чем в XIX веке. Новый человек потерял веру в жизнь, веру в знание. Современный человек согласен с Фаустом: в конечном счете мы не можем знать ничего.

Карел Вейсман был психологом, а не историком, и работал он в области индустриальной психологии. В своих *«Размышлениях на исторические темы»* он пишет:

«Индустриальной психологией я начал заниматься в 1990 году в качестве ассистента профессора Эймса из «Транс-Уорлд Косметике» и сразу же столкнулся с любопытной и пугающей ситуацией. Я, конечно, знал, что так называемые индустриальные неврозы стали серьезной проблемой — настолько серьезной, что пришлось ввести специальные индустриальные суды для наказания преступников, которые ломают машины, убивают или калечат своих товарищей по работе. Но лишь немногие могли оценить весь колоссальный масштаб проблемы. Число убийств на крупных заводах и других подобных предприятиях было вдвое выше, чем в среднем среди населения. На одной табачной фабрике в Америке за год было убито восемь мастеров и двое старших служащих, причем в семи случаях из девяти убийцы немедленно покончили с собой.

Компания «Пластике Корпорейшн» в Исландии в порядке эксперимента построила «завод на открытом воздухе», занимавший площадь во много гектаров. У рабочих там не могло появиться ощущение скученности и тесноты: вместо стен использовались силовые поля. На первых порах эксперимент проходил в высшей степени успешно, однако через два года число преступлений и неврозов на заводе выросло и сравнялось со средними цифрами по стране.

Эти цифры не попадали в прессу. Психологи рассуждали — и вполне правильно, — что публикация их лишь усугубит положение. Они полагали, что лучше всего лечить каждый случай по отдельности, как очаг начинающегося пожара, который следует изолировать.

Чем дольше я изучал проблему, тем больше убеждался, что мы не имеем истинного представления о ее причинах. Никто из моих коллег с ней справиться не смог — д-р Эймс откровенно признал это в разговоре со мной в первую же неделю моей работы в «Транс-Уорлд Косметике». Он сказал, что здесь очень трудно докопаться до корней, потому что корней, по-видимому, множество: и демографический взрыв, и перенаселенность городов, и ощущение собственного ничтожества и пустоты жизни, и слишком спокойная, лишенная происшествий жизнь, и упадок религии. Он не исключал, что руководители промышленности подходят к решению этой проблемы совершенно неверно. Больше всего денег они выделяют на приглашение психиатров, улучшение условий труда и прочие меры, которые заставляют рабочих чувствовать, что с ними обращаются как с больными. Впрочем, сами мы зарабатываем себе на жизнь именно благодаря этому ошибочному подходу, так что не нам предлагать его изменить.

Тогда в поисках ответа я обратился к истории. И ответ, который я там нашел, чуть не довел меня до самоубийства. Ибо история свидетельствовала, что все это совершенно неизбежно:

цивилизация, утрачивающая равновесие, обязана опрокинуться. Однако все же оставался один фактор, которого история не учитывала, — та самая способность человека к самообновлению. Исходя из тех же рассуждений Моцарт был обязан покончить с собой — настолько несчастной была его жизнь. Но он этого не сделал!

Что же лишает человека способности к самообновлению?

Я не могу объяснить, как именно я пришел к убеждению, что это быть может вызвано одной-единственной причиной. Оно росло во мне понемногу, на протяжении многих лет. Просто я все больше и больше проникался мыслью, что цифры индустриальной преступности совершенно не соответствуют так называемым «историческим факторам». Я оказался в положении владельца фирмы, который инстинктивно чувствует, что его бухгалтер подчищает баланс, хотя и не может понять, как он это делает.

А потом в один прекрасный день меня осенила догадка о существовании вампиров создания, — и после этого я на каждом шагу находил ей подтверждения.

Это произошло, когда я размышлял о лечении индустриальных неврозов с помощью месалина и лизергиновой кислоты. В сущности, по своему действию эти вещества ничем не отличаются от алкоголя и табака: они приносят успокоение. Переутомленный человек постоянно находится в состоянии привычного напряжения и не может по своей воле от него

избавиться. А стакан виски или сигарета, действуя на уровне двигательных центров, снимают напряжение.

Но у человека есть и другие привычки, укоренившиеся гораздо глубже. На протяжении миллионов лет эволюции он усвоил самые разнообразные навыки, помогающие выжить. И стоит любому из них выйти из-под контроля, как возникает душевное заболевание. Например, человеку свойственна привычка постоянно ожидать нападения врага; но стоит ему допустить, чтобы эта привычка определяла всю его жизнь, как он становится параноиком.

Одна из самых коренных привычек человека — всегда быть настороже на случай опасности, не позволять себе углубляться в свой внутренний мир, чтобы не давать своему вниманию отвлекаться от мира внешнего. С тем же связана и другая привычка — нежелание замечать вокруг себя прекрасное, потому что внимание должно быть сосредоточено на вещах сугубо практических. Эти привычки укоренились так глубоко, что не поддаются действию алкоголя или табака. Но они поддаются действию мескалина — этот препарат добывается до самых древних уровней сознания и снимает привычное напряжение, которое делает человека рабом собственной скуки, рабом внешнего мира.

Я должен признать, что на первых порах был склонен винить в росте самоубийств и индустриальной преступности именно эти атавистические привычки. Человек должен научиться расслабляться, иначе он переутомляется и становится опасным. Он должен научиться вступать в контакт с самыми глубокими уровнями собственного сознания, чтобы пополнять его энергетические запасы. И мне казалось, что препараты из группы мескалина могли бы решить проблему. До сих пор индустриальная психология избегала пользоваться такими препаратами. Причина очевидна: мескалин расслабляет человека до такой степени, что становится невозможной всякая работа. Человек в таком состоянии не хочет ничего делать и стремится только созерцать красоту мира и тайны собственного сознания.

Я понимал, что доходить до таких пределов нет смысла. Небольшая доза мескалина, введенная должным образом, может высвободить творческие силы человека, не погружая его в ступор. В конце концов, две тысячи лет назад предки человека страдали почти полной цветовой слепотой, потому что у них была подсознательная привычка не обращать внимания на цвета: их жизнь была так трудна и опасна, что они не могли себе этого позволить. Однако современный человек сумел избавиться от этой древней привычки к цветовой слепоте, не утратив своей энергии и жизненной силы. Все дело лишь в соблюдении равновесия.

Поэтому я предпринял серию экспериментов с препаратами из группы мескалина. Первые же результаты оказались столь ужасными, что я вынужден был немедленно покинуть компанию «Транс-Уорлд Косметике». Пять из десяти моих испытуемых уже через несколько дней покончили с собой, а еще у двоих случился полный психический срыв, который привел их в сумасшедший дом.

Я пришел в полное недоумение. Еще в университете я проводил эксперименты с мескалином на самом себе и ничего интересного не обнаружил. Мескалиновый праздник — вещь очень приятная, но все зависит от того, любите ли вы праздники. Я не люблю, для меня куда интереснее работа.

Однако после того, что произошло, я решил попробовать снова и принял полграмма мескалина. Результат был таким устрашающим, что меня до сих пор бросает в пот при одном воспоминании об этом.

Сначала появились все те же знакомые, приятные явления: медленно плывущие перед глазами вращающиеся световые пятна, а потом ощущение беспредельного мира и спокойствия, напоминающее буддийскую нирвану, и мирное созерцание ошеломляющей красоты Вселенной с чувством полного от нее отчуждения и в то же время бесконечной сопричастности. Примерно через час я очнулся и понял, что это явно не те эффекты, которые могут склонить человека к самоубийству.

Тогда я попытался, углубившись *внутрь* себя, тщательнее понаблюдать за своим восприятием и чувствами. Результат меня совсем озадачил. Ощущение было такое, словно я смотрю в телескоп, а другой его конец кто-то нарочно прикрывает рукой. Все мои попытки самонаблюдения заканчивались неудачей. Собрав все силы, я попытался прорваться сквозь стену тьмы, — и тут внезапно отчетливо почувствовал, как нечто *живое и чуждое* поспешно

удаляется из моего поля зрения. Я говорю, конечно, не о физическом зрении — это было всего лишь ощущение. Однако оно несло на себе такую печать реальности, что на мгновение я чуть не лишился рассудка от ужаса. Когда видишь явную физическую опасность, можно обратиться в бегство, но здесь бежать было некуда, потому что это находилось во мне самом.

Почти целую неделю после этого я продолжал испытывать крайний ужас — ни разу в жизни я еще не был так близок к безумию. Хотя я и находился снова в обычном физическом мире, у меня не было ощущения безопасности. Я сознавал, что, возвратившись к обычному, повседневному сознанию, веду себя как страус, прячущий голову в песок. Это означало лишь, что я заставляю себя не видеть угрозы.

К счастью, к этому времени я уже ушел с работы: работать в таком состоянии было бы невозможно. Но примерно неделю спустя я спросил себя: «Ну и чего ты так боишься? Ведь ничего плохого с тобой не случилось». Мне сразу стало легче. Как раз через несколько дней после этого компания «Стандарт Моторс энд Инжиниринг» предложила мне должность заведующего ее

Собрав всю волю, я сделал гигантское усилие и проник на уровень своих глубочайших инстинктов. И тут я ощутил присутствие врагов — словно человек, который нырнул в глубины моря и вдруг заметил, что его окружают акулы. Я, конечно, не мог «видеть» их в обычном смысле слова, но я ощущал их присутствие так же явственно, как ощущаешь зубную боль. Они были там, в тех глубинах моего существа, куда никогда не проникает сознание.

Я изо всех сил старался сдержать вопль ужаса, какой не может не вырваться у человека, стоящего перед лицом неминуемой гибели, но внезапно у меня появилось ощущение, что я одержал над ними верх! Против них сплотились мои самые глубинные жизненные силы. Я почувствовал прилив невероятной мощи, которой никогда в себе не подозревал. Перед ней они устоять не могли и вынуждены были отступить. Я вдруг понял, что их несметное множество, тысячи и тысячи, но в то же время знал, что они бессильны что-нибудь со мной сделать.

И тогда прозрение осенило меня с такой обжигающей силой, что это было как удар молнии. Все стало ясно — я понял! Теперь я знал, почему для них так важно, чтобы никто не подозревал об их существовании. Человек обладает более чем достаточными силами, чтобы их уничтожить. Но пока он не догадывается об их присутствии, они могут питаться им, как вампиры, высасывая его энергию.

Жена, вошедшая в спальню, была потрясена, увидев, что я хохочу, как сумасшедший. Сначала она подумала, что мой рассудок не выдержал, но потом поняла, что это смех здорового, разумного человека. Я попросил принести мне бульону и сорок восемь часов спустя уже снова был на ногах, совершенно здоровый — больше того, таким здоровым я за всю свою жизнь еще никогда не был.

Первое время я испытывал такое невероятное ликование по поводу своего открытия, что даже забыл об этих вампирах сознания. Только потом я сообразил, что это глупо. У них было передо мной огромное преимущество: они знали мое собственное сознание несравненно лучше, чем я сам, и при малейшей неосторожности с моей стороны все еще могли меня уничтожить.

Но пока я чувствовал себя в безопасности. Когда ближе к вечеру у меня вновь появились настойчивые наплывы депрессии, я снова обратился к этому глубинному источнику внутренней силы и к своим оптимистическим мыслям о судьбах человечества. Депрессия немедленно исчезла, и я снова разразился хохотом. Лишь много недель спустя я научился подавлять эти припадки хохота, случавшиеся после каждой моей стычки с паразитами.

То, что я обнаружил, было, конечно, настолько фантастично, что не могло быть осознано без должной подготовки. Больше того, мне неслыханно повезло, что я не сделал свое открытие шестью годами раньше, когда еще работал в компании «Транс-Уорлд». Все это время мой разум медленно, подсознательно готовился к нему. Впрочем, за последние несколько месяцев я все больше убеждаюсь, что это не просто везение. У меня такое чувство, что существуют некие могущественные силы, которые выступают на стороне человечества, хотя я и не имею ни малейшего представления об их природе.

(На эту фразу я обратил особое внимание. У меня тоже было такое инстинктивное чувство.)

Вот к чему сводится все дело. На протяжении последних двух столетий человеческое сознание стало постоянной добычей этих энергетических вампиров. В некоторых случаях им удается полностью овладеть рассудком человека и использовать его для достижения собственных целей. Например, я почти уверен, что де Сад был одним из тех «зомби», чей мозг полностью находился под контролем вампиров. Кошунственность и глупость его произведений отнюдь не свидетельствуют, как это бывает во многих случаях, о некоей демонической жизненной силе, и это подтверждается тем, что де Сад во всех отношениях так и не достиг подлинной зрелости, хотя и дожил до 74 лет. Единственной целью его жизни и деятельности было усилить духовное смятение человечества, намеренно исказить и извратить истину о сущности пола.

Как только я узнал о существовании вампиров сознания, стала до смешного понятной вся история последних двухсот лет. Примерно до 1780 года (эта дата более или менее соответствует моменту первого крупномасштабного вторжения вампиров сознания на Землю) искусство большей частью обогащало и украшало жизнь, как музыка Гайдна или Моцарта. После вторжения вампиров сознания для художника сделалось почти невозможным испытывать этот солнечный оптимизм. Вампиры сознания обычно избирают своими орудиями людей выдающегося ума, потому что именно такие люди оказывают на человечество наибольшее влияние. Лишь немногие художники находили в себе достаточно сил, чтобы отшвырнуть их с дороги, но зато, сделав это, они обретали новое могущество — очевидными примерами могут служить Бетховен и Гете.

Именно этим и объясняется, почему для вампиров сознания так важно, чтобы их присутствие оставалось незамеченным, чтобы они могли высасывать жизненные силы человека, не вызывая у него подозрений. Тот, кто сумел одолеть вампиров, вдвойне опасен для них: это означает, что одержала верх его способность к самообновлению. В таких случаях вампиры, вероятно, пытаются уничтожить его иным способом — заставляя ополчаться против него других людей. Достаточно вспомнить, что Бетховен умер в результате того, что, оставив дом своей сестры после какой-то странной ссоры, проехал несколько километров в открытом экипаже под дождем. Во всяком случае, можно заметить, что только в XIX веке художники впервые начали жаловаться на то, что «весь мир против них»: Гайдна и Моцарта в свое время прекрасно понимали и высоко ценили. А стоит художнику умереть, как это непонимание исчезает — вампиры ослабляют свой контроль над людьми, у них есть дела и поважнее.

Вся история искусства и литературы начиная с 1780 года есть результат войны с вампирами сознания. Художники, отказывавшиеся проповедовать пессимизм и девальвацию жизненных ценностей, подвергались уничтожению, а хулители жизни нередко доживали до преклонного возраста. Любопытно, например, сопоставить судьбы такого хулителя жизни Шопенгауэра и утвердителя жизни Ницше, или сексуального дегенерата де Сада и сексуального мистика Лоуренса.

Если не считать этих очевидных фактов, мне не так уж много удалось узнать о вампирах сознания. Я склонен подозревать, что в небольшом числе они присутствовали на Земле всегда. Возможно, христианское представление о дьяволе восходит к смутным догадкам о роли, которую они играли в истории, овладевая сознанием людей и превращая их во врагов жизни и всего человечества. Но было бы ошибкой винить вампиров во всех человеческих несчастьях. Человек — это животное, которое стремится, совершенствуясь, стать богом, и многие из его неудач — неизбежное следствие этих стараний.

У меня есть одна теория, которую я здесь изложу полноты ради. Я подозреваю, что во Вселенной множество разумных рас, подобных нам, которые стремятся к совершенствованию. На ранних стадиях эволюции каждая раса в значительной мере поглощена преодолением внешних условий, защитой от врагов, добыванием пищи. Но рано или поздно наступает время, когда она минует эту стадию и может обратить свое внимание внутрь себя, к радостям самосознания. «Мой разум — мое царство», — писал сэр Эдвард Дайер*. А когда человек осознает, что его разум — в самом буквальном смысле царство, огромная неисследованная

страна, это означает, что он перешел грань, отделяющую животное от бога.

Так вот, я полагаю, что вампиры сознания специально отыскивают расы, которые вот-вот достигнут этой ступени эволюции, и паразитируют на них, пока их не уничтожат. Вампиры не имеют намерения обязательно их уничтожать — потому что, как только это происходит, им приходится искать других хозяев. Они стремятся лишь как можно дольше паразитировать на гигантских источниках энергии, порождаемой эволюционной борьбой за существование. Поэтому их главная цель — не дать человеку обнаружить *внутри себя* эти миры, стараться, чтобы его внимание было обращено вовне. Я думаю, не может быть никакого сомнения в том, что войны XX века были сознательной уловкой вампиров. Гитлер, как и де Сад, почти наверняка был еще одним из их «зомби». Мировая война на уничтожение не соответствовала бы их целям, но постоянные второстепенные стычки — это то, что им надо.

Каким стал бы человек, если бы смог истребить этих вампиров или прогнать их? Первым же

последствием наверняка оказалось бы ощущение невероятного облегчения, освобождения от гнета, прилив энергии и оптимизма. В этом первом порыве энергии шедевры искусств создавались бы десятками. Человечество сделалось бы похожим на школьников, отпущенных на волю в последний день занятий.

Вслед за тем человек обратил бы эту энергию внутрь себя. Он последовал бы по стопам Гуссерля. (Знаменательно, что именно Гитлер был повинен в смерти Гуссерля как раз в тот момент, когда философ находился на грани новых свершений.) Он внезапно для самого себя осознал бы, что обладает внутренним могуществом, по сравнению с которым водородная бомба показалась бы жалкой свечкой. Прибегнув, возможно, к помощи препаратов, подобных мескалину, он впервые в истории стал бы обитателем мира сознания, как сейчас является обитателем Земли. Он исследовал бы этот мир, как Ливингстон и Стэнли исследовали Африку. Он узнал бы, что обладает многими «я» и что высшие из них и есть то, что его предки называли бы богами.

У меня есть и еще одна теория, которая выглядит настолько необычной, что я с трудом решаюсь о ней говорить. Она состоит в том, что вампиры сознания, сами того не зная, представляют собой орудие некоей высшей силы. Они, конечно, вполне могут уничтожить любую расу, которая станет для них донором. Но если по какой-то случайности такая раса осознает опасность, результат неминуемо будет полностью противоположен их намерениям. Одно из главных препятствий на пути эволюции человечества — равнодушие и невежество, склонность человека плыть по течению, не задумываясь о завтрашнем дне. В определенном смысле слова это, быть может, гораздо большая угроза — или, по меньшей мере, помеха — для эволюции, чем сами вампиры. Стоит разумной расе узнать о существовании вампиров, как сражение будет уже наполовину выиграно. Стоит человеку обрести цель жизни и веру, как он станет почти непобедим. Поэтому вампиры, возможно, служат для человека чем-то вроде прививки от собственного равнодушия и лени. Впрочем, это всего лишь замечание между прочим, не более того.

Есть проблема гораздо более важная, чем все подобные рассуждения. Как избавиться от вампиров? Просто предать гласности «факты» — не выход из положения. Исторические факты сами по себе ничего не значат, на них никто не обратит внимания. Необходимо тем или иным способом заставить человечество осознать грозящую ему опасность. Если бы я пошел по самому легкому пути — организовал бы интервью по телевидению или написал бы серию газетных статей, — возможно, к моим словам и прислушались бы, но гораздо вероятнее, что ими просто пренебрегли бы, сочтя за бред сумасшедшего. Да, это колоссальная проблема. Я не вижу никакого способа убедить людей, кроме одного — уговорить каждого принять дозу мескалина. И даже тогда нет гарантии, что мескалин приведет к желаемому результату, иначе я мог бы рискнуть и всыпать нужное его количество в какой-нибудь городской водопровод. Нет, об этом нельзя и думать. Когда вампиры сознания готовы к атаке, рассудок слишком уязвим, чтобы им рисковать. Теперь я понимаю, почему мой эксперимент в «Транс-Уорлд» имел такой катастрофический исход. Вампиры *сознательно* уничтожили этих людей — это должно было стать для меня чем-то вроде предостережения. Среднему человеку не хватает внутренней дисциплины, чтобы им противостоять. Вот почему так высоко число

самоубийств...

Я просто *обязан* узнать больше об этих существах. Пока я знаю о них так мало, они в силах меня уничтожить. Когда я хоть что-нибудь о них узнаю, я, возможно, пойму, как заставить человечество поверить в их существование».

Разумеется, я начал чтение не с той части заметок Вейсмана, которую только что привел, — это самая главная их часть. В действительности *«Размышления на исторические темы»* представляют собой пространные рассуждения о природе паразитов сознания и об их роли в истории человечества. Они изложены в форме дневника — дневника идей. Это повлекло за собой бесконечные повторы, как будто Вейсман изо всех сил цеплялся за некое главное прозрение, которое постоянно от него ускользало.

Меня поразило, что он был в состоянии на протяжении столь долгого времени сохранять сосредоточенность. Мне при таких обстоятельствах было бы наверняка куда труднее держать себя в руках. Однако я пришел к выводу, что дело объясняется просто:

он чувствовал, что теперь находится в сравнительной безопасности. Он одержал верх над ними в первой стычке и был воодушевлен победой. Главная проблема, как он писал, состояла для него в том,

чтобы ему поверили другие. Но он, очевидно, не считал это столь уж неотложным делом. Он знал, что если опубликует свои заметки в том виде, как они написаны, его сочтут сумасшедшим. К тому же, будучи ученым, он всегда стремился перепроверить обнаруженные факты и, насколько возможно, умножить их число, прежде чем предавать их гласности.

Меня удивило — и продолжает удивлять до сих пор — еще и другое: почему он не попытался довериться кому-то, даже своей жене? Это само по себе говорит о том, что он находился в необычном состоянии духа. Был ли он абсолютно убежден, что находится вне опасности и спешить некуда? Или эта эйфория тоже была уловкой паразитов? Так или иначе, он продолжал работать над своими заметками, убежденный, что победа ему обеспечена, до самого того дня, когда они довели его до самоубийства.

Я думаю, легко догадаться, что я чувствовал, читая все это. Сначала недоверие — честно говоря, на протяжении всего дня оно время от времени возвращалось с новой силой; а потом — волнение и страх. Возможно, я просто счел бы все это безумием, если бы не то, что пережил тогда на городской стене Кара-тепе. После этого я был готов поверить в существование вампиров сознания. Но что дальше?

В отличие от Вейсмана, я был не в силах держать это про себя. Меня охватил ужас. Я знал, что самый безопасный выход — сжечь эти бумаги и сделать вид, будто я их вообще не читал; у меня была почти полная уверенность, что в этом случае они оставят меня в покое. Я чувствовал, что близок к безумию. Читая, я то и дело в страхе озирался по

сторонам и только потом сообразил, что если они за мной следят, то следят не извне, а *изнутри*. Такая мысль казалась мне почти невыносимой, пока я не наткнулся на то место, где Вейсман сравнивает их метод «подслушивания» с перехватом радиопередач, и понял, что это вполне правдоподобно. Очевидно, они находятся на самом дне сознания, в области наиболее глубоких воспоминаний. Приблизившись к поверхности сознания, они рисковали бы раскрыть свое присутствие. Я пришел к выводу, что они осмеливаются на это лишь глубокой ночью, когда мозг утомлен и внимание ослаблено, — этим и можно объяснить то, что случилось тогда со мной в Кара-тепе.

Я уже знал, каким будет мой следующий ход. Нужно было рассказать все Райху — это был единственный человек, который был мне близок и которому я мог в достаточной степени доверять. Может быть, трагедия Карела Вейсмана в том и состояла, что рядом с ним не оказалось такого человека, как Райх. Но если рассказывать все Райху, то безопаснее всего сделать это утром, когда мы оба будем свежими и бодрыми. И все же я чувствовал, что не в состоянии хранить свою тайну до утра.

Я позвонил Райху — пользуясь нашим шифром — прямо на раскоп. Как только на экране появилось его лицо, я почувствовал, что безумие отступает. Я спросил, не хочет ли он

вечером поужинать со мной. Он поинтересовался, нет ли у меня какой-то особой на это причины, и я ответил, что нет — просто мне стало лучше, и я скучаю. Оказывается, мне повезло: в тот день несколько человек из дирекции «АИУ» отправились посмотреть раскопки и должны были вернуться в Диярбакыр ракетой в шесть часов. Райх сказал, что будет у меня в половине седьмого.

Как только я выключил связь, мне впервые стало понятно, почему Вейсман хранил о них молчание. Ведь сама эта мысль, что тебя «подслушивают» — словно кто-то постоянно подключен к твоему видеофону, — заставляет соблюдать осторожность, сохранять внешнее спокойствие, обуздывать свои мысли, ограничивая их повседневными мелочами.

Я заказал ужин внизу, в ресторане дирекции, которым нам было разрешено пользоваться. Мне почему-то казалось, что там рассказать все Райху будет безопаснее. За час до его прибытия я снова лег в постель, закрыл глаза и постарался расслабиться и ни о чем не думать.

Как ни странно, на сей раз это оказалось нетрудно. Как только я сосредоточился на том, что происходит в моем сознании, меня охватило приятное возбуждение. И тут мне стало ясно кое-что еще. Будучи откровенным романтиком, я всегда был подвержен приступам тоски, вызываемым чем-то вроде недоверия к окружающему миру. Чувствуешь, что никак не можешь оторваться от него. забыть о нем, отвлечься, — и поэтому сидишь, уставившись в потолок, словно по какой-то обязанности, вместо того чтобы слушать музыку или размышлять об истории. Так вот, теперь я чувствовал, что обязан именно отвлечься от внешнего мира. Я понял, что имел в виду Карел: паразитам очень важно, чтобы мы не знали об их присутствии. Стоит даже просто их заметить, как это придает новые силы и целеустремленность.

Райх появился ровно в половине седьмого и объявил, что я выгляжу намного лучше. Мы выпили по мартини, и он рассказал обо всем, что происходило за то время, пока меня не было на раскопках, — там преимущественно *шли* споры по поводу того, под каким углом лучше всего прокладывать первый тоннель. В семь мы спустились в ресторан. Нам отвели уютный столик у окна, и пока мы шли к нему, с нами то и дело здоровались — за последние два месяца мы стали мировыми знаменитостями. Усевшись, мы заказали дыню со льдом, и Райх потянулся за карточкой вин, но я отобрал ее, сказав:

— Сегодня вам не надо ничего пить. Вы сами поймете, почему. Нужно, чтобы у нас обоих была ясная голова.

Он удивленно взглянул на меня.

— Что случилось? По-моему, вы говорили, что вас ничто не беспокоит.

— Я должен был так сказать. То, что я намерен вам сообщить, нужно пока держать в тайне.

— Ну, если дело обстоит так, — улыбаясь, сказал он, — то, наверное, надо посмотреть, не спрятаны ли под столом микрофоны.

Я ответил, что в этом нет нужды, потому что кто бы нас ни подслушивал, он не поверит тому, что я собираюсь сказать. Похоже, Райх был несколько озадачен, поэтому я начал так:

— Как по-вашему, я выгляжу вполне нормальным?

— Конечно!

— А если я скажу, что не пройдет и полчаса, как вы подумаете, не сошел ли я с ума?

— Ради Бога, выкладывайте! — сказал он. — Я знаю, что вы не сумасшедший. В чем дело? Уж не пришла ли вам в голову какая-нибудь новая мысль по поводу нашего подземного города?

Я отрицательно покачал головой и, видя, что он уже совсем сбит с толку, сообщил, что весь день читал заметки Карела Вейсмана.

— Мне кажется, я понял, почему он покончил с собой, — сказал я.

— Почему?

— Лучше всего, если вы прочтете сами. Он все объяснил лучше, чем мог бы сделать я. Но главное состоит вот в чем. Я не верю, что он сошел с ума. Это было не самоубийство, а скорее убийство.

Говоря это, я опасался, что он сочтет сумасшедшим меня, и старался держаться как можно спокойнее и выглядеть совершенно нормальным. Но я с облегчением заметил, что

такая мысль ему и голову не пришла. Он сказал только:

— Послушайте, если вы не против, давайте все-таки чего-нибудь выпьем. Я чувствую, что мне это необходимо.

Мы заказали полбутылки «Ньюи Сен-Жорж» и распили его. Потом я изложил ему, насколько мог обстоятельно, теорию Вейсмана про паразитов сознания. Для начала я напомнил ему о том, что сам испытал на городской стене Кара-тепе, и о нашем разговоре по этому поводу. Еще не успев закончить, я почувствовал, что мое уважение и доверие к Райху удвоились. Он вполне мог сделать вид, что прекрасно меня понимает, а потом, как только мы расстанемся, послать за санитарами со смиренной рубашкой: мои слова не могли не показаться ему вполне сумасбродными. Однако он понял — я прочел в бумагах Вейсмана нечто такое, что меня убедило. И он готов был поверить сам.

Когда мы возвращались ко мне после ужина, меня снова охватило чувство нереальности происходящего. Если я прав, то разговор, который мы только что начали, имеет колоссальное значение для истории всего человечества. И вот в то же самое время мы, двое самых обычных людей, спешим укрыться в номере, чтобы отделаться от толстых преуспевающих дельцов, которые рвутся представить нам своих супругов. Все это выглядело слишком обычно, слишком тривиально. Я взглянул вслед громадной фигуре Вольфганга Райха, поднимавшегося впереди меня по лестнице, и подумал, действительно ли он поверил той фантастической истории, которую я ему только что рассказал. Я прекрасно понимал — от того, поверит ли он, во многом зависит, сохраню ли я рассудок.

Когда мы пришли, я налил нам обоим апельсинового сока. Теперь Райх понимал, почему я хотел, чтобы голова у нас оставалась ясной, и даже не стал курить. Я протянул ему папку с *«Размышлениями на исторические темы»* и показал отрывок, приведенный выше. Сидя рядом, я еще раз перечитал этот отрывок через его плечо. Он дочитал до конца, встал и принялся молча шагать взад и вперед по комнате. В конце концов я спросил:

— Вы понимаете, что если все это не бред сумасшедшего, то, сообщив это вам, я подвергаю опасности вашу жизнь?

— Это меня не волнует, — ответил он. — Мне и раньше приходилось рисковать жизнью. Но я хотел бы знать, насколько реальна опасность. Я еще не имел дела с этими вампирами сознания, не то что вы, и мне трудно судить.

— Мне тоже. Я знаю не больше вашего. В бумагах Вейсмана много рассуждений на эту тему, но ничего определенного там нет. Нам придется начинать чуть ли не с нуля.

Он пристально посмотрел на меня и спросил:

— Вы на самом деле всему этому верите?

— Хотел бы не верить, — ответил я. Ситуация была нелепая. Наша беседа напоминала диалог из какого-нибудь романа Райдера Хаггар-да[^], только он происходил на самом деле. С полчаса мы вели какой-то довольно бестолковый разговор, потом Райх сказал:

— Во всяком случае, есть одна вещь, которую мы должны сделать немедленно. Мы должны записать все это на пленку и сегодня же сдать ее на хранение в банк. Если за ночь с нами что-нибудь случится, это послужит предостережением. Поскольку нас двое, меньше шансов, что нас сочтут сумасшедшими.

Он был прав. Мы достали мой магнитофон и продиктовали на пленку отрывки из заметок Вейсмана. После этого Райх продиктовал еще несколько своих замечаний. Он сказал, что еще не уверен, не безумие ли все это. Однако это звучит слишком правдоподобно, и он считает такую предосторожность вполне разумной. Причина смерти Вейсмана нам так и не известна, а в нашем распоряжении находится его дневник с записями вплоть до дня самоубийства, и судя по этим записям, он находился в здравом уме.

Когда пленка кончилась, мы запечатали ее в пластиковую коробку и спустились вниз, чтобы поместить в открытый круглый сейф банка «АИУ». Потом я позвонил управляющему банком, сообщил, что мы оставили в сейфе пленку, где записаны кое-какие важные мысли, и попросил хранить ее, пока она нам не понадобится. Все сошло гладко: он решил, что это какая-то важная информация, касающаяся раскопок и компании «АИУ», и пообещал лично за этим присмотреть.

Я сказал, что теперь нам, по-моему, надо как следует выспаться, и объяснил, что,

согласно моим представлениям, паразитам труднее контролировать бодрствующее, активное сознание. Договорившись не выключать на ночь соединявшую нас видеолинию на случай, если кому-нибудь понадобится помощь, мы расстались. Хотя еще не было десяти, я без всяких колебаний принял изрядную дозу снотворного и улегся в постель. Как только моя голова коснулась подушки, я заставил себя воздержаться от всяких размышлений перед сном и мгновенно уснул. Я чувствовал, что мысли мои спокойны и уравновешенны, так что удержать их в подчинении не составило для меня большого труда.

На следующее утро, в девять часов, Райх разбудил меня и, судя по всему, испытал большое облегчение, убедившись, что со мной все в порядке. Через десять минут он уже был у меня, и мы сели завтракать.

Только теперь, когда мы сидели в залитой солнцем комнате, попивая ледяной апельсиновый сок, нам впервые пришли в голову кое-какие полезные мысли по поводу паразитов сознания. Мы чувствовали себя свежими и бодрыми и записывали все свои разговоры на пленку. Прежде всего мы принялись рассуждать, насколько возможно сохранить в тайне от них то, что мы узнали. Мы пришли к выводу, что это нам неизвестно. Впрочем, Вейсман прожил в такой ситуации целых шесть месяцев — это могло означать, что непосредственная опасность нам пока не грозит. Больше того, они точно *знали*, что Вейсман догадался об их существовании, и активно противодействовали его попыткам о них думать. Другими словами, он с самого начала был обречен. Я же, когда накануне читал *«Размышления на исторические темы»*, не ощутил никаких признаков постороннего присутствия в моем сознании, а после того, как преодолел первое ощущение тревоги и страха, чувствовал себя необыкновенно здоровым — и физически, и духовно. Поэтому я был готов принять вызов. (Бабушка как-то рассказывала мне, что в первые дни последней мировой войны все почему-то выглядели особенно веселыми и жизнерадостными — теперь я это прекрасно понимал.)

Итак, «они», возможно, пока еще не осознали, что тайна Вейсмана раскрыта. Удивляться этому не следовало. Мы не знали их численности — если только к ним вообще применимо понятие численности, — но вряд ли они в состоянии следить за каждым из пяти миллиардов человек, живущих на Земле, так что опасность, вероятно, не столь уж велика. «Предположим, — сказал Райх, — что теория Юнга верна и что человечество имеет единое общее сознание. Предположим также, что паразиты населяют самые большие глубины этого океана и стараются не показываться близко к его поверхности, боясь разоблачения. В этом случае они могут на протяжении многих лет так и не узнать, что именно нам известно, если только мы не выдадим себя, как Вейсман, и не заставим их насторожиться».

Но теперь возникла новая проблема. Накануне вечером мы оба пришли к выводу, что лучший способ узнать о паразитах побольше — это экспериментировать с препаратами, которые позволят нам заглянуть в глубины собственного сознания. Однако теперь мы поняли, что это было бы опасно. Нет ли какой-нибудь возможности проникнуть в глубины сознания без помощи таких препаратов?

К счастью, на эту тему у Вейсмана было написано очень много. Мы обнаружили это в тот же день, просматривая подряд, страницу за страницей, его *«Размышления»*. Феноменология Гуссерля — вот метод, который нам был нужен. Гуссерль пытался нанести на карту «структуру сознания» (или, лучше сказать, его «географию»), пользуясь одними лишь логическими рассуждениями. И чем больше мы размышляли, тем больше убеждались, что это вполне разумно. Если вам нужно нанести на карту неведомый континент — ну, скажем, джунгли Венеры, — то незачем тратить время, блуждая в чаще деревьев:

нужно воспользоваться приборами и вертолетом. Важнее всего научиться распознавать, что находится под вами, — научиться по цвету отличать болота от сухих мест и так далее. А применительно к географии человеческого сознания решение проблемы состоит не в том, чтобы погружаться с головой в мир подсознательного, а в том, чтобы научиться описывать словами *уже о нем известное*. Имея карту, я могу добраться пешком из Парижа в Калькутту; без карты я рискую забрести в Одессу. Точно так же, имея аналогичную «карту» человеческого сознания, мы можем обследовать всю территорию, простирающуюся между смертью и мистическим прозрением, между кататонией и гениальностью.

Попробую выразить это иначе. Человеческое сознание похоже на гигантский электронный мозг, наделенный необычайными способностями. Однако человек, к несчастью, не умеет с ним обращаться. Каждое утро, проснувшись, он подходит к пульту управления этим громадным мозгом и начинает крутить рукоятки и нажимать на кнопки. В этом и заключается вся нелепость ситуации: имея в своем распоряжении громадный механизм, человек может заставить его выполнять лишь самые элементарные действия, решать лишь самые простые повседневные проблемы. Правда, есть люди, которых мы называем гениями, — те, кто способен заставить этот механизм делать куда более интересные вещи:

писать симфонии и поэмы, или открывать математические законы. И есть еще горсточка людей, которая, может быть, важнее всех остальных, — те, кто использует этот механизм, чтобы *изучить его собственные возможности*, чтобы выяснить, что еще можно сделать с его помощью. Они знают, что он способен создать симфонию «Юпитер», или «Фа уста», или «Критику чистого разума», или многомерную геометрию. Однако эти произведения были созданы в каком-то смысле случайно или, во всяком случае, инстинктивно. Столь же случайно были сделаны и многие великие научные открытия, но раз уж они сделаны, первейший долг ученого — изучить скрытые законы, ими управляющие. А этот электронный мозг — величайшая из всех тайн, ибо, узнав его секрет, человек станет богом. И если так, то можно ли использовать сознание для более высокой цели, чем изучение законов сознания? К этому и сводится смысл, вкладываемый в слово «феноменология» — может быть, самое важное слово во всем словаре человечества.

Огромность задачи, стоявшей перед нами, пугала нас, но не приводила в отчаяние. Ученый не может прийти в отчаяние, когда перед ним открывается перспектива бесконечных открытий. Снова и снова — наверное, не одну тысячу раз на протяжении нескольких следующих месяцев — мы говорили друг другу: конечно, можно понять, зачем вампирам надо оставаться незамеченными. Для них все зависит от того, будет ли человечество по-прежнему воспринимать болезнь своего духа как неизбежность, считать ее своим естественным состоянием. А как только оно в этом усомнится и начнет борьбу с этим состоянием, его ничто не сможет остановить.

Помню, что через несколько часов мы спустились в кафе выпить чаю (мы решили, что кофе тоже можно причислить к опасным препаратам, и его следует избегать). Переходя площадь перед зданием «АИУ», мы поймали себя на том, что смотрим на попадавшихся навстречу людей с какой-то жалостью, как боги смотрят на простых смертных. Они так погружены в свои мелкие заботы, так поглощены своими жалкими личными планами и мечтаниями, в то время как мы наконец-то имеем дело с *реальностью* — с единственной подлинной реальностью, с реальностью эволюционирующего сознания.

Один непосредственный результат я заметил сразу. Я начал избавляться от лишнего веса, и мое физическое состояние стало просто идеальным. Спал я глубоко и крепко, а просыпаясь, чувствовал себя свежим и абсолютно здоровым. Мои мыслительные процессы стали удивительно четкими. Я мыслил спокойно, неспешно, почти педантично. Оба мы понимали, как это важно. Вейсман сравнивал паразитов с акулами; так вот, лучший способ для пловца привлечь акул — это плескаться и шуметь на поверхности воды. Совершить эту ошибку мы не собирались.

Мы вернулись на раскопки, однако вскоре под разными благовидными предложениями ограничили время нашего присутствия там лишь самым необходимым минимумом. Это было не так уж сложно:

почти все, что еще оставалось сделать, было делом не столько археологов, сколько инженеров. Во всяком случае, Райх уже подумывал, не переправить ли свое оборудование в Австралию, чтобы исследовать местность, описанную Лавкрафтом в «*Тени из другого времени*»: все, что стало нам известно, не оставляло сомнений, что Лавкрафт обладал способностью к ясновидению, и эту возможность стоило изучить. А пока мы просто решили отдыхать весь август, сославшись на то, что наступил жаркий сезон.

Оба мы постоянно держались начеку, не появятся ли какие-нибудь признаки присутствия паразитов. Работа шла без сучка и задоринки: мы по-прежнему чувствовали прилив сил, как физических, так и умственных, и от нас не ускользнули бы ни малейшие

следы «вмешательства» в наше сознание, о котором писал Вейсман. Однако ничего подобного мы не замечали, и это нас немного озадачивало. В чем тут дело, я понял, когда в начале октября съездил в Лондон. Истекал срок аренды моей квартиры на Перси-стрит, и я никак не мог решить, стоит ли возобновлять договор. Поэтому я взял билет на утреннюю ракету до Лондона и уже к одиннадцати утра был в своей квартире. В тот самый момент, как я вошел, мне стало ясно: они за того момента, как я отдал транспортной компании распоряжение вывозить шкафы с бумагами» интерес паразитов ко мне явно упал.

Почти двое суток я заставлял свой мозг заниматься исключительно повседневными делами, связанными с раскопками в Кара-тепе. Это не так трудно, как может показаться: все дело в том, чтобы вжиться в свою роль, подобно актеру, действующему по системе Станиславского: разделять восторги Белла по поводу раскопок и так далее. Я разъезжал по Лондону, встречался с приятелями, даже дал заманить себя на «маленький прием», где со мной носились как со знаменитостью. (Прием оказался невероятно парадным и многолюдным: как только я дал обещание приехать, хозяйка обзвонила не меньше сотни гостей.) Я нарочно позволял своему сознанию функционировать, как раньше, — то есть скверно. Я позволил себе слишком возбудиться, потом впасть в депрессию. В самолете на обратном пути я позволил себе поразмышлять о том, не было ли это пустой тратой времени, и решил, что больше никогда не соглашусь выступать в роли светского льва.

Когда вертолет «АИУ» приземлился в Диярба-кыре, у меня было ощущение, что небо вновь чисто, но на всякий случай я продолжал обуздывать свои мысли еще на протяжении сорока восьми часов. Райх, к счастью, опять был на раскопках, так что у меня не было искушения ослабить бдительность. Но как только он вернулся, я рассказал ему обо всем. Я сказал, что после того, как шкафы с бумагами были сданы на хранение, интерес паразитов ко мне, как мне кажется, свелся к нулю. Однако оба мы решили по-прежнему держаться настороже и избегать чрезмерной самоуверенности.

Теперь у меня появилась новая теория, касающаяся паразитов. Очевидно, они не в состоянии постоянно следить за каждым человеком. Но почему в таком случае люди не могут выйти из-под их влияния тогда, когда паразитов поблизости нет, как это удалось нам?

Этот вопрос мучил нас целый день. Ответ на него нашел Райх. Он разговаривал с женой Эверетта Ребке, президента компании «АИУ»*; ее муж только что улетел на неделю на Луну отдохнуть и подлечиться. Она сказала, что его нервы в очень плохом состоянии. «Но почему? — спросил Райх. — Ведь дела компании идут прекрасно». «Да, конечно, — ответила она. — Но когда человек стоит во главе такой большой компании, его постоянно одолевают заботы, он просто не может остановиться».

Так вот в чем дело! Как это просто и самоочевидно, если только об этом задуматься! Психологи много лет твердят нам, что человек — всего-навсего машина. Лорд Лестер уподоблял человека старинным часам с заводной пружиной. Одна-един-ственная душевная травма, перенесенная в детстве, может стать причиной невроза, который продлится всю жизнь, а одна или две счастливых минуты, выпавшие на долю ребенка, могут сделать его на всю жизнь оптимистом. Тело способно за неделю уничтожить микробов, вызывающих физическую болезнь, но сознание сохраняет семена душевного нездоровья или страха до самой смерти. Почему? Потому что, когда дело касается жизненных сил, сознание склонно к косности; оно живет привычками, и расстаться с этими привычками, особенно вредными, ему невероятно трудно.

Другими словами, человек, однажды подпавший под влияние паразитов сознания, превращается в нечто вроде часов с заведенной пружиной, которые требуют к себе внимания лишь раз в год. Кроме того, Вейсман обнаружил, что и люди способны воздействовать друг на друга, а это экономит паразитам немало сил. Родители передают свое восприятие жизни детям; даже один угрюмый писатель-пессимист, наделенный талантом, может повлиять на целое поколение писателей, которые, в свою очередь, оказывают влияние почти на всех представителей образованного класса.

Чем больше мы узнавали о паразитах сознания, тем яснее нам становилось, насколько все это ужасающе просто, и тем более невероятным казалось везение, благодаря которому мы случайно наткнулись на их тайну. Лишь много времени спустя мы поняли, что «везение» —

слово столь же негодное и нечеткое, как и большинство абстрактных понятий в нашем языке, и что в действительности дело совсем в другом.

Естественно, мы немало говорили о том, кому еще можно доверить нашу тайну. Это была нелегкая проблема. Нам удалось заложить неплохое начало, однако даже один неверный шаг мог погубить все. Прежде всего, нужно было убедиться, что избранные нами люди внутренне готовы воспринять то, что мы собираемся им сообщить. Дело не в том, что нас могли принять за сумасшедших — это уже не так нас волновало, — а в том, как бы неосторожно выбранный «союзник» нас не выдал.

Мы прочитали множество литературы по психологии и философии, чтобы выяснить, нет ли среди их авторов людей, которые уже пытались сделать шаг в нужном направлении. Несколько таких авторов нашлось, но мы все еще старались быть как можно осторожнее. К счастью, мы с Райхом быстро освоили технику феноменологического мышления:

ни один из нас не был философом и не имел предвзятых мнений, от которых нужно было бы избавляться, и поэтому семена, брошенные Гуссерлем, упали на плодородную почву. Но нам предстояла нелегкая битва, и нужно было найти способ *обучать* людей внутренней дисциплине. Здесь мало положиться на природный ум человека — его нужно научить защищаться от паразитов сознания, и сделать это в самый кратчайший срок.

Дело здесь вот в чем. Стоит один раз понять, как нужно должным образом пользоваться своим мозгом, и все остальное усваивается легко. Суть в том, чтобы преодолеть привычку, приобретенную человеком на протяжении миллионов лет, — привычку уделять все свое внимание внешнему миру, считать воображение лишь способом бегства от него, а не дверью, ведущей в обширные неведомые страны мира внутреннего. Нужно привыкнуть размышлять о том, как работает собственный мозг. Не просто «мозг» в обыденном смысле слова, но также и эмоции и восприятие. Между прочим, как я вскоре обнаружил, труднее всего осознать, что эмоции — тоже разновидность восприятия. Обычно мы отводим для них отдельную полочку. Я смотрю на человека и «вижу» его — это объективное восприятие;

ребенок смотрит на него и говорит: «У, какой противный!», — он *воспринимает* его эмоционально, и мы говорим, что это субъективное восприятие. Мы не отдаем себе отчета в том, насколько нелепа такая классификация и насколько она запутывает нас. В определенном смысле эмоции ребенка — это тоже восприятие. Но в гораздо более важном смысле наше «видение» — это тоже эмоция.

Представьте себе на минуту, что происходит, когда вы пытаетесь навести на фокус бинокль. Вы поворачиваете колесико, но видите пока еще только смутные пятна. Но после очередного поворота колесика все вдруг становится ясным и отчетливым. Теперь представьте себе, что происходит, когда вам говорят: «Вчера ночью умер такой-то». Обычно ваше сознание так занято всякими другими делами, что вы вообще ничего не почувствуете — или, точнее, испытаете лишь *смутные*, расплывчатые чувства, словно ваш бинокль не в фокусе. Позже, может быть, несколько недель спустя, когда вы сидите и читаете в своей комнате, что-то напомнит вам о том, кто недавно умер, и вас внезапно охватит острое чувство горя: теперь это чувство оказалось в фокусе. Что еще нужно, чтобы убедить вас, что чувство и восприятие — это, в сущности, одно и то же?

Я пишу исторический, а не философский труд, и не намерен глубоко вдаваться в проблемы феноменологии. (Я сделал это в других своих книгах и могу рекомендовать, кроме них, труды лорда Лес-тера, которые служат прекрасным введением в предмет.) Но кое-какое знание философии необходимо, чтобы понять историю борьбы с паразитами сознания. Ибо, как мы поняли, когда начали размышлять об этом, главное оружие паразитов — нечто вроде «глушителя сознания», аналогичного глушителю, который употребляется для вывода из строя радиолокаторов.

Человеческое сознание постоянно прощупывает, сканирует Вселенную. «Бодрствование человеческого «я» — это восприятие». Точно так же астроном постоянно прощупывает небо своими приборами в поисках новых планет. Чтобы обнаружить их, он сравнивает прежние фотографии звезд с новыми. Если звезда изменила свое положение, значит, это не звезда, а

планета. Наш ум и чувства тоже постоянно прощупывают Вселенную в поисках «смысла вещей». «Смысл» появляется, как только мы, сравнив два комплекса ощущений, вдруг видим в них что-то новое. Вот самый простой пример: когда ребенок впервые сталкивается с огнем, у него создается представление об огне как о чем-то очень приятном, теплом, ярком, интересном. Если он теперь сунет в огонь палец, он узнает об огне нечто новое — что огонь жжется. Но он не делает из этого вывод, что огонь всегда плох, — разве что это очень пугливый и нервный ребенок. Он сопоставляет между собой оба представления, как астроном сопоставляет две звездных карты, и отмечает про себя, что у огня есть два разных свойства, которые нужно отличать друг от друга. Такой процесс называется обучением.

Теперь представьте себе, что паразиты сознания намеренно «смазывают» наши чувства, когда мы пытаемся сравнить два комплекса ощущений. То же самое случится, если они подсунут астроному очки с дымчатыми стеклами: он будет изо всех сил вглядываться в обе звездные карты, но мало что в них разглядит. В подобной ситуации нам трудно обучаться на опыте. А человек слабый или нервный в ходе такого обучения придет к совершенно неверным выводам — например, что огонь «плохой», потому что он жжется.

1 Э9

Я приношу извинения читателям, не питающим склонности к философии, за эти разъяснения, но они очень важны. Цель паразитов — не дать людям полностью использовать свои возможности, и они достигают ее, глуша эмоции, смазывая наши чувства, чтобы мы лишились способности к обучению и по-прежнему пребывали в некоем умственном тумане. *«Размышления на исторические темы»* Вейсмана были попыткой проанализировать историю последних двух столетий, чтобы понять, как именно паразиты вели наступление на человечество. И это Вейсману удалось. Возьмите поэтов-«романтиков» начала XIX века — таких, как Вордсворт, Байрон, Шелли, Гете. Они многим отличались от поэтов предыдущего столетия — Драйдена, Поупа и других. Их сознание было подобно мощному биноклю, многократно увеличивающему картины человеческой жизни. Когда Вордсворт ранним утром глядел на Темзу с Вестминстерского моста, его сознание, подобно мощной динамомашине, внезапно с ревом набирало обороты и получало возможность сопоставить между собой огромное множество пережитых мыслей и чувств. На какое-то мгновение он мог видеть человеческую жизнь *с гигантской высоты*, как парящий орел, а не с уровня земли, как червь. А когда человек так видит жизнь — будь он поэт, ученый или государственный деятель, — он испытывает ощущение огромного могущества и силы духа, он прозревает сущность жизни, смысл эволюции человека.

И как раз в этот момент истории, именно тогда, когда человеческое сознание совершило этот потрясающий эволюционный скачок вперед — ибо эволюция всегда происходит скачками, точно так же, как электрон скачком переходит с одной орбиты на другую, — в этот момент паразиты и нанесли свой массированный удар. Их план действий был коварен и имел дальний прицел. Они начали манипулировать лучшими умами нашей планеты. К тому, чтобы понять эту истину, был близок Толстой, когда он писал в *«Войне и мире»*, что отдельная личность почти не играет роли в исторических событиях, что ими движут механические силы. Действительно, все участники той войны с Наполеоном *двигались* механически, подобно шахматным фигуркам, которые передвигали паразиты сознания.

Среди ученых паразиты поощряли догматические, материалистические взгляды. Каким образом? Паразиты внушали ученым глубокое чувство психологической неуверенности в себе, заставлявшее их с готовностью хвататься за мысль о науке как о «чисто объективном» знании — в точности так же паразиты пытались направить разум Вейсмана на математические проблемы и шахматную игру.

Столь же коварно паразиты подрывали дух художников и писателей. Они, вероятно, с ужасом смотрели на таких гигантов, как Бетховен, Гете, Шелли, понимая, что нескольких десятков их достаточно, чтобы человек смог прочно закрепиться на новой стадии эволюции. Поэтому и были сведены с ума Шуман и Гельдерлин, превращен в пьяницу Гофман, в наркоманов — Колридж и Де Куинси. Гениальных людей истребляли беспощадно, как мух.

Неудивительно, что у великих художников XIX столетия появилось такое чувство, будто весь мир обратился против них. Неудивительно, что отчаянная попытка Ницше призвать к оптимизму была так быстро пресечена его скоротечным сумасшествием. Я больше не буду здесь углубляться в эту тему — она подробно рассмотрена в работах лорда Лестера.

Как я уже сказал, в тот момент, когда мы узнали о существовании паразитов сознания, мы сумели вырваться из хитро расставленной ими ловушки. Этой ловушкой, их главным *оружием* была история. Они «подчистили» историю, за каких-нибудь два столетия она превратилась в притчу о слабости человека, о безразличии природы, о беспомощности людей перед силой необходимости. Но в тот самый момент, когда мы поняли, что история «подчищена», эта притча лишилась всякого воздействия на нас. Глядя на Моцарта, Бетховена, Гете, Шелли, мы думали: «Да, если бы не паразиты, то великие люди встречались бы на каждом шагу». Мы видели, насколько бессмысленно говорить о слабости человека. Человек может обладать гигантской мощью, если только его силу не высасывают каждую ночь эти вампиры нашего духа.

Понимание этого уже само по себе не могло не придать нам огромного оптимизма. Тогда, на первых порах, наш оптимизм был особенно силен, потому что мы еще почти ничего не знали о паразитах. Мы поняли, что для них очень важно сохранить свое существование в тайне, не дать человеку узнать о нем, и сделали поспешный вывод — за это нам впоследствии пришлось дорого заплатить, — что они неспособны причинять реальный вред. Нас, правда, по-прежнему ставила в тупик загадка самоубийства Карела, но его вдова дала ему вполне правдоподобное объяснение. Карел обычно пил чай с сахаринром;

пузырек с таблетками цианида был похож на пузырек с сахаринром — что если он, увлекшись работой, в рассеянности положил себе в чай цианид вместо сахарина? Конечно, их можно различить по запаху. Но что если паразиты умеют как-то притуплять ощущение запаха — так сказать, «глушить» его? Вот Карел сидит, ничего не подозревая, за столом, сосредоточенный на своей работе, может быть, переутомленный. Он машинально протягивает руку за сахаринром, и один из паразитов незаметно отводит его руку на несколько сантиметров левее...

Мы с Райхом готовы были принять эту теорию, которая объясняла, как цианид попал в чай. Она соответствовала и нашему представлению о том, что паразиты сознания, в сущности, не опаснее любых других паразитов, и если знать об их существовании и принимать должные меры предосторожности, все будет хорошо. Мы были убеждены, что не окажемся столь же уязвимыми, как Карел. В конце концов, в их распоряжении не так уж много уловок, с помощью которых они могут обмануть нас, как обманули Карела. Например, они могут заставить нас сделать какое-нибудь неверное движение, управляя автомобилем. Вести автомобиль — в значительной мере дело инстинкта, а в действие инстинкта очень легко вмешаться, когда человек едет со скоростью ста пятидесяти километров в час и все его внимание поглощено дорогой. Поэтому мы решили никогда, ни при каких обстоятельствах не ездить на автомобиле самим и не позволять себя возить (потому что шофер будет еще более уязвим, чем мы сами). Полеты на вертолете — дело совсем другое: автоматические приборы делают аварию почти невозможной. А однажды, услышав, что какой-то солдат был убит впадшим в безумие местным жителем, мы поняли, что нужно иметь в виду и такую возможность. Поэтому мы оба решили впредь всегда иметь при себе пистолеты и не показываться в многолюдных местах.

Тем не менее в эти первые месяцы все шло так гладко, что трудно было избежать чрезмерного оптимизма. В свои двадцать лет, только еще изучая археологию под руководством сэра Чарлза Майерса, я тоже испытывал такой восторг, такой прилив сил, что мне казалось — лишь сейчас я начинаю жить по-настоящему. Но даже это не идет ни в какое сравнение с той полнотой жизни, какую я постоянно испытывал теперь. Мне стало ясно, что в основе существования большинства людей лежит колоссальная *ошибка* — такая же нелепость, как попытка наполнить ванну, не заткнув пробкой сливное отверстие, или сдвинуть с места автомобиль, не отпустив ручной тормоз. Каждую минуту утрачивается нечто такое, что должно было бы постоянно нарастать, делая жизнь все более и более полной. Стоит это понять, и проблема перестает существовать. Сознание до краев заполняют жизненные силы и

уверенность в их подвластности. Человек перестает быть рабом своих настроений, а управляет ими так легко, как движениями своих рук.

Трудно описать все это тем, кто никогда такого не испытывал. Люди привыкли, что всегда что-то происходит с ними». Они заболевают насморком, у них появляется плохое настроение, они бросают начатое дело, их одолевает тоска... Однако как только я мысленно погрузился в собственное сознание, подобные вещи перестали «происходить со мной»:

теперь все со мной происходящее оказалось в моей власти.

Я до сих пор помню случай, который тогда произвел на меня самое большое впечатление. Дело было часа в три дня. Я сидел в библиотеке, читал только вышедшую статью по лингвистической психологии и размышлял о том, можно ли доверить ее автору нашу тайну. Мое внимание привлекли несколько ссылок на основателя этой школы Хайдеггера[^], и я внезапно с очевидностью увидел ошибку, закрашившую в самые основы его философии. Мне стало ясно, что стоит исправить эту ошибку, как перед человечеством откроются новые обширные перспективы. Я принялся записывать свою мысль, и тут у самого моего уха послышался надоедливый писк комара, который через несколько секунд возобновился. Все еще думая о Хайдеггере, я поднял глаза на комара и пожелал, чтобы он вылетел в окно. При этом я отчетливо ощутил, как мое сознание *вступило в контакт* с комаром. Тот внезапно свернул в сторону и полетел через всю комнату к закрытому окну. Мое сознание, продолжая следить за ним, направило его полет к открытой форточке в другом окне, и он вылетел наружу.#

Я был так изумлен, что некоторое время сидел, приоткрыв рот и глядя вслед комару. Вряд ли я бы больше удивился, если бы у меня вдруг выросли крылья и я бы взлетел в воздух. Не показалось ли мне, что комар *подчинялся*, моему сознанию? Я вспомнил, что в здешнем туалете постоянно летает множество ос и пчел, потому что прямо под окном находится цветочная клумба. Я заглянул в туалет. Там никого не было, и только одна оса билась в матовое стекло окна. Я прислонился спиной к двери и сосредоточил на осе свое внимание, но ничего не произошло. Я почувствовал досаду — у меня появилось ощущение, словно я делаю что-то не то, словно пытаюсь открыть запертую дверь. Я мысленно вернулся к Хайдеггеру, меня снова охватило то же счастливое чувство прозрения, и вдруг я ощутил, что у меня в мозгу как будто *включилось сцепление*. Контакт с осой был столь же несомненным, как если бы я держал ее в руке. Я пожелал, чтобы она перелетела в другой конец комнаты. Нет, «пожелал» — не то слово, человек не «желает», чтобы пальцы его сжались в кулак или разжались, а просто делает это. Точно так же я перенес осу через всю комнату к себе, а когда она была уже совсем близко, заставил ее повернуть, подлететь к окну и вылететь наружу. Я не [^]ерил своим глазам и был близок к тому, чтобы разрыдаться или разразиться хохотом. Самое смешное было то, что я каким-то образом ощущал досаду, которую испытывала оса, вынужденная что-то делать против собственной воли.

В туалет влетела еще одна оса — а может быть, это была та же самая. Я вступил в контакт и с ней. На этот раз я почувствовал усталость: мое сознание не привыкло к таким усилиям, и его хватка слабела. Я подошел к окну и выглянул в форточку. На клумбе большой шмель высасывал нектар из цветка пиона. Я заставил свое сознание вступить с ним в контакт и пожелал, чтобы он улетел прочь. Шмель уперся — я чувствовал его сопротивление, как чувствуешь сопротивление собаки, которую тянешь за поводок. Я напрягся, и шмель с сердитым жужжанием вылетел из цветка. Тут я внезапно ощутил сильную усталость и отпустил его восвояси. Однако я не позволил себе, как прежде, под влиянием усталости поддаться чувству подавленности. Я просто дал своему сознанию расслабиться, сознательно успокоил его и начал думать о чем-то постороннем. Десять минут спустя, когда я вернулся в библиотеку, это ощущение мурашек в мозгу исчезло.

Мне стало интересно, распространяется ли власть моего сознания на мертвую материю. Я сосредоточил внимание на окурке сигареты со следами губной помады, который кто-то оставил в пепельнице на соседнем столе, и попытался сдвинуть его с места. Действительно, он откатился к другому краю пепельницы, но это стоило мне гораздо больших усилий, чем с осой. В то же время я испытал еще одно поразившее меня ощущение. В тот момент, когда мое сознание вступило в контакт с сигаретой, я явственно ощутил прилив сексуального желания.

Я отпустил сигарету, потом снова сосредоточился на ней и снова ощутил сильнейшее желание. Впоследствии я выяснил, что эту сигарету выкурила секретарша одного из членов дирекции — темноволосая губастая женщина в роговых очках с очень толстыми стеклами. Ей было около тридцати пяти, она страдала нервами и не отличалась особой привлекательностью — так, ни то ни се. Сначала я решил, что прилив желания исходил от меня — что это нормальная мужская реакция на сексуальный возбудитель в виде сигареты со следами губной помады. Однако когда на следующий день в библиотеке она села недалеко от меня, я позволил своему сознанию осторожно вступить с ней в контакт и чуть не вздрогнул, как от удара электрического тока: от нее, подобно острому запаху мускуса, исходило могучее животное желание. Не то чтобы она в этот момент предавалась сексуальным мыслям — нет, она листала какой-то статистический сборник. И желание ее не было направлено на какого-то определенного человека: очевидно, это сильнейшее сексуальное напряжение она испытывала постоянно и считала его совершенно нормальным.

Я научился у нее и кое-чему еще. Когда я прервал мысленный контакт с ней, она бросила на меня озадаченный взгляд. Я продолжал читать, делая вид, что ее не замечаю. Через некоторое время она потеряла ко мне интерес и снова углубилась в статистику. Но я понял, что она почувствовала, как я вступил с ней в мысленный контакт. Мужчины, на которых я потом это пробовал, совершенно ничего не ощущали. По-видимому, это свидетельствует о том, что женщины, особенно сексуально озабоченные, к подобным вещам аномально чувствительны.

Однако все это выяснилось позже. Тогда же я всего лишь попробовал сдвинуть с места окурок сигареты и обнаружил, что это хотя и возможно, но нелегко. Все дело в том, что окурок неживой. Живое существо гораздо легче заставить сделать то, что хочешь, потому что при этом можно использовать его собственную жизненную силу и нет необходимости преодолевать инерцию мертвой материи.

После обеда я, все еще находясь под впечатлением своего нового открытия, разорвал на мелкие кусочки листок папиросной бумаги и развлекался тем, что заставлял стайку бумажных клочков летать над столом, изображая метель. Это тоже оказалось довольно утомительно, и секунд через пятнадцать мне пришлось перестать.

Вечером, когда из Кара-тепе прилетел Райх, я рассказал ему о своем открытии. Он пришел в еще большее волнение, чем я. Как ни странно, он не попытался тут же произвести эксперимент сам, а вместо этого начал размышлять о природе явления и его возможных следствиях. Конечно, эффект телекинеза известен человечеству уже целых полстолетия, и Райх тщательно изучал его в университете Дьюка. Он определил телекинез как явление, когда «индивидуум действует на какой-либо предмет, не пользуясь собственными двигательными системами». «Таким образом, — добавляет он, — телекинез есть прямое действие сознания на материю». Райха натолкнул на мысль об этом один заядлый игрок в кости, который утверждал, будто многие игроки могут управлять падением костей. Райх провел тысячи экспериментов, и их результаты, в частности, доказали то, в чем я только что убедился: что занятие телекинезом через некоторое время вызывает сильную усталость сознания. В начале каждого его эксперимента всегда наблюдалось намного больше «попаданий», чем в конце, и в ходе эксперимента их число неуклонно снижалось.

Таким образом, способность к телекинезу в незначительной степени всегда была свойственна человеку. А то, что сила моего сознания увеличилась после того, как я занялся феноменологией, означало лишь одно: теперь я мог направлять на предметы более мощный поток умственной энергии.

Райх позволил себе предаться буйному полету фантазии. Он принялся мечтать о том, как в один прекрасный день мы сможем без помощи механизмов поднять на поверхность земли остатки Кадата, как человек обретет способность без всякого космического корабля, одним усилием воли долететь до Марса. Его возбуждение передалось мне — я понял, что он прав, говоря, что это самое большое наше достижение как с практической, так и с философской точки зрения. Дело в том, что в каком-то смысле весь технический прогресс человечества шел в неверном направлении. Взять хотя бы раскопки в Кара-тепе: мы решали прежде всего техническую проблему — как освободить развалины города от покрывавших его миллиардов

тонн грунта, и, думая в первую очередь о машинах, стали забывать, каким неотъемлемым компонентом решения должно быть *сознание человека*. Чем больше машин, экономящих труд, создает человеческий мозг, тем дальше он уходит от осознания своих собственных возможностей, тем в большей степени рассматривает себя как пассивную «думающую машину». На протяжении последних нескольких столетий научные достижения человечества лишь снова и снова укрепляли представление человека о себе как о существе пассивном.

Я предупредил Райха, что такое умственное возбуждение может привлечь внимание паразитов, и он заставил себя успокоиться. Оторвав еще несколько клочков папиросной бумаги, я передвинул их через стол к нему, сказав при этом, что мне под силу двигать лишь эти два грамма бумаги и что если я решу докопаться до развалин Кадата усилиями своего сознания, то мне проще будет взяться за лопату. Райх попробовал сам подвигать бумажки, но безуспешно. Я пытался объяснить ему, в чем тут фокус и как «включить сцепление», однако у него по-прежнему ничего не получалось. Он трудился целых полчаса, но так и не смог сдвинуть с места даже самый крохотный клочок бумаги. Это его очень огорчило — я давно не видел его в таком подавленном настроении. Я попытался приободрить его, сказав, что такая способность может проявиться в любой момент. Мой брат научился плавать уже в три года, а я до одиннадцати лет не мог понять, как это делается.

Действительно, примерно неделю спустя Райх обрел способность к телекинезу — чтобы сообщить эту новость» он позвонил мне посреди ночи. Это случилось, когда он лежал в постели и читал книгу о психологии детского возраста. Размышляя о том, почему некоторые дети как будто особенно подвержены всевозможным несчастным случаям, он подумал, что это в значительной мере объясняется особенностями их сознания. При мысли о скрытых в сознании силах, которыми человек с таким большим трудом овладевает, он внезапно понял, что дети, особо подверженные несчастным случаям, просто искусственно сдерживают развитие собственных способностей, а у него в точности то же самое происходит со способностью к телекинезу. Он сосредоточил свое внимание на странице книги, напечатанной на тонкой бумаге, и заставил ее перевернуться.

На следующее утро я узнал, что он так и не лег спать, а всю ночь занимался телекинезом. Он обнаружил, что идеальный объект для этого — обуглившиеся клочки папиросной бумаги: они так легки, что их можно сдвинуть с места самым незначительным усилием сознания. Больше того, от малейшего дуновения они начинают вращаться в воздухе, и тогда легко использовать их энергию.

После этого развитие способности к телекинезу пошло у Райха намного быстрее, чем у меня: его мозг был мощнее моего и мог излучать более сильный волевой разряд. Уже неделю спустя я видел, как он совершил невероятное — заставил птичку изменить направление полета и дважды облететь вокруг его головы. Это имело забавные последствия: несколько секретарш видели случившееся в окно, и одна из них рассказала все газетчикам. Какой-то репортер принялся допытываться у Райха, что означало это «знамение», когда у него над головой принялся кружить черный орел (в пересказе этот случай оброс всевозможными преувеличениями), и Райху пришлось на ходу выдумать, что у него в семье все были страстными любителями птиц и что у него есть специальный ультразвуковой свисток, чтобы их подманывать. В течение месяца после этого его секретарша только и делала, что отвечала на письма от многочисленных обществ птицелюбов с просьбами приехать и прочитать им лекцию на эту тему. С тех пор Райх занимался телекинезом исключительно у себя в комнате.

Честно говоря, в то время я не проявлял особого интереса к собственным телекинетическим способностям, потому что не придавал им большого значения. Мне стоило таких усилий перенести этим способом лист бумаги из дальнего конца комнаты, что проще было встать и принести его. Поэтому когда я прочитал последний акт пьесы Шоу * Назад к Мафусаилу», где герои способны одним усилием воли отращивать себе лишние руки и ноги, я подумал, что Шоу явно сильно преувеличивал.

Гораздо интереснее и полезнее было заниматься нанесением на карту мира своего сознания, потому что это намного расширяло возможности управления им. Люди так свыклись с тем, насколько ограничены возможности их разума, что считают это неизбежным. Они подобны больным, забывшим, что такое здоровье. Мое сознание теперь могло совершать

такое, о чем раньше я не осмелился бы и мечтать. Например, я всегда был не силен в математике. Теперь же я без всякого усилия сумел усвоить теорию функций, многомерную геометрию, квантовую механику и теорию игр. По вечерам, ложась спать, я брал с собой в постель какой-нибудь том Бурбаки* и скоро прочитал все пятьдесят томов от начала до конца, убедившись, что могу при этом пропускать целые страницы доказательств, настолько они казались мне очевидными.

Я обнаружил, что занятия математикой полезны во многих отношениях. Когда я мысленно обращался к предмету своей давней любви — истории, мне теперь ничего не стоило «вжиться» в тот или иной исторический период, охватить своей фантазией все его детали с такой наглядностью, что он становился почти реальным. Я испытывал необыкновенное волнение, мое сознание поднималось до таких высот вдохновенного созерцания, что вполне могло в такие моменты привлечь внимание паразитов. Поэтому я все чаще обращался к математике — это было не так рискованно. Здесь я мог совершать интеллектуальные сальтомортале, пулей перелетая из одного конца математического мира в другой, и при этом оставаться спокойным.

Райх заинтересовался ощущениями, которые вызвала у меня секретарша за соседним столом, и провел несколько экспериментов в этом направлении. Он обнаружил, что около пятидесяти процентов женщин и тридцать пять процентов мужчин, состоящих в штате «АИУ», страдают от чрезмерного «сексуального заряда». Это, несомненно, было как-то связано с жарой и скверными условиями жизни. Можно было предположить, что при такой интенсивности сексуальных эмоций число самоубийств, связанных с индустриальными неврозами, среди персонала «АИУ» окажется пониженным. На самом же деле оно было исключительно высоко. Размышляя над этим фактом, мы с Райхом нашли ему объяснение: интенсивность сексуальных эмоций и высокое число самоубийств вызываются одной и той же причиной — действиями паразитов.

Секс для человека — один из самых глубинных источников удовлетворения, сексуальные желания и стремление к эволюции тесно связаны между собой. Когда эти глубинные побуждения по той или иной причине не находят естественного выхода, они все равно прорываются наружу, и тогда человек пытается удовлетворить их любым способом, чаще всего принципиально для этого неподходящим. Один из таких способов — беспорядочные половые связи, которых среди сотрудников «АИУ» случалось более чем достаточно. Дело опять-таки в «фокусировании» эмоций. Человек верит, что данная женщина может его сексуально удовлетворить, и убеждает ее стать своей любовницей; однако тут вмешиваются паразиты, и он оказывается неспособен «сфокусировать» свою энергию на половом акте. Он испытывает некоторую растерянность: она, как принято говорить, «отдалась» ему, а он не удовлетворен — как будто съел сытный обед и обнаружил, что все еще голоден. Из такого положения есть два выхода: или человек решает, что просто выбрал не ту женщину, и начинает искать какую-нибудь другую, или же он делает вывод, что обычный половой акт вообще не может его удовлетворить, и принимается изобретать всякие способы, чтобы сделать его интереснее, то есть экспериментирует с половыми извращениями. Путем осторожных расспросов Райх выяснил, что немалое число холостых служащих «АИУ» отличаются довольно-таки «специфическими» сексуальными предпочтениями.

Однажды вечером, через неделю после того, как мы впервые заговорили о сексуальных проблемах, Райх пришел ко мне с книгой, которую швырнул мне на стол.

— Я нашел человека, которому мы можем доверять.

— Кто это?

Я схватил книгу и посмотрел на обложку. Книга называлась *«Теории сексуального импульса»*, ее написал Зигмунд Флейшман из Берлинского университета. Райх прочитал мне вслух несколько отрывков, и я понял, что он имел в виду. Не могло быть никакого сомнения, что Флейшман — человек исключительного ума, которого поставили в тупик аномалии сексуального поведения человека. Однако при этом его формулировки звучали так, словно он догадывался о существовании паразитов сознания. Он понял, что половые извращения — следствие того, что источник сексуальности человека чем-то загрязнен, и в этом вся суть — словно ему, чтобы утолить жажду, приходится пить виски вместо воды. Но почему,

спрашивал он, человеку в современном мире так трудно удовлетворить свои сексуальные потребности? Действительно, он подвергается чрезмерной сексуальной стимуляции благодаря книгам, журналам и кинофильмам, но ведь стремление к продлению рода само по себе настолько сильно, что это не должно было бы оказывать серьезного влияния. Даже женщины, чей главный инстинкт состоит в том, чтобы выйти замуж и растить детей, как будто поддаются этой волне сексуальных аномалий, и число разводов, при которых муж обвиняет жену в неверности, быстро растет. Как объяснить это ослабление эволюционного импульса у обоих полов? Не может ли здесь действовать некий неизвестный фактор, либо физический, либо психологический, который мы не принимаем во внимание?

Да, ясно было, что Флейшман — наш человек и что в этой конкретной области науки мы можем обнаружить и еще кого-нибудь, кто также обратил внимание на аномалии сексуального поведения.

Одна из наших проблем, разумеется, состояла в том, каким образом устанавливать связи с нашими возможными союзниками: ни у меня, ни у Райха не было времени мотаться по всему свету в поисках таких людей. Но как раз в данном случае это оказалось неожиданно просто. Я написал Флейшману письмо, где изложил свои соображения по поводу некоторых мест его книги, делая вид, что ее тема меня весьма интересует, и намекнул, что, возможно, вскоре буду в Берлине и надеюсь заглянуть к нему. Не прошло и недели, как я получил пространственный ответ, в котором, в частности, говорилось: «Как и все остальные, я затаив дыхание слежу за Вашими исследованиями. Не сочтете ли Вы наглостью, если я попрошу Вашего разрешения приехать к Вам самому?» Я ответил, что буду рад, и предложил ему приехать в ближайший выходной, а он телеграммой известил меня, что согласен. Три дня спустя мы с Райхом встретили его в аэропорту Анкары и доставили в Диярбакыр на вертолете компании «АИУ».

Флейшман нам очень понравился: это был энергичный, умный человек, немного за пятьдесят, с очаровательным чувством юмора и типично немецкой широтой интересов в области культуры. Он мог с блеском говорить о музыке, о первобытном искусстве, о философии и об археологии. Мне сразу стало ясно, что это один из тех немногих людей, кто от природы наделен иммунитетом к паразитам сознания.

В Диярбакыре мы накормили его хорошим обедом, во время которого беседовали исключительно о раскопках и о проблемах, связанных с найденными мной развалинами. После обеда мы ракетой прилетели в Кара-тепе. (Компания «АИУ» обнаружила, что наше присутствие служит ей замечательной рекламой, и мы получили такие привилегии, которые были бы немыслимы раньше, когда Райх был всего лишь их консультантом по геологии.) Первый тоннель был почти закончен. Мы показали Флейшману ту его часть, которую можно было видеть, а также остальные «экспонаты»: уголок, отломанный от Аб-хотова камня, электронные фотографии надписей на других монолитах и так далее. Его привел в восторг масштаб проблемы — то, что мы нашли цивилизацию более древнюю, чем останки пекинского человека*. У него на этот счет была собственная теория, любопытная и вполне правдоподобная. Она состояла в том, что на Земле когда-то пытались поселиться пришельцы с другой планеты — возможно, с Юпитера или Сатурна. Он разделял теорию Шредера*, согласно которой на всех планетах в тот или иной период существовала жизнь, а может быть, — что доказывает пример Марса, — и разумная жизнь. В данном случае Марс он исключал из-за малого размера планеты — ее масса в десять раз меньше земной: чересчур малая сила тяготения исключает возможность появления «гигантов». Юпитер же и Сатурн имеют достаточно большую массу, а значит, и силу тяготения, так что там «гиганты» вполне могли обитать.

Райх не согласился с ним, выдвинув свою собственную теорию: что все население Земли неоднократно подвергалось уничтожению в результате катастроф, как-то связанных с Луной, и что каждый раз после этого человеку приходилось с трудом развиваться снова, проходя одну за другой все предыдущие стадии. Если, как представляется почти очевидным, такие лунные катастрофы становились причиной обширных потопов, то это объясняет, почему эти древние цивилизации, которые существовали за миллионы лет до появления в голоцене современного человека, погребены на такой большой глубине.

Весь день мы провели в беседах на самые разнообразные темы, вечером посмотрели

прекрасный спектакль «*Пираты из Пензанса*»^^, поставленный местным обществом любителей оперы, а потом не спеша поели в ресторане дирекции. Райх распорядился поставить у себя в номере еще одну кровать для гостя, и мы пошли к нему.

Мы все еще избегали разговора о паразитах сознания, помня, как опасно затрагивать эту тему поздней ночью. Однако мы уговорили Флейшмана рассказать подробнее о своей теории сексуального импульса. К полуночи он вошел во вкус и блестяще изложил нам ее суть. Время от времени мы нарочно делали вид, что неправильно его понимаем, чтобы заставить его высказаться как можно обстоятельнее.

Результат превзошел наши ожидания. Флейш-ман, с его широчайшим научным кругозором, сумел охватить всю проблему в целом. Он понял, что сексуальный импульс человека по своему существу *романтичен*, точно так же, как и импульс поэтический. Когда поэт при виде горных вершин ощущает «намеки на бессмертие», он прекрасно знает, что горы — вовсе не «боги, увенчанные облаками». Он знает, что величие *придает* им его собственное сознание — точнее, оно видит в них символ своего собственного скрытого величия. Их грандиозность и величие напоминают ему о грандиозности и величии его собственного духа. А когда человек испытывает романтическую любовь к женщине, — это опять-таки скрытый в нем поэт видит в ней орудие эволюции. Мощь сексуального импульса — это мощь божественного начала в человеке, а сексуальный возбудитель способен вызывать к жизни эту мощь, как гора вызывает к жизни представление о прекрасном. Флейшман говорил, что человека надо рассматривать не как нечто единое, а как результат постоянной борьбы между высшим и низшим началами. Половые извращения, какие мы видим у де Сада, отражают оба эти начала, сплетенные в жестокой борьбе между собой так крепко, что отделить одно от другого невозможно. И низшее начало сознательно использует энергию высшего в собственных целях.

В этом месте Райх прервал его и спросил:

— Но как тогда вы объясните такой сильный рост половых извращений в нынешнем столетии?

— А, в том-то все и дело, — мрачно отозвался Флейшман и сказал, что, по его мнению, это должно означать, что низшее начало получает поддержку откуда-то извне. Может быть, наша цивилизация клонится к упадку, исчерпала себя, и ее высшие импульсы истощились. Однако в это он поверить не мог. Не верил он и в то, что современные неврозы объясняются неспособностью человека освоиться с образом жизни цивилизованного животного — больше того, высокоиндустриализированного животного. Человек имел достаточно времени, чтобы привыкнуть жить в больших городах. Нет, должно быть какое-то иное объяснение...

Тут я зевнул и сказал, что, если они не возражают, хотел бы продолжить беседу за завтраком. Согласно нашим планам, Флейшману предстоял долгий и интересный день... Райх поддержал меня:

все это слишком увлекательно, чтобы продолжать разговор сейчас, когда мы устали. Так что мы пожелали друг другу доброй ночи и расстались.

На следующее утро, за завтраком, мы с радостью заметили, что Флейшман находится в прекрасном настроении. Очевидно, здесь ему нравилось. Когда он спросил нас, что мы предполагаем делать сегодня, мы сказали, что об этом лучше поговорить после завтрака. Потом мы снова пошли к Райху, и тот продолжил беседу с того самого места, на котором она оборвалась накануне вечером. Он напомнил Флейшману его слова о том, что низшее начало в человеке, видимо, получает поддержку откуда-то извне, а потом предложил мне рассказать о судьбе Карела Вейсмана и о том, как мы обнаружили паразитов.

Утренняя беседа заняла два часа, но уже с самого начала мы увидели, что в лице Флейшмана сделали правильный выбор. Первые минут двадцать он, правда, подозревал, что все это какой-то замысловатый розыгрыш. Однако дневники Карела убедили его — нам стало ясно, что он прозрел. Он слушал с растущим волнением, и Райху пришлось предупредить его, что это самый верный способ привлечь внимание паразитов, а также объяснить, почему мы решили подождать до утра. Флейшман прекрасно нас понял и после этого слушал спокойно и серьезно. По его плотно сжатым губам было видно, что у паразитов появился еще один

серьезный противник.

В каком-то смысле Флейшмана оказалось даже легче убедить, чем Райха. Прежде всего, он еще в колледже прослушал курс философии и целый семестр изучал Уилсона и Гуссерля. Кроме того, весьма убедительными оказались наши опыты с телекинезом. Флейшман купил здесь в подарок внучке мячик из тисненной кожи, и Райх заставил его прыгать по всей комнате, а я усилием воли перенес по воздуху книгу и не дал взлететь со стола сердито жужжавшей осе. Слушая наши объяснения, Флейшман то и дело повторял: «Боже, все сходится!» Одним из центральных понятий его психологической теории было то, что он называл «налогом на сознание»; мы смогли доказать ему, что этот «налог» взимают преимущественно паразиты.

Флейшман стал первым из наших учеников. Целый день мы старались обучить его всему, что знали сами: как заметить присутствие паразитов, как закрыть для них свое сознание, когда они появятся. Больше ничего и не понадобилось: самое главное он понял сразу. Человек хитростью лишен возможности пользоваться территорией, принадлежащей ему по праву, — миром сознания; как только человек это полностью осознает, ничто не сможет помешать ему предъявить свои права. Пелена тумана рассеется, и он получит возможность путешествовать по миру своего сознания, как научился путешествовать по морю, воздуху и космическому пространству. Как он воспользуется такой возможностью, — решать ему: либо он захочет совершать туда ради собственного удовольствия увеселительные прогулки, либо пожелает серьезно заняться исследованием этого мира и составлением его карт. Мы объяснили, почему пока не решаемся прибегать к галлюциногенным препаратам, и рассказали обо всем, чем до сих пор сумели дополнить феноменологию.

Мы капитально пообедали — после целого утра напряженной работы все ощущали зверский голод, — а потом наступил черед Флейшмана. Будучи психологом, он знал многих людей, задававшихся теми же вопросами, что и он. Только в Берлине их было двое: Элвин Кэртис из института Хиршфельда и Винсент Джоберти, его бывший студент, а теперь профессор в университете. Он рассказал нам про Эймса и Томсона из Нью-Йорка, про Спенсфилда и Алексея Ремизова из Йейля, про Шлафа, Херцога, Хлебникова и Дидринга из Массачусеттского института. Он упомянул и Жоржа Рибо — человека, который потом нас чуть не погубил...

В тот день мы впервые услышали от него и имя Феликса Хазарда. Мы с Райхом не слишком хорошо знали современную литературу, однако подход Хазарда к проблемам секса естественным образом заинтересовало Флейшмана. Мы узнали, что Хазард пользуется большим авторитетом среди литературного *avant garde** благодаря любопытной смеси садизма, научной фантастики и глубокого пессимизма. Он, по-видимому, получал постоянную плату от одного берлинского ночного клуба, где собирались любители извращений, просто за то, что каждый месяц просиживал там определенное число часов и позволял посетителям с восторгом его созерцать. Флейшман рассказал нам о некоторых работах Хазарда и добавил, что тот в свое время был наркоманом, однако теперь считается излечившимся. Все, что он рассказывал о Хазарде, указывало на то, что это еще один «зомби», находящийся во власти паразитов сознания. Впечатление у Флейшмана от единственной встречи с Хазардом осталось весьма тягостное. Он записал тогда в дневнике: «Душа Хазарда похожа на свежеразрытую могилу» и несколько дней после этой встречи испытывал странное чувство подавленности.

Теперь возник вопрос: следует ли нам работать вместе или можно предоставить Флейшману право подыскивать нам союзников по собственному разумению? Мы все решили, что последнее слишком опасно: лучше будет принимать такие решения втроем. С другой стороны, возможно, что в нашем распоряжении меньше времени, чем мы полагаем. Поэтому важнее всего поскорее собрать маленькую группу из людей, занимающих видное положение в интеллектуальном мире. Каждый новый человек, который вступит в наши ряды, облегчит нам задачу. Убедить Флейшмана было проще, чем Райха, потому что нас было уже двое. Когда же нас окажется много, мы сможем убедить весь мир. И вот тогда начнется настоящая война...

В свете того, что случилось позже, такая уверенность в своих силах кажется чистым безумием. Однако не надо забывать, что до сих пор счастье было на нашей стороне. И мы уверовали, что паразиты бессильны против тех, кто знает об их существовании.

Я помню, что когда мы в тот вечер провожали Флейшмана на самолет, он взглянул на толпы, заполнявшие ярко освещенные улицы Анкары, и сказал: «Я чувствую себя так, словно за эти дни умер и вновь родился другим человеком,...». А в аэропорту добавил: «Странно, но все эти люди кажутся мне *спящими*. Они как сомнамбулы». И мы поняли, что за Флейшмана нам беспокоиться нечего. Он уже вступил во владение «миром сознания».

После этого все начало происходить так быстро, что целые недели сливались в сплошную мешанину разнообразных событий. Три дня спустя Флейшман снова прилетел к нам вместе с Элвином Кэртисом и Винсентом Джоберти. Они прибыли в четверг утром и улетели в тот же день в пять часов вечера. Познакомившись с Кэртисом и Джоберти, мы поняли, что это люди как нельзя более нам подходящие. Особенно Кэртис: видимо, он натолкнулся на ту же проблему, изучая экзистенциалистскую философию, и эти исследования подвели его вплотную к тому, чтобы самому обнаружить паразитов. Нас обеспокоило только одно: Кэртис тоже упомянул про Феликса Хазарда и подкрепил наши подозрения, что Хазард может быть *прямым* агентом паразитов, которые полностью овладели его сознанием и превратили его в зомби, когда он был погружен в наркотическое забытие. Очевидно, на многих, особенно на молодых девушек-невротичек, Хазард оказывал своеобразное возбуждающее действие. У Кэртиса же, как и у Флейшмана, он вызывал приступы депрессии. Но, что еще хуже, он уже дважды высмеял работы Кэртиса в одном авангардистском журнале, выходящем в Берлине. Это означало, что Кэртису нужно было проявлять большую осторожность, чем всем остальным: он уже попал на подозрение к паразитам.

Не будь мы такими простаками, нам следовало бы организовать убийство Хазарда. Это было бы не так уж сложно. У Флейшмана уже появились зачатки способности к телекинезу, и стоило ему еще немного потренироваться, как он развил бы их до того, что смог бы толкнуть Хазарда под проезжающий автомобиль, на котором ехали бы Кэртис или Джоберти. Однако мы испытывали естественное отвращение к таким действиям. До нас еще не дошло, что Хазард на самом деле *уже* мертв, и вопрос лишь в том, чтобы не дать паразитам пользоваться его телом в своих целях.

В следующие три недели Флейшман приезжал к нам каждый выходной и всякий раз привозил с собой новых союзников: Спенсфилда, Эймса, Кассел-ла, Ремизова, Ласкаратоса из Афинского университета, братьев Грау, Джонса, Дидринга и первую женщину среди наших сторонников — Сигрид Эльгстрем из Стокгольма. Все они прошли через наши руки на протяжении двадцати дней. Я испытывал по этому поводу смешанные чувства. Конечно, нам становилось легче от сознания, что людей, посвященных в нашу тайну, становится все больше, что мы с Райхом — уже не единственные ее хранители. Однако меня пугала неотступная мысль, что кто-нибудь из них может совершить какую-то ошибку и заставит паразитов насторожиться. Хотя я и убедил себя, что те не так уж опасны, какой-то инстинкт говорил мне о необходимости сохранения тайны.

За это время произошло немало интересного и волнующего. Братья Грау, Луис и Генрих, росли вместе, были очень близки друг другу и уже обладали некоторой способностью к телепатическому общению. Теперь они далеко обогнали нас всех в телекинезе и доказали, что мы недооцениваем его значение. Я присутствовал при том, как в античном зале Британского музея они объединенным усилием воли передвинули мраморный монолит *весом в тридцать тонн!* Свидетелями этого были лишь Янис Ласкаратос, Жорж Рибо, Кеннет Фэрно (заведующий сектором музея, которого я посвятил в тайну сам) и я. Братья объяснили, что сумели это сделать, взаимно усиливая волевые импульсы друг друга в попеременном ритме. Тогда мы еще ничего не могли в этом понять.

Прежде чем я перейду к рассказу о первой катастрофе, которая нас постигла, нужно немного больше сказать о телекинезе, поскольку в этих событиях -н сыграт определенную роль.

Способность к телекинезу стала, разумеется, простейшим и естественным следствием обретенной нами *целеустремленности* в борьбе против паразитов. Первое же, что я усвоил, когда начал изучать Гуссерля, заключалось в том, что люди упускают из виду один крайне простой секрет всего сущего, хотя он достаточно очевиден для всякого, кто способен видеть. Вот в чем заключается этот секрет. Скудость человеческой жизни — и человеческого

сознания — объясняется слабостью луча внимания, который мы направляем на окружающий мир. Представьте себе, что у вас есть мощный прожектор, но в нем нет отражателя. Когда вы включаете его, он излучает свет, но свет рассеивается во все стороны, а немалая часть его поглощается внутри самого прожектора. Установите там вогнутое зеркало — луч станет направленным, как летящая пуля или копье, и сила его удесятится. Но даже это — лишь полумера: хотя все световые волны теперь следуют в одном и том же направлении, они движутся «не в ногу», как недисциплинированная группа солдат, идущая по улице. Если же еще пропустить такой свет сквозь рубиновый лазер, световые колебания начнут маршировать «в ногу», и их сила возрастет тысячекратно — точно так же ритмичная поступь армии способна заставить рухнуть стены Иерихона.

Человеческий мозг подобен прожектору, который освещает окружающий мир лучом внимания. Но он всегда был прожектором без отражателя. Наше внимание ежесекундно перескакивает с предмета на предмет, мы не умеем фокусировать и направлять его луч. И все же это довольно часто случается само собой. Например, как подметил Флейшман, сексуальный оргазм и есть не что иное, как результат фокусирования и концентрирования «луча» сознания (или внимания): в этот момент энергия луча скачком возрастает, что и создает ощущение интенсивного наслаждения. То же относится и к поэтическому «вдохновению»: по чистой случайности сознание как будто настраивается на определенную волну, луч внимания на мгновение становится поляризованным, и все, на что он направлен, преобразуется, приобретая «яркость и свежесть сновидения». Нет нужды добавлять, что так называемые «мистические видения» — это то же самое, но дополненное еще случайным лазерным эффектом. Когда Якоб Беме* увидел солнечный свет, отразившийся от поверхности оловянной чаши, и объявил, что видел все небеса разом, он говорил чистую правду.

Человеческая жизнь так тускла и неинтересна именно потому, что луч внимания у каждого человека размыт и нечеток. Люди не отдают себе в этом отчета, — а ведь разгадка секрета, как я уже говорил, много столетий лежит у нас под самым носом.

Но начиная с 1800 года паразиты делают все, что в их силах, чтобы не дать человеку раскрыть секрет, хотя после Бетховена, Гете и Вордсворта это должно было стать *совершенно неотвратимым*. Успех паразитов объясняется тем, что они используют привычку человека к такой нечеткости видения, его склонность тратить время и силы на пустяки. Человеку внезапно приходит в голову гениальная мысль — на мгновение его внимание фокусируется на ней; однако тут же вступает в действие сила привычки, он вдруг ощущает голод, или ему кажется, что у него пересохло в горле, и коварный внутренний голосок нашептывает ему: «Пойди, удовлетвори свои физические потребности, и тогда тебе будет вдвое легче сосредоточиться». Он повинуется — и тут же забывает свою мысль.

Человек постигает этот фундаментальный секрет в тот момент, когда догадывается, что его внимание представляет собой «луч» (или, как это сформулировал Гуссерль, что сознание «обладает направленностью»). Теперь ему остается только научиться поляризовать этот луч. Такой поляризованный луч и способен вызывать телекинетический эффект.

Так вот, братья Грау совершенно случайно поняли/ как использовать сознание друг друга в качестве рубинового лазера, чтобы добиться совпадения фаз в луче внимания. Они еще не овладели этим полностью — около 99% энергии луча терялись впустую. Но и оставшегося процента оказалось достаточно, чтобы с легкостью сдвинуть с места тридцатитонный монолит. Его хватило бы и на то, чтобы сдвинуть камень весом хоть в пятьсот тонн, будь у нас под рукой такой камень.

А теперь я перехожу к тому, что произошло вечером 14 октября, когда нас постигла катастрофа. Не знаю, что насторожило паразитов. Может быть, виноват был Жорж Рибо, этот странноватый маленький человечек, которого посвятил в нашу тайну Джоберти. Рибо написал множество книг по телепатии, магии, спиритизму и так далее под такими названиями, как «Тайный храм» или «От Атлантиды до Хиросимы», и основал журнал «*Les Horizons de l'Avenir*» '·-'. Было бы, пожалуй, несправедливо утверждать, будто Джоберти проявил неосторожность, вербуя его. Рибо был человек острого ума и прекрасный математик. Его книги свидетельствовали о том, что он очень близко подошел к догадке о существовании паразитов сознания. С другой стороны, они были слишком умозрительными, недостаточно научными.

Он перескакивал с Атлантиды на атомную физику, с первобытных обрядов на кибернетику и был способен испортить разумное рассуждение об эволюции, сославшись на какой-нибудь неподтвержденный «факт» из спиритической литературы, а в одной и той же сноске мог процитировать рядом какого-нибудь сумасшедшего и серьезного ученого. Он приехал в Диярбакыр специально, чтобы повидаться со мной — человек маленького роста, с тонким, нервным лицом и горящими, пронизательными черными глазами. Он сразу показался мне не столь заслуживающим доверия, как все остальные, несмотря на его ум и обширные знания: уж слишком нервными и порывистыми были его движения. У меня создалось впечатление, что он не слишком уравновешен, а его рассудок не слишком надежен. Райх хорошо выразил это ощущение, сказав: «Ему не хватает бесстрастия».

В десять часов вечера в тот день я что-то писал у себя в комнате. Внезапно я испытал то чувство смутной тревоги, которое всегда свидетельствовало о присутствии паразитов. Все было точно так же, как в моей квартире па Перси-стрит. Решив, что они проводят нечто вроде периодической проверки, я просто прикрыл мою новую индивидуальность старой и принялся размышлять о шахматной задачке. Я нарочно старался думать медленно, как можно тщательнее рассматривая все варианты решения, хотя теперь мог бы найти ответ мгновенным скачком. На полпути к решению я позволил себе отвлечься, встал и налил себе фруктового сока. (Употреблять алкоголь я давно уже перестал: его стимулирующее действие я теперь легко могу заменить мгновенной концентрацией внимания.) Потом я сделал вид, что потерял нить рассуждений, и начал с самого начала. Примерно через полчаса я зевнул и позволил своему мозгу ощутить усталость. Все это время я чувствовал, что они следят за мной, и на этот раз на более глубоком уровне сознания, чем на Перси-стрит. Год назад, подвергшись такому наблюдению, я бы не испытал даже чувства подавленности: они находились далеко за пределами уровней, на которых их можно сознательно или подсознательно обнаружить.

Улегшись в постель, я уже через десять минут почувствовал, что они удалились, и принялся размышлять, что бы они могли со мной сделать, если бы решились «напасть». Конечно, я не был в этом абсолютно убежден, но мне казалось, что мое сознание достаточно сильно, чтобы противостоять даже исключительно активному нападению.

В полночь у меня зазвонил видеофон. Это был Райх, и по лицу его было видно, что он встревожен.

— Они у вас побывали?

— Да. Ушли час назад.

— А от меня — только что. Это у меня первая встреча с ними, и мне как-то не по себе. Они сильнее, чем мы думали.

— Ну, не знаю. Мне кажется, это просто что-то вроде регулярной проверки на всякий случай. Вам удалось скрыть свои мысли?

— О да. К счастью, я как раз работал над этими надписями на Абхотовом камне, так что достаточно было сосредоточиться на них и думать вполсилы.

— Позвоните мне, если понадобится помощь, — предложил я. — Может быть, нам стоит попробовать настроить сознание так, чтобы фазы у обоих совпадали — как у братьев Грау. Возможно, это сработает.

Я заснул. На всякий случай я даже позволил своему сознанию медленно погрузиться в сон, как прежде, а не выключил его, как выключают свет.

Проснулся я с чувством подавленности, похожим на похмелье или на начинающееся нездоровье. Мой мозг словно заржавел или онемел, как немеет тело, когда спишь в неудобной позе. Я мгновенно понял, что с шутками покончено. Пока я спал, паразиты подкрались и захватили меня в плен, связав по рукам и ногам.

Теперь, когда это случилось, все выглядело вовсе не так страшно, как я ожидал. Я всегда думал, что их присутствие будет вызывать у меня отвращение, но вместо этого я просто ощущал в себе нечто чуждое, причем это ощущение имело какой-то, я бы сказал «металлический», привкус.

Мысль о сопротивлении мне и в голову не приходила. В тот момент я был как человек, который попал под арест и у которого есть только один шанс выжить — убедить своих тюремщиков, что они просто ошиблись адресом. Поэтому я реагировал на случившееся в

точности так, как реагировал бы год назад: с некоторым страхом, растерянностью, но без особой 'паники и с уверенностью, что это просто легкое недомогание, которое можно будет вылечить таблеткой аспирина. Я заставил свое сознание перебрать все события предыдущего дня в поисках причины нездоровья.

Примерно полчаса ничего не происходило. Я лежал, совершенно пассивный и не слишком обеспокоенный, размышляя о том, не оставят ли они меня в покое сами. Я чувствовал, что в случае необходимости смогу отогнать их, применив силу.

Потом я начал понимать, что из этого ничего не выйдет. Они *знали*, что я о них знаю; они знали, что я только притворяюсь незнающим. И когда они поняли, что это известно и мне, началась следующая стадия. Они принялись давить на мое сознание — в прежние времена такого давления было бы вполне достаточно, чтобы лишить меня рассудка. Как физическая тошнота порождает ощущение физического томления, точно так же и давление, которое оказывали они, порождало у меня ощущение душевного томления, какой-то душевной тошноты.

Очевидно, мне следовало оказать сопротивление, но я все же решил не раскрывать свои карты и пока начал сопротивляться пассивно, как будто и не догадывался об их давлении. Повидимому, для них это выглядело так, словно они пытаются сдвинуть с места стотонный камень. Давление усиливалось, но я чувствовал спокойную уверенность в своих силах, зная, что в состоянии противостоять нажиму даже в пятьдесят раз более сильному.

Однако полчаса спустя я уже чувствовал себя так, словно усилием воли держал на весу целую гору величиной с Эверест. У меня все еще оставался немалый запас сил, но вскоре он мог оказаться исчерпанным. Мне ничего не оставалось делать, как раскрыть карты. Напрягшись, словно человек, разрывающий узы, я отшвырнул от себя паразитов, потом сфокусировал луч своего внимания настолько, что его интенсивность приблизилась к интенсивности оргазма, и направил луч на них. Я мог бы сделать его и еще в десять раз интенсивнее, но не хотел, чтобы им стали известны все мои возможности. Я все еще сохранял спокойствие и не испытывал никакой паники. В каком-то смысле эта схватка даже доставляла мне удовольствие. Если бы я одержал победу, это означало бы, что на будущее мне уже не придется так тщательно сдерживать свои силы: им теперь в любом случае все известно.

Однако результат моих усилий меня разочаровал. Груз свалился с моего сознания, паразиты отступили, но у меня было ощущение, что они остались невредимы, как будто я сражался с тенью. Было бы гораздо приятнее почувствовать, что мои удары достигли цели, как чувствует это боксер, послав противника в нокдаун; но, очевидно, этого не произошло.

Немедленно после этого паразиты вновь перешли в атаку. На сей раз она была такой внезапной и стремительной, что я оказался вынужден парировать ее без всякой подготовки. Я чувствовал себя так, будто защищаю собственный дом от нападения шайки бродяг. Моими противниками были существа низшего порядка, этот отвратительный сброд не имел никакого права находиться в моем сознании. Как крысы из сточной канавы, они обнаглели, уверовав в свои силы. и теперь я должен показать им, что не потерплю этого. Страх перед ними я не чувствовал, зная, что сражаюсь на собственной территории. И как только они вернулись, я нанес им новый сокрушительный удар, от которого они снова бросились враспынную.

Непосвященные время от времени спрашивают меня, действительно ли я «вижу» паразитов и считаю, что они имеют какую-то определенную форму. На это я отвечаю — нет. Чтобы понять ощущения, о которых я говорю, представьте себе такую картину. Вам жарко, вы устали, все на свете идет как-то не так. Только вы начинаете переходить улицу, как перед вами проносится автобус, едва не отдавив вам ногу; весь мир кажется вам враждебным, словно выстроившаяся в два ряда толпа хулиганов, через которую вам предстоит пройти. Привычное чувство безопасности исчезло, все представляется пугающе хрупким и ненадежным. Вот так и чувствует себя человек, подвергшийся нападению паразитов. Прежде я принимал все это за обычный приступ пессимизма и плохого настроения и тут же находил какой-нибудь повод для беспокойства, чтобы их оправдать. Каждый из нас участвует в таких схватках по сто раз на дню. Но победу в них одерживают только те, кто способен отбросить привычные отрицательные переживания, преодолеть тревогу, обрести целеустремленность и веру в победу. Как черпать силы для этого в собственной «тайной внутренней жизни»,

известно всем, просто тренировка, которую я прошел за последние месяцы, облегчила мне доступ к этой тайной жизни- Источником моей силы был оптимизм, «позитивное мышление», если можно использовать здесь это сомнительное выражение.

Моя схватка с паразитами продолжалась, наверное, с час. Я не позволял себе задумываться о том, что случится, если их многие миллионы и они смогут атаковать меня неделю за неделей, пока мое сознание не придет в полное истощение. Как только эта мысль приходила мне в голову, я отгонял ее, хотя в этом, конечно, и состояла главная опасность.

К пяти утра я был немного утомлен, но не испытывал никакой депрессии. И тут у меня появилось ощущение, что они получили подкрепление и готовятся к новой атаке. На этот раз я решил рискнуть и подпустить их поближе: мне хотелось выяснить, могу ли я причинить им действительный ущерб. Они навалились на меня, как огромная разъяренная толпа, теснясь все ближе и ближе, пока я не почувствовал, что вот-вот задохнусь. Ощущение было ужасное — словно кто-то, держа вашу руку в тисках, понемногу заворачивает их. Давление усиливалось, но я все еще не оказывал сопротивления. Наконец, поняв, что больше мне не выдержать, я собрал все силы своего сознания и нанес удар, как будто выстрелив из пушки в самую гущу толпы. На этот раз ошибки быть не могло: хоть они и были не тяжелее мушиного роя. но скопились в таком множестве, что не успели вовремя отступить, и я с удовлетворением почувствовал, что причинил им заметный ущерб.

После этого на полчаса наступило затишье. Паразиты все еще находились здесь, рядом, но было очевидно, что они заметно обескуражены. Позже я понял, почему. За эти месяцы подготовки я научился черпать из своих внутренних источников огромные количества душевной энергии, не уступающие по силе взрыву водородной бомбы. До сих пор я еще ни разу не пользовался этой энергией и не имел представления о ее мощи. Паразиты, накинувшиеся на меня, как полчища крыс на котенка, вдруг обнаружили, что вместо котенка наткнулись на могучего тигра, — неудивительно, что это их ошеломило.

Я испытывал полное удовлетворение. Хоть я и напряг все свои силы, чтобы дать отпор, никакого истощения я не ощущал и чувствовал себя таким же свежим и сильным, как обычно. Воодушевленный успехом, я был уверен, что смогу продержаться так не одну неделю.

Однако когда за занавесками стало светать, я понял, что мне предстоит нечто такое, чего я не ожидал. У меня появилось странное ощущение — словно мои ноги вдруг оказались погружены в холодную воду, которая понемногу поднимается все выше и выше. Только спустя некоторое время я сообразил, что они атакуют меня из такой части *моего сознания*, о самом существовании которой я и не подозревал. Я был силен своими знаниями, но мне следовало бы понимать, что мои знания о собственном внутреннем мире так же жалки и ничтожны, как знания астронома, который, изучив лишь Солнечную систему, считает, что ему известна вся Вселенная.

Область, откуда меня теперь атаковали *паразиты*, находилась *намного глубже, чем все, что я знал о собственном «я»*. Правда, я и раньше иногда задумывался над такой возможностью, но всякий раз откладывал ее исследование на более позднее время (и правильно делал). Мне часто приходило в голову, что жизнь человека целиком основывается на предпосылках, которые мы воспринимаем как данное. Ребенок воспринимает как данное своих родителей и свой дом; позже он начинает воспринимать как данное свою страну и общество. Эти подпорки нам необходимы, потому что мы всегда должны от чего-то отталкиваться. Ребенок, не имеющий ни родителей, ни дома, вырастает с ощущением постоянно грозящей ему опасности. Бывает, что и ребенок, выросший в уютном доме, впоследствии принимается критиковать своих родителей или даже совсем отвергает их (хотя это и маловероятно), но он начинает это делать лишь тогда, когда твердо стоит на собственных ногах.

Оригинальным мыслителем человек может стать только после того, как одну за другой выбьет у себя из-под ног эти подпорки. Он может по-прежнему любить своих родителей или свою страну, но он любит их с позиции силы — силы, в основе которой лежит отторжение.

Однако большинство людей так и не способно научиться стоять на собственных ногах. Они ленивы и предпочитает опираться на подпорки. Человек может бесстрашно развивать самые смелые и оригинальные математические теории, но в то же время оставаться под

башмаком у своей жены. Он может быть свободомыслящим философом и при этом в большей степени, чем он сам готов признать, жаждать восхищения друзей, учеников и поклонников. Короче говоря, люди никогда не отказываются от *всех* подпорок сразу: они подвергают сомнению лишь некоторые из них, но остальные продолжают принимать как данное.

Я был так поглощен увлекательным путешествием по новым континентам духа, освобождением от своей прежней индивидуальности и многими усвоенными ею предпосылками, что совершенно не сознавал, насколько прочно еще опираюсь на десятки других, столь же привычных предпосылок. Например, понимая, что моя индивидуальность претерпела большие изменения, я все еще сохранял ощущение собственного «я», а ведь оно подобно якорю, лежащему на самом дне глубочайшего моря. Я все еще воспринимал себя частью человечества. Я все еще смотрел на себя как на обитателя Солнечной системы и Вселенной, существующей в определенном пространстве-времени. Я принимал пространство и время как данное. Мне не приходило в голову задуматься о том, где я находился до своего рождения и где окажусь после смерти. Я даже не осознавал, что существует проблема моей смерти — все мысли об этом я откладывал на потом.

А теперь паразиты, спустившись на дно моей личности, принялись подрывать сами ее основы — яснее выразиться я не могу. Не то чтобы они в буквальном смысле слова начали вытаскивать из дна все эти якоря, — нет, это превышало их силы. Однако они оказались способны сотрясать якорную цепь, и я внезапно ощутил неуверенность в себе на таком уровне, который без всяких колебаний принимал как данное. Передо мной вдруг возник вопрос — а кто я такой, в самом глубоком смысле этого слова?

Подобно смелому мыслителю, который отвергает патриотизм и религию, я отверг все обычные обстоятельства, которые определили мою индивидуальность: случайность моего рождения в данном месте и в данное время, случайность появления на свет в виде человека, а не собаки или рыбы, случайность, наделившую меня могучим инстинктом жизни. Отбросив все эти случайности, я превратился в голый клочок чистого сознания, противопоставляющий себя всей Вселенной. Но тут я понял, что это так называемое «чистое сознание» так же произвольно и случайно, как и мое имя. Противопоставлять себя Вселенной оно в состоянии лишь путем навешивания на нее ярлыков. Как может существовать «чистое сознание», если я воспринимаю вот этот предмет как книгу, а вон тот-как стол? Моими глазами видит Вселенную все та же крохотная человеческая индивидуальность, и стоило мне попытаться выйти за ее пределы, как все превращалось в пустоту.

Все это были отнюдь не праздные размышления. Я с боем пробивался вглубь, чтобы достигнуть какой-то твердой почвы, на которую мог бы опереться в борьбе с паразитами. А у них хватило хитрости показать мне, что я стою над бездной. Я внезапно осознал, что мы принимаем как данное пространство и время, хотя смерть выводит нас за их пределы. Мне стало ясно: то, что мы называем «существованием», означает существование в пространстве и времени, а эта Вселенная пространства и времени вовсе не абсолютна. *Все на свете внезапно обернулось нелепостью*, и впервые что-то внутри меня дрогнуло от жуткого ощущения слабости и неуверенности. Все, что я в этой Вселенной принимал как данное, теперь, очевидно, подлежало сомнению, все могло оказаться иллюзией. Как мыслителя меня завела в ловушку прежняя романтическая привычка — считать, что злоключения тела ничем не грозят духу, что тело — нечто тривиальное и частное, а дух — нечто универсальное и всеобщее. При таком подходе сознание, естественно, выступает в роли вечного, неподвластного страху наблюдателя. Но теперь я с полной ясностью почувствовал, что если произвольна сама Вселенная, то и мое сознание столь же случайно и уязвимо, как мое тело. В такие моменты невольно вспоминаешь пережитые периоды забытья и бреда, когда сознание представляется даже более уязвимым, чем тело, и крадывается мысль, что дух спасает от распада лишь стойкость тела.

Вот такая бездна внезапно разверзлась у меня под ногами. Я даже не испытал страха — это была бы слишком человеческая реакция. На самом деле я словно соприкоснулся с ледяной действительностью, где *все человеческое кажется пустым маскарадом*^ где маскарадом представляется сама жизнь. Эта действительность нанесла удар в самое сердце моего существования, в такое место, которое я считал неприкосновенным. Я чувствовал себя в

положении короля, который всю жизнь отдавал приказы, выполнявшиеся беспрекословно, и вдруг попал в руки варваров, которые собираются распороть ему живот мечом. Эта ужасающая действительность мгновенно свела к нулю все, чем я был, превратила все в иллюзию. В тот момент мне было совершенно неважно, победят паразиты или нет. Вся моя сила, все мужество покинули меня. Я был как корабль, налетевший на скалу и впервые осознавший, что ему может грозить гибель. Паразиты больше не шли в атаку. Они наблюдали за мной, как наблюдали бы за судорогами животного, получившего смертельную дозу яда. Я попытался собраться с силами, чтобы приготовиться противостоять им, но чувствовал себя парализованным, бессильным. Все лишилось смысла. Сила моего духа обернулась против меня. Прежде мое сознание лишь бегло и слабо отражало жизнь, теперь же оно немигающим взором созерцало пустоту.

Они допустили ошибку, что не напали на меня в тот момент. Я был бы побежден, потому что почти совсем лишился сил и не имел времени их восстановить. Вот так они убили Карела Вейсмана — теперь я знал это точно. При виде этой лишенной всякого смысла пустоты невольно рождается мысль, что даже смерть не может быть хуже. Человек чувствует, что жить — значит всего лишь цепляться за свое жалкое тело с его иллюзиями. Он видит свое тело, как видят Землю из космоса, с той разницей, что понимает при этом — возвращаться туда ему незачем.

Да, им надо было бы напасть на меня тогда. Может быть, смерть Карела убедила их, что я умру точно так же, от собственной руки. Но у меня такого искушения не появилось: мое сознание не испытывало невротического давления, которое заставило бы *яленя* мечтать об избавлении. Только нервная женщина падает в обморок, когда на нее кто-то набрасывается; женщина, сильная духом, понимает, что это не спасение.

И тут у меня появилась мысль, которая помогла мне изменить ход событий. Она состояла в том, что если эти существа сознательно вызвали у меня ощущение полной бессмысленности бытия — значит, они должны в каком-то смысле существовать *отдельно* от него, *по ту его сторону*. Как только эта мысль мелькнула у меня в голове, силы начали ко мне возвращаться. Теперь я видел, что паразиты намеренно довели меня до такого состояния — как охотники на черепах переворачивают их брюхом вверх: они понимали, что именно с этой стороны человек уязвимее всего.

Но если так, то, значит, они и сами знают, что это ощущение пустоты есть иллюзия. Мой дух сопротивлялся ей, как мог, но он оказался на ложном пути. Взрослому очень легко запугать ребенка, воспользовавшись его незнанием. Он может, например, довести его до безумия, начинив его мозг страшными историями — вроде рассказов про Дракулу и Франкенштейна, — а потом показать ему Бу-хенвальд и Бельзен, чтобы доказать, что на самом деле мир еще страшнее. В каком-то смысле это так и есть, однако только взрослому под силу разгадать уловку и понять, что ужасы Бельзена и Бухенвальда не обязательно присущи природе вещей, что их можно победить силой человеческой порядочности. А что если эти существа точно так же пользуются моим незнанием? Мне *представлялось*, что я мыслю логично — что нам позволяют продолжать жить лишь подпорки, которые оказались иллюзиями. Но ведь ребенок может разувериться в непогрешимости своих родителей, не перестав их любить. Другими словами, даже когда иллюзии исчезают, все равно остается действительность, достойная любви. Не может ли быть так, что эта жуткая агония — или, точнее, жуткое отсутствие агонии, это ощущение беспредельного холода действительности — не опаснее боли, которую испытывает ребенок при падении?

Я изо всех сил уцепился за эту возможность. Потом мне пришла в голову еще одна мысль, которая тоже меня немного успокоила. Я сообразил, что «созерцая эту чуждую о Вселенную» и сознавая ее произвольность и абсурдность, совершаю самую древнюю из человеческих ошибок — считаю, что слово «Вселенная» означает Вселенную, которая *вне меня*. Но ведь я уже знал, что сознание само по себе — Вселенная!

Первую ошибку они допустили, не напав на меня, когда я был растерян и обессилен. Теперь они допустили следующую, еще большую. Увидев, что я каким-то образом прихожу в себя, они пошли в решительное наступление.

Сначала меня охватила паника. Я знал, что у меня не хватит сил отбить это наступление.

Тот взгляд, брошенный мной в бездну, лишил меня мужества, и теперь оно лишь со временем могло ко мне вернуться.

Но в этот момент меня осенило. Я увидел, что следует из моих рассуждений о ребенке. Ребенка можно запугать, пользуясь его незнанием, только потому, что он недооценивает свои силы. Он не понимает, что *в потенции* он взрослый — может быть, ученый, поэт или вождь.

Я мгновенно понял, что и со мной, возможно, происходит то же самое. И тут я вспомнил рассказ Карела о его первом сражении с паразитами — о том, как против них поднялись его самые глубинные жизненные силы. Может быть, существуют еще более глубокие уровни духа, чем те, где я до сих пор черпал свою энергию? И мне припомнилось ощущение, нередко посещавшее меня за последние несколько месяцев: что нас преследует какое-то везение, то, что я называл «богом археологов», — некая *благодатная* сила, чья цель состоит в том, чтобы оберегать жизнь.

Верующий, несомненно, отождествил бы такую силу с Богом. Для меня это не имело значения. Я просто вдруг понял, что могу обрести неожиданного союзника. И как только у меня мелькнула эта мысль, я словно услышал трубные звуки армии, идущей ко мне на помощь. Меня охватило воодушевление, какого я еще никогда не испытывал. Это чувство облегчения и торжества невозможно выразить никаким обычным способом; плакать, смеяться, кричать от восторга здесь было бы так же нелепо, как пытаться вычерпать море наперстком. Едва появившись, это чувство распространялось вширь, как атомный взрыв. Еще немного, и оно внушило бы мне больший страх, чем сами паразиты. И в то же время я знал, что *эта мощь вызвана к жизни мной самим*, она — не какая-то «третья сила», лежащая вне меня и вне паразитов, а некая исходящая из меня самого могучая, но *пассивная* благодать, нечто такое, что не способно действовать самостоятельно, но к чему можно прибегнуть.

Я преодолел страх и схватился за эту силу. Стиснув зубы, я своей волей направил ее против паразитов. К моему удивлению, она оказалась мне послушна. Я обратил против паразитов всю ее мощь, ослепленный и опьяненный, испытывая ощущения, которые мне даже не снились, и чувствуя, что не в состоянии даже приблизиться к их пониманию. Все слова, мысли, представления, какие я знал, завертелись, как сухие листья, подхваченные могучим ураганом.

Паразиты слишком поздно поняли, что их ждет. Очевидно, в каком-то смысле слова они были столь же неопытны, как и я, и до этой минуты мы сражались, как слепой со слепыми. Невыразимо жгучий вихрь охватил их, словно струя пламени из гигантского огнемета, и они вспыхнули, будто бабочки на огне. Это продолжалось всего каких-нибудь несколько секунд: у меня появилось такое чувство, что если продолжать дальше, то в этом будет что-то нечестное, как будто я стал бы стрелять по детям из автомата. Я отключил этот поток энергии, чувствуя, как он продолжает с ревом бушевать где-то внутри меня и как вокруг моей головы потрескивает что-то вроде электрических искр. Мне даже показалось, что из груди у меня исходит какое-то голубовато-зеленое сияние. Могучие волны энергии все еще катились одна за другой, сопровождаемые раскатами грома, но я знал, что нужда в них уже миновала, и нежился в этом потоке, зажмурив глаза и сознавая, что он способен уничтожить и меня самого. Понемногу он стал убывать, и, несмотря на мой восторг и благодарность, я был этому рад: слишком велика была его мощь.

Я снова оказался в своей комнате, проведя где-то вне ее много часов. Снизу доносился уличный шум. Электрические часы показывали половину десятого. Моя постель вся намочла от пота — она была так мокра, словно туда вылили целую ванну воды. Что-то случилось с моим зрением: предметы немного двоились и были как будто окружены светлой каемкой. Но все виделось мне невероятно ясно и четко — только теперь я понял, как действует мескалин на зрение, о чем в свое время писал Олдос Хаксли.

Я знал, что теперь меня подстерегает новая опасность: мне нельзя размышлять о том, что произошло, иначе я безнадежно запутаюсь и впаду в депрессию. По сути, я находился в еще большей опасности, чем полчаса назад, когда впервые заглянул в бездну. Поэтому я усилием воли заставил себя думать о другом, о повседневных делах. Я не хотел задаваться вопросом, зачем мне сражаться с паразитами сознания, если я обладаю такой мощью, зачем человечество ведет ожесточенную битву за жизнь, если оно способно мгновенно решить любую проблему.

Не хотел я размышлять и о том, не было ли все это какой-то игрой.

Я поспешил в ванную и умылся. При взгляде в зеркало меня поразило, какой у меня свежий и нормальный вид. На моем лице не было заметно никаких следов прошедшей битвы, если не считать того, что я как будто чуть осунулся. А когда я встал на весы, меня поджидал еще один сюрприз: я стал легче на тринадцать килограммов.

Раздался звонок видефона — звонил прези-Д-дент компании «АИУ». Я посмотрел на него как на существо из другого мира. Он же, увидев меня, как мне показалось, испытал большое облегчение. Оказывается, ко мне с восьми часов пытаются дозвониться репортеры. Дело в том, что за эту ночь умерли двадцать моих коллег: Джоберти, Кэртис, Ремизов, Шлаф, Херцог, Хлебников, Эймс, Томсон, Дидринг, Ласкаратос, Спенсфилд, Сигрид Эльгстрем — в общем, все, кроме братьев Грау, Флейшмана, Райха, меня — и Жоржа Рибо. Первые четверо, видимо, скончались от сердечного приступа. Сигрид Эльгстрем перерезала себе сначала вены на руках, а потом горло. Хлебников и Ласкаратос выпрыгнули из окон и разбились. Томсон, очевидно, сломал себе шею во время чего-то похожего на эпилептический припадок. Херцог застрелил всю свою семью, а потом и себя. Остальные приняли яд или чрезмерные дозы лекарств, а двое скончались от кровоизлияния в мозг.

Ребке очень нервничал, опасаясь, что про компанию «АИУ» пойдет дурная слава: все жертвы за последние недели были моими гостями — и гостями «АИУ», — и большинство из них Ребке принимал сам. Я успокоил его, как мог, хотя и сам был глубоко потрясен, и просил не допускать ко мне никаких репортеров. Когда же он сказал, что пытался звонить Райху, но ответа не было, я почувствовал, что у меня внутри все словно превратилось в лед. Тем временем начиналась реакция — меня неудержимо клонило ко сну. Однако я, воспользовавшись нашим кодом, набрал номер Райха. Невозможно описать, какое я испытал облегчение, когда на экране появилось его лицо. Первыми словами Райха были:

— Слава Богу, что с вами все в порядке.

— Со мной-то — да, но как вы? Вид у вас ужасный.

— Они и к вам опять ночью приходили?

— Да, на всю ночь. Ко всем нашим. Через пять минут я был уже у него, задержавшись только, чтобы сообщить Ребке, что у Райха все в порядке. Но когда я его увидел, я понял, что несколько приукрасил положение. Он выглядел, как человек, который только начал поправляться после полугодовой болезни. Лицо у него было серое и постаревшее.

Райх пережил примерно то же самое, что и я, за одним лишь важным исключением: они не пробовали применить к нему метод «тотального подрыва духа». Они просто давили на него всю ночь, волна за волной. К утру им удалось проделать что-то вроде бреши в его душевной броне, вызвать течь в его резервуарах энергии. Из-за этого он и оказался таким обессиленным и истощенным. Но когда он уже начал думать, что поражения не избежать, атаки прекратились.

Я легко догадался, когда это случилось: в тот самый момент, когда я испепелил их пламенем своей энергии. Райх подтвердил, что это было примерно за полчаса до того, как я ему позвонил. Перед этим он слышал много звонков, но был совершенно без сил и не мог ответить.

Известие о судьбе остальных действовало на него угнетающе, но, когда он услышал мою историю, к нему вернулись надежда и мужество. Я постарался объяснить ему, как им удалось подорвать мой дух и как я призвал на помощь божественную силу, которая позволила мне одержать над ними верх. Это было все, чего ему не хватало, — знать, что он ошибался, полагая, что мы перед ними беспомощны. Те, кто владеет феноменологическим методом, очень быстро оправляются после физических или душевных катастроф — и это естественно, ведь они находятся в прямом контакте с первоисточником энергии, приводящей в движение каждого человека. Полчаса спустя Райх уже не выглядел больным и разделял мое воодушевление.

Я потратил большую часть утра на то, чтобы объяснить ему, как именно они подорвали мой дух и как можно этому противостоять. Для этого понадобилось научить Райха самого добровольно « подрывать свой дух » и исследовать основы своей индивидуальности. Я убедился, что его темперамент коренным образом отличается от моего: в одних отношениях

он оказался гораздо сильнее, в других слабее.

В полдень нас оторвал от занятий Ребке, который заглянул с нами повидаться. К этому времени газеты уже раструбили на весь свет о «ночи самоубийства и гадали о том, какую роль в ней сыграли мы с Райхом. Ребке сказал, что ко всей территории компании, занимающей триста гектаров, физически невозможно подступиться: она окружена сплошным кольцом из вертолетов, на которых прилетели журналисты.

Наскоро прощупав сознание Ребке, я увидел, что оно недостаточно сильно, чтобы можно было сказать ему всю правду. У меня было большое искушение полностью завладеть его сознанием — уже ранним утром я понял, что теперь в состоянии это сделать. Однако меня удержало уважение к правам личности. Вместо этого мы рассказали ему историю, которая была близка к истине и которую в то же время он был в состоянии понять. Она сводилась к тому, что Антикадатианское общество оказалось право: ведя раскопки в Кара-тепе, мы разбудили могущественные и опасные силы — самих Великих Древних. Все же остальное более или менее соответствовало действительности: мы сказали, что эти существа обладают душевными силами, способными лишить человека рассудка, что они задались целью истребить человечество или, по меньшей мере, поработить его, чтобы вновь править Солнечной системой, но пока еще недостаточно для этого сильны. Если мы сумеем вовремя нанести им поражение, их можно будет совершенно изгнать из нашей Галактики, а то и уничтожить.

В сущности, мы изложили истину о паразитах в виде детской сказки — такой, чтобы всякий мог ее понять и при этом не слишком испугаться. Мы даже наделили эти существа именем, которое позаимствовали из мифологии Лавкрафта, — мы назвали их тсатхоггуанами.

В заключение мы торжественно задали ему вопрос: следует ли сообщить человечеству о грозящей ему опасности или это вызовет еще более опасную панику? Ребке побелел, как мел, и начал задыхаясь ходить по комнате — он пытался преодолеть приступ астмы, и я помогал ему. В конце концов он сказал, что, по его мнению, мы должны рассказать людям обо всем. Любопытно: у него и в мыслях не было, что можно нам не поверить, — он находился в полной нашей власти.

Однако не прошло и часа, как мы поняли, что «тсатхоггуаны» по-прежнему на шаг впереди нас. Агентство «Юнайтед Пресс» распрос "ранило заявление Жоржа Рибо, в котором он обвинил нас с Райхом в убийстве и мошенничестве. В заявлении, в частности, говорилось:

«Месяц назад ко мне обратился Винсент Джо-берти, ассистент профессора Зигмунда Флейшмана из Берлинского университета. Он сообщил, что небольшая группа ученых создала Лигу спасения мира, и предложил мне в нее вступить. Впоследствии меня познакомили с другими ее членами (далее следовал список) и с основателями Лиги — Вольфгангом Райхом и Гилбертом Остином, которые обнаружили развалины Кадата. Их открытие внушило им мысль стать спасителями мира: они решили, что нужно объединить мир против некоего общего врага. Таким общим врагом должны были стать «Великие Древние» из Кадата... Все мы должны были пообещать им поддерживать этот обман, что бы ни случилось. Райх и Остин считали, что лишь группа хорошо известных ученых способна убедить мир в истинности этой фантастической истории... Меня просили вместе со всеми другими подвергнуться гипнозу, но я отказался. В конце концов, под угрозой смерти я дал согласие на один сеанс. Мои собственные гипнотические способности позволили мне обмануть их и сделать вид, будто я стал их рабом &...

Короче говоря, Рибо утверждал, будто случившееся в ту ночь было результатом односторонних договоров о самоубийстве, заключенных по нашей с Райхом инициативе. Цель состояла в том, чтобы окончательно убедить мир в появлении у человечества опасного врага. Райх и я будто бы обещали, что умрем вместе с остальными, и наши откровения, касающиеся Великих Древних, будут преданы гласности после нашей смерти.

Это была, конечно, фантастика, но придумано было неплохо. История невероятная, — однако столь же невероятно, чтобы двадцать ведущих ученых одновременно покончили с собой, а наше альтернативное объяснение выглядело бы таким же невероятным и фантастическим.

Если бы не моя победа над паразитами, это стало бы самым печальным моментом моей

жизни. Всего двадцать четыре часа назад все, казалось, шло прекрасно. По нашим расчетам, уже через месяц мы были бы готовы объявить обо всем миру, а к тому времени у нас уже собралась бы солидная команда. Теперь почти все было разрушено, а Рибо превратился в союзника ~ или жертву — паразитов и обратил против нас наши собственные прекрасно продуманные планы. В отношении того, чтобы убедить мир, паразиты определенно одержали над нами верх. Мы не имеем никаких доказательств их существования, и такие доказательства у нас не появятся — уж об этом они позаботятся. Если мы теперь опубликуем нашу историю про тсатхоггуа-нов, Рибо просто предложит нам доказать, что это не выдумка. И единственными, кто нам поверит, будут члены Антикадатианского общества! Внезапно Райх сказал:

— Нет никакого смысла сидеть тут и раздумывать. Мы слишком медлим, эти твари нас все время обгоняют. Надо спешить.

— Что вы предлагаете?

— Нужно связаться с Флейшманом и с братьями Грау и выяснить, насколько плохо им пришлось. Если они так же обессилены, как я был четыре часа назад, паразиты сейчас вполне могут их уничтожить.

Мы попытались связаться с Берлином по видеофону, но это оказалось невозможно. До Диярбакыра пыталось дозвониться столько людей, что все каналы связи были безнадежно забиты. Мы позвонили Ребке и сказали, что нам немедленно нужен ракетный самолет, чтобы лететь в Берлин, и что это нужно хранить в абсолютной тайне. Было ясно, что «признания» Рибо встревожили Ребке, так что нам пришлось потратить десять минут на то, чтобы подпитать энергией его сознание. Это была нелегкая работа — дух его был так слаб, что с таким же успехом мы могли пытаться наполнить водой дырявое ведро. В конце концов это нам удалось — но только после того, как мы воззвали к его алчности и тщеславию, указав, что в качестве нашего главного союзника он непременно прославится, а его фирме будет обеспечено процветание.

Вместе с Ребке мы придумали небольшую хитрость, которая должна была сбить с толку журналистов. Мы с Райхом сделали телезапись, в которой Райх отвечал на вызов по видеофону, а я стоял позади него; потом Райх сердито кричал оператору, чтобы с нами больше никого не соединяли. Мы договорились, что через полчаса после нашего отлета какого-нибудь репортера «случайно» соединят с нашим номером и покажут ему эту запись.

Хитрость удалась. Сидя в ракете, приземлявшейся в Берлине, мы видели самих себя по телевидению. Репортер, которому удалось «прорваться к нам», записал «беседу» на пленку, и двадцать минут спустя она была ретранслирована из Диярба-кыра на весь мир. Очевидно, несмотря на заявление для прессы, сделанное Ребке, многих волновал вопрос, живы ли мы еще, и эта новость была немедленно предана самой широкой огласке. Благодаря этому хотя несколько человек и узнали нас, когда мы прибыли в берлинский аэропорт, они, видимо, решили, что это им померещилось.

Однако приехав к дому Флейшмана, мы были вынуждены раскрыть свое инкогнито. Другого выхода не было: дом окружали репортеры, и иначе мы не смогли бы попасть внутрь. Но тут мы обнаружили, что наши телекинетические способности имеют одно полезное свойство. Оказывается, мы в каком-то смысле слова можем делаться «невидимыми» — перехватывать луч внимания, направленный на нас, и отводить его в сторону, так что люди нас просто не замечают. Таким способом нам удалось подобраться к самой парадной двери дома Флейшмана и даже позвонить в звонок, прежде чем на нас обратили внимание. Тут все бросились к нам, но, к счастью, в этот момент мы услышали из динамика голос Флейшмана, дверь открылась, и мы проскользнули в дом. Мгновение спустя мы услышали, как репортеры барабанят в дверь и выкрикивают свои вопросы сквозь щель почтового ящика.

Флейшман выглядел лучше, чем мы ожидали, но и он был явно обессилен. Через несколько минут мы уже знали, что с ним произошло то же, что и с Райхом: долгая ночь, заполненная бесконечной борьбой, и внезапное облегчение утром, ровно в восемь двадцать пять — с учетом двухчасовой разницы во времени между Берлином и Диярба-кыром. У меня заметно поднялось настроение: ведь мне удалось спасти жизнь по меньшей мере двум своим коллегам, и благодаря этому та ночь не стала для нас полной катастрофой.

Флейшман рассказал нам и про братьев Грау, которые сейчас находились дома, в Потсдаме. Он смог связаться с ними рано утром, до того, как начались звонки репортеров. Братья Грау были обязаны своим спасением существованию между ними телепатической связи. Благодаря этому они могли в ту ночь черпать энергию из запасов друг друга — точно так же, как сознание друг друга они использовали для усиления своих телекинетических способностей. Насколько понял Флейшман, паразиты тоже пытались подорвать их дух, как они сделали со мной, но этому воспрепятствовала телепатически сродни телекинезу, но это еще ни о чем не говорило.

Поэтому мы погасили свет и принялись экспериментировать, сидя вокруг стола. Если бы кто-нибудь вошел в комнату, он решил бы, что идет спиритический сеанс: мы сидели склонив головы и касаясь друг друга руками.

Я начал первый. Как только все уселись, я послал всем мысленный сигнал: «Вы готовы?». Ничего не произошло. Через некоторое время я внезапно с радостью почувствовал, как где-то внутри у меня прозвучал голос Райха: «Вы готовы?». Я мысленно ответил: «Да, вы меня слышите?». Его голос отозвался: «Не слишком отчетливо».

Флейшману понадобилось, чтобы войти в игру, около десяти минут. К тому времени мы с Райхом уже могли довольно внятно переговариваться:

очевидно, мы, как и братья Грау, успели привыкнуть друг к другу. Однако через некоторое время мы смогли улавливать и мысли Флейшмана — они были похожи на доносящийся издалека зов.

Теперь мы знали, что можем общаться друг с другом. Но можем ли мы общаться с братьями Грау?

Прошел целый час, долгий и изматывающий, а я все еще чувствовал себя, словно человек, заблудившийся в горах и тщетно взывающий о помощи. Снова и снова я посылал мысленные сигналы Луису и Генриху Грау, но они оставались всего лишь словами, как будто я просто выкрикивал их имена, а нужно было совсем другое — желание вступить с ними в контакт без всяких слов.

Внезапно Райх сказал:

— По-моему, я что-то слышу.

Все мы изо всех сил сосредоточились, пытаясь послать ответ, что сигнал принят. И тут в ушах у нас послышался такой громкий и отчетливый голос, что все мы вздрогнули: «Я вас слышу. Чего- вы хотите?». Обменявшись изумленными и торжествующими взглядами, мы снова закрыли глаза и сосредоточились с удвоенной силой. Громкий, четкий голос произнес: «Не все сразу. По одному. Райх, начните вы — кажется, у вас получается лучше всех».

Похоже, что как только сигнал из Потсдама достиг Берлина, канал стал более доступным и с нашего конца. Мы чувствовали, что Райх одно за другим передает сообщения, как разряды энергии. «Можете ли вы вылететь в Диярбакыр?» Он повторил это раз десять. Слыша его, мы бессознательно пытались помочь ему своими усилиями, но братья Грау запротестовали: «Нет, нет, по одному». Потом, в какой-то момент, мы словно попали в ритм сигналов Райха — сознание каждого из нас превратилось в усилитель, повторявший их и направлявший вдаль. Мгновенно голос кого-то из братьев произнес:

«Так лучше. Теперь я вас ясно слышу». После этого все пошло как по маслу. Мы даже сумели обрисовать им наше положение, как будто разговаривали по телефону.

Все это время мы *находились не в комнате* — мы целиком ушли в себя, как во время молитвы. Я вдруг понял: мои сигналы были такими слабыми из-за того, что я недостаточно глубоко погрузился в собственное сознание, оставался слишком близко к его поверхности. Трудность тут заключалась в том, что стоило мне уйти в себя слишком глубоко, как меня начинало тянуть ко сну. Язык и логическое мышление принадлежат к телесному миру: их так же трудно перенести с собой в глубины сознания, как трудно логически рассуждать во сне. Я говорю об этом потому» что только теперь впервые осознал, как мало мы знаем. В этих глубинных областях сознания обитают большей частью наши воспоминания и сонные видения, которые проплывают там, подобно огромным рыбам. На такой глубине невероятно трудно помнить о своей цели, отличать действительность от иллюзий. Однако, чтобы телепатическая связь была эффективной, «вести передачу» нужно именно с такой глубины.

Впрочем, в данном случае это не имело большого значения: Райх, Флейшман и я служили друг для друга прекрасными усилителями. Только в подобных ситуациях можно понять подлинный смысл фразы «мы — часть друг друга».

Переговорив с братьями Грау, мы почувствовали себя необычно радостными и свежими, словно пробудились после глубокого, мирного сна. Флейшман снова выглядел самым собой. Его жена, которая принесла нам кофе, явно пытаюсь преодолеть свою враждебность к нам с Райхом, в изумлении посмотрела на него, и ее мнение о нас, по-видимому, круто изменилось. Между прочим, было интересно отметить, как нескрываемое чувство, которое испытывал к ней Флейшман, — она была на тридцать лет моложе его, и поженились они всего год назад, — передалось нам с Райхом, и мы смотрели на нее так, словно она принадлежит нам, — с нежностью, в которой смешивались страстное желание и интимное знание ее тела. Оказавшись в нашем телепатическом кругу, она в каком-то смысле стала женой каждому из нас. (Должен отметить, что желание, которое испытывали мы с Райхом, не было обычным мужским стремлением обладать незнакомой женщиной: в лице Флейшмана мы уже, можно сказать, обладали ею.)

К трем часам утра репортерам на вертолетах надоело нас подстергать. Кроме того, их набралось в воздухе намного больше, чем допускали правила безопасности полетов. Но толпа перед парадной дверью не уменьшалась, а вдоль улицы стояло множество автомобилей со спящими газетчиками. Мы поднялись на чердак и приставили лестницу к фонарю, выходящему на крышу. В три двадцать, когда над домом послышался шум вертолета, — мы быстро открыли фонарь. После довольно сложных маневров на чердак была подана сверху веревочная лестница, по которой Флейшман, Райх и я вскарабкались со всей возможной быстротой, чтобы снизу ничего не успели заметить. Братья Грау втащили нас в кабину, втянули лестницу, и вертолет на полной скорости рванул в аэропорт. Операция прошла с полным успехом. Репортеры, поджидавшие на улице, были убеждены, что вызвать вертолет мы можем только по телефону, а у каждого из них в машине было по подслушивающему устройству (что, разумеется, запрещено законом). Поэтому если кто-нибудь из них и заметил вертолет, он решил, что это либо еще кто-то из газетчиков, либо патруль службы безопасности воздушного движения. Во всяком случае, по пути в аэропорт нас никто не преследовал. Пилот еще в дороге связался с ожидавшим нас самолетом, и в три тридцать пять мы уже взяли курс на Париж. Было решено, что теперь нам надо переговорить с Жоржем Рибо.

Когда мы приземлились в аэропорту Ле Бурже, уже начало светать. Мы могли сесть на более удобный воздушный аэропорт, парящий над Елисейскими полями, но там нужно было запрашивать по радио разрешение на посадку, а это могло бы навести на наш след репортеров. Вместо этого мы заказали воздушное такси из Ле Бурже до центра и прибыли в город уже через двадцать минут.

Теперь нас было пятеро, и случайно опознать нас стало практически невозможно. Подключившись к сознанию друг друга, мы воздвигли непроницаемую стену, способную отвести в сторону внимание всякого, кто мог бы на нас взглянуть. Люди смотрели на нас, но нас не видели. Опознать предмет или слово можно только после того, как его воспримешь (вам это должно быть понятно, если вы когда-нибудь пробовали читать, думая о чем-то другом). Большинство предметов, которые видит человек, его сознание просто не регистрирует, потому что они его не интересуют. Нам нужно было сделать так, чтобы внимание любого случайного прохожего не могло за нас «зацепиться»; по такому же принципу действует всякий, кто сует собаке в пасть палку, чтобы та его не укусила. В результате, идя по Парижу, мы были практически невидимы.

Мы могли надеяться только на то, чтобы застать Рибо врасплох. Если паразиты следят за нами, они постараются, чтобы мы никогда не добрались до Жоржа Рибо: для этого им достаточно предупредить его за несколько часов до нашего прибытия. С другой стороны, прошлой ночью они потерпели чувствительное поражение и, возможно, испытывают растерянность. На это мы и надеялись.

Чтобы узнать, где его искать, нам достаточно было заглянуть в брошенную кем-то

газету: Рибо теперь сделался такой знаменитостью, какой раньше никогда не рассчитывал стать. В «*Пари-Суар*» мы прочитали, что он находится в клинике Кюрель на бульваре Осман, куда его поместили по поводу каких-то нервных припадков. Нам было ясно, что это означает.

Теперь предстояло применить силу, хотя мысль об этом все еще вызывала у нас отвращение. Клиника оказалась маленькая, и проникнуть туда незамеченными мы не могли. Сонный сторож неохотно выглянул из своего угла, и пять невидимых волей вцепились в его сознание куда крепче, чем могли бы вцепиться в него пять пар рук. Он уставился на нас, разинув рот и не понимая, что происходит. Флейшман тихо спросил его:

— Вы знаете, в какой палате Рибо? Тот ошеломленно кивнул — нам пришлось немного ослабить хватку, чтобы позволить ему сделать

даже это.

— Проведите нас к нему, — сказал Флейшман. Сторож нажал на кнопку, отпиравшую дверь, и повел нас внутрь. К нам подбежала дежурная сестра:

— Куда это вы идете?

Через мгновение она уже шла впереди нас по коридору, показывая дорогу. Мы спросили ее, почему здесь нет репортеров.

— Мсье Рибо назначил пресс-конференцию на девять, — ответила она. У нее еще хватило присутствия духа добавить: — Вы могли бы и подождать до тех пор.

Мы встретили еще двух санитарок, но они, очевидно, решили, что наше появление здесь в порядке вещей.

Рибо лежал на самом верхнем этаже, в специальной одиночной палате. Дверь, которая туда вела, открывалась только с помощью специального кода. К счастью, сторожу этот код был известен. Флейшман спокойно сказал:

— Теперь, мадам, мы должны попросить вас подождать вот здесь, в проходной комнате, и не пытаться отсюда выйти. Мы не причиним больному никакого вреда.

В этом мы, разумеется, отнюдь не были уверены, но нужно было как-то успокоить сестру.

Райх отдернул шторы, и от этого звука Рибо проснулся. Он был небрит и выглядел очень скверно. Увидев нас, он некоторое время смотрел непонимающим взглядом, а потом сказал:

— А, я так и думал, что вы явитесь. Я заглянул в его сознание и был потрясен тем, что там увидел. Это было похоже на город, где все жители перебиты, и вместо них видны одни солдаты. Самих паразитов я не заметил — в их присутствии не было необходимости. После того как Рибо в панике капитулировал перед ними, они вступили в его мозг, овладели всеми структурами, ответственными за привычные, стереотипные действия, и отключили их. Теперь он стал буквально беспомощен, потому что любое такое действие вынужден был производить сознательно, огромным усилием воли. Ведь именно привычные действия:

дыхание, еда, пищеварение, чтение, общение с людьми — составляют большую часть нашей жизни. В некоторых случаях — например, у актеров — такие стереотипы формируются в результате многолетней тренировки. Чем талантливее актер, тем в большей степени он полагается на эти стереотипы, и лишь для достижения самых вершин своего искусства прибегает к свободным усилиям воли. Лишить человека стереотипов и привычек еще более жестоко, чем убить у него на глазах жену и детей. Это значит лишить его всего — жить без них так же невозможно, как без кожи.

Именно так и поступили с Рибо паразиты, — а потом заменили его прежние привычки новыми. Правда, кое-какие оставили: способность дышать, говорить, манеру поведения (иначе не удалось бы убедить окружающих, что он — тот же человек и находится в здравом уме и твердой памяти). Но другие оказались полностью стерты — в том числе привычка серьезно мыслить. А вместо них у него появились новые инстинкты. Нас он, например, воспринимал как «врагов» и испытывал к нам беспредельную ненависть и отвращение. Ему казалось, что эти чувства порождены его собственной свободной волей; однако стоило ему не захотеть их испытывать, как ему снова отключили бы половину самых необходимых инстинктов. Другими словами, капитулировав перед паразитами, он остался «свободным человеком» — в том смысле, что сохранил жизнь и способность управлять своими действиями. Но его сознание подчинялось условиям, которые *продиктовали они*, — в противном случае оно просто

перестало бы существовать. Он стал таким же послушным их рабом, как человек, у виска которого держат заряженный револьвер.

Поэтому, стоя у его постели, мы не чувствовали себя мстителями. Мы смотрели на него с жалостью и ужасом, как на изуродованный труп.

Мы не стали ничего говорить Рибо. Четверо из нас удерживали его — разумеется, телекинези-чески, — а Флейшман быстро исследовал содержимое его мозга. Невозможно было сказать, возможно ли тут излечение: слишком многое зависело от его собственной силы и мужества. Ясно было лишь одно — для этого ему пришлось бы приложить огромные усилия воли, неизмеримо большие, чем он смог приложить, пытаясь устоять перед паразитами перед там, как сдался.

Долго размышлять было некогда. Наша мощь убедила его, что нас следует бояться не меньше, чем паразитов. Каждый из нас проник в структуры его мозга, управляющие двигательными механизмами, и узнал их параметры. (Это очень трудно объяснить человеку, не обладающими способностями к телепатии, но для общения с чужим сознанием нужно знать некую «комбинацию», длину волны, на которой оно работает. После этого сознанием можно в какой-то степени управлять на расстоянии.) В это время Флейшман спокойно разговаривал с ним, убеждая его, что мы все еще, в сущности, его друзья, что мы понимаем, кто устроил ему «промывание мозгов», и не виним его за это. Если он нам доверится, мы сможем освободить его из-под власти паразитов.

Потом мы ушли. Сестра и сторож проводили нас до самого выхода. Мы поблагодарили сторожа и дали ему на чай. Меньше чем через час мы были уже в воздухе, на полпути в Диярбакыр.

Благодаря телепатическому контакту, который мы сохраняли с Рибо, мы узнали, что произошло дальше. Ни сестра, ни сторож не понимали, что заставило их провести нас к Рибо; они не могли поверить, что действовали не по своей собственной воле. Поэтому никакой тревоги они поднимать не стали. Сестра зашла к Рибо, увидела, что он не спит, но как будто невредим, и решила никому ничего не говорить.

Когда мы приземлились в Диярбакыре, Райх сказал:

— Семь утра. До его пресс-конференции еще два часа. Будем надеяться, что они не...

Он осекся, услышав, как Флейшман, взявший на себя поддержание телепатической связи с Рибо, воскликнул:

— Они все узнали... Они пошли в наступление!

— Что мы можем сделать? — спросил я, сосредоточился и попробовал, пользуясь тем, что знал о мозге Рибо, вновь вступить с ним в контакт. Но тщетно: это было то же самое, что слушать радиоприемник, не подключенный к сети. Я спросил Флейшмана:

— Вы еще его слышите?

Он покачал головой. Каждый из нас попробовал установить контакт сам, но все было напрасно.

Час спустя мы поняли почему. В выпуске телевизионных новостей сообщили, что Рибо покончил с собой, выбросившись из окна палаты. Мы не знали, считать ли это своим поражением. Самоубийство Рибо не позволило ему выступить на пресс-конференции, сказать всю правду и взять обратно свое * признание ». Правда, оно не позволило ему и причинить нам еще какой-нибудь ущерб. С другой стороны, если бы о найдем посещении клиники стало известно, нас бы непременно обвинили в убийстве...

Впрочем, об этом так никто никогда и не узнал. Вероятно, сестра по-прежнему думала, что это были какие-нибудь настырные журналисты. Она видела Рибо после нашего ухода, и он выглядел нормально, поэтому она ничего об этом не сказала. В одиннадцать часов мы с Райхом собрали представителей прессы в зале заседания совета директоров, который предоставили нам для этой цели. Флейшман, Райх и братья Грау стояли по обе стороны двери, мысленно прощупывая всех входящих. Эта предосторожность оправдала себя. Одним из последних в зал вошел огромного роста лысый человек — Килбрайд из газеты *«Вашингтон Иггэминер»*. Райх кивнул одному из охранников компании, который подошел к Килбрайду и спросил, не будет ли он возражать, если его обыщут. Тот принялся шумно возмущаться и кричать, что это безобразие. Внезапно он вырвался из рук охранника и бросился ко мне, сунув

руку во внутренний карман пиджака. Я напряг все силы своего сознания и остановил его на месте. Подбежали еще трое охранников и вывели его. В кармане у него нашли автоматический пистолет «вальтер» с шестью патронами в обойме и одним в стволе. Килбрайд оправдывался тем, что всегда носит пистолет на всякий случай, но все видели, что он пытался меня застрелить. (Позже мы прощупали его мозг и обнаружили, что паразиты завладели им накануне, когда он напился пьян — он был известный алкоголик.)

После этого происшествия атмосфера в зале была полна напряженного ожидания. Репортеров было человек пятьсот — столько, сколько смогло здесь поместиться. Остальные сидели снаружи, у экранов телевизоров, куда транслировалась пресс-конференция. Райх, Флейшман и братья Грау сели рядом со мной за стол президиума — их задача состояла в том, чтобы прощупывать зал и следить, не появятся ли еще желающие совершить на нас покушение. А я зачитал следующее заявление:

«Сегодня мы хотим предупредить население Земли о величайшей опасности, какая ему когда-либо угрожала. Сейчас наша планета находится под наблюдением огромного числа инопланетных разумных существ, чья цель — либо истребить человечество, либо поработить его.

Несколько месяцев назад, когда мы начали археологическое изучение Черного холма в Кара-тепе, профессор Райх и я обнаружили присутствие неких посторонних помех. Мы убедились, что какая-то сила противодействует нашим попыткам раскрыть загадку холма. В то время мы предположили, что эта сила имеет характер психического силового поля, созданного там давным-давно вымершими обитателями этого места с целью защиты своих могил. Как Райх, так и я с самого начала были убеждены, что подобные вещи возможны, — этим объясняются, например, трудности, с которыми встретились первые исследователи гробницы Тутан-хамона. Мы были готовы пойти на то, чтобы навлечь на себя проклятье, если такова его природа, и продолжали раскопки.

Однако за последние недели мы установили, что перед нами нечто гораздо более опасное, чем проклятье. Мы убеждены, что случайно пробудили те силы, которые когда-то владели Землей и намерены владеть ею снова. Эти силы опаснее всего, с чем до сих пор сталкивалось человечество, потому что они невидимы и способны воздействовать непосредственно на человеческое сознание. Они могут лишить рассудка любого человека, на которого нападут, и заставить его покончить с собой. Они могут также превратить отдельных людей в своих послушных рабов и использовать их для достижения собственных целей.

В то же время мы считаем, что у человечества нет оснований впадать в панику. Численность этих существ значительно меньше нашей, и теперь мы знаем об их существовании. Борьба может быть трудной, но я полагаю, что у нас есть все шансы одержать победу.

Сейчас я попытаюсь вкратце изложить все, что мы узнали об этих паразитах сознания»...

Я говорил еще почти полчаса и вкратце описал большую часть событий, о которых читатель уже знает. Я рассказал, как погибли наши коллеги и как Рибо заставили нас предать. Потом я объяснил, каким образом, зная о существовании паразитов, можно их уничтожить. Я специально подчеркнул, что эти силы пока еще не *активны*, они слепы и действуют инстинктивно. Это было необходимо, чтобы предотвратить панику. Большинство людей не в состоянии ничего предпринять против паразитов, и лучше, чтобы они просто поверили в конечную победу над ними. В последние четверть часа своего выступления я постарался вселить в слушателей оптимизм и доказать, что рано или поздно паразиты неизбежно будут уничтожены.

В заключение мы ответили на вопросы; однако большинство репортеров так спешило добраться до ближайшего видеофона, что вопросов оказалось не так уж много. А два часа спустя обо всем происшедшем уже сообщали на первых полосах все до единой газеты, выходящие в мире. Сказать по правде, все это меня раздражало. Мы были готовы к исследованию волнующего нового мира, а тут приходилось иметь дело с репортерами. Однако мы решили, что это наилучший способ обеспечить собственную безопасность. Если бы мы теперь погибли, это заставило бы весь мир насторожиться. Больше того, со стратегической точки зрения паразитам следовало бы сейчас попытаться дискредитировать нас, не

вмешиваясь в ход событий в течение месяца, а то и года — пока все не убедятся, что это была ложная тревога. Выступая со своим заявлением, мы выигрывали время — в этом, по крайней мере, состоял наш замысел. И лишь очень нескоро мы поняли, что вряд ли способны изобрести такую хитрость, которой паразиты не могли бы противодействовать.

Тратить много времени на паразитов у нас не было никакого желания. Представьте себе страстного библиофила, который только что получил по почте бандероль с книгой, о которой мечтал всю жизнь, и не может ее вскрыть, потому что у него сидит какой-то занудливый посетитель, способный часами говорить о пустяках... Может быть, паразиты и представляли для человечества величайшую опасность за всю его историю; но у нас они вызывали только раздражение и досаду.

Люди свыкаются со своей духовной ограниченностью — точно так же, как триста лет назад они свыкались с невероятными лишениями, которые переносили во время путешествий. Что подумал бы Моцарт, если бы после мучительного переезда, длившегося целую неделю, кто-нибудь сказал ему, что в двадцать первом веке такой же переезд будет занимать четверть часа? Так вот, каждый из нас чувствовал себя Моцартом, попавшим в двадцать первый век. На путешествия в мир духа, которые когда-то были для нас долгими и изнурительными, теперь уходили минуты. Наконец мы поняли, что имел в виду Тейяр де Шарден, когда говорил, что человек стоит на грани новой фазы своей эволюции. Мы уже вошли в эту фазу. Сознание лежало перед нами, как неизведанная страна, как Земля Обетованная перед израильянами. Нам оставалось лишь заселить ее... предварительно изгнав, разумеется, ее нынешних обитателей. Поэтому, несмотря на все тревоги и заботы, мы пребывали в самом восторженном и счастливом настроении.

Насколько мы понимали, теперь перед нами стояли две главные задачи. Первая состояла в том, чтобы подыскать новых «учеников», которые помогли бы в нашей борьбе; вторая — в поисках возможностей перейти в наступление самим. Пока что мы еще не могли достигнуть глубинных областей сознания, где таились паразиты. Однако после той ночной битвы с ними я понял, что могу призвать на свою сторону силу, исходящую из очень глубоких источников. Нельзя ли как-нибудь приблизиться к этим источникам, чтобы перенести военные действия в лагерь противника?

Откликом мировой прессы я уделил очень мало внимания. Не было ничего удивительного в том, что почти все они оказались скептическими и враждебными. Венская *«Уорлд Фри Пресс»* прямо писала, что всех нас пятерых следовало бы посадить под арест и держать до тех пор, пока не будут расследованы все случаи самоубийств. Лондонская *«Дейли. Экспресс»*, наоборот, требовала передать нам в подчинение военный департамент Организации Объединенных Наций и уполномочить нас применить против паразитов любые средства, какие мы сочтем нужными.

Одна из публикаций нас сильно обеспокоила. Это была статья Феликса Хазарда в *«Берлине? Тагеб-ланг»*. Он не стал, как мы ожидали, высмеивать всю эту историю и поддерживать «признание» Рибо. Видимо, он был согласен с тем, что новый враг представляет серьезную опасность для человечества. Но если этот враг способен «захватывать» сознание отдельных людей, писал Хазард, то где гарантия, что не *мы* как раз и являемся рабами паразитов? Правда, в своем заявлении мы раскрыли тайну их существования, но это еще ничего не доказывает. Мы *вынуждены*, были сделать это заявление ради самозащиты: после «признания» Рибо нас вполне могли привлечь к суду. Тон статьи был не вполне серьезный: Хазард как будто оставлял для читателя возможность воспринять ее как легкую сатиру. Тем не менее мы встревожились. Не могло быть сомнений в том, что Хазард — вражеский агент.

Нашего внимания требовало и еще одно обстоятельство. До сих пор на раскопки Черного холма репортеров не допускали, однако они вполне могли беспрепятственно беседовать с нашими рабочими и солдатами охраны. Это нужно было по возможности предотвратить. Поэтому мы с Райхом предложили избранной группе репортеров устроить для них экскурсию на раскопки и согласились на участие в ней телеоператоров. Одновременно мы приказали соблюдать до нашего прибытия строжайшие меры предосторожности и ни в коем случае не подпускать к раскопкам репортеров.

В десять часов вечера пятьдесят репортеров ждали нас, разместившись в двух

транспортных вертолетах. Полет до Кара-тепе на этих неуклюжих машинах занял целый час. Когда мы прибыли, вся территория раскопок была залита светом прожекторов. Уже через десять минут были установлены передвижные телекамеры.

Наш план представлялся нам безупречным. Мы провели бы репортеров до самого Абхотова камня, который уже был полностью вскрыт, и с помощью телекинеза создали бы атмосферу подавленности и напряжения. Потом мы выбрали бы самых нервных и восприимчивых участников экскурсии и вызвали бы у них ощущение панического ужаса. Именно поэтому мы в своем заявлении ни словом не упомянули о наших телекинетических способностях: мы поняли, что ими можно воспользоваться, чтобы заманить паразитов в ловушку.

Однако мы недооценили противника. Перед самым приземлением мне показалось, что репортеры в другом вертолете что-то поют. Это было странно. Мы решили, что они чересчур много выпили. Сами мы — братья Грау, Флейшман, Райх и я — летели в другом вертолете. Потом, сразу после приземления, мы почувствовали присутствие паразитов и поняли, что происходит. Они изменили свою обычную тактику: вместо того, чтобы высасывать энергию из своих жертв, они *накачивали* их энергией! Многие из этих людей много пили и, как и большинство репортеров, не отличались остротой ума. В силу их привычек такая «даровая» духовная энергия действовала на них точно так же, как спиртное. Как только репортеры из нашего вертолета присоединились к ним, их тоже охватило праздничное настроение. Я слышал, как один телекомментатор сказал: «Ну, этих ребят как будто не слишком волнуют паразиты. По-моему, они принимают все за шутку».

Я сказал режиссеру программы, что сейчас будет небольшая задержка, и отвел всех наших в сторону. Зайдя в будку у дальнего конца раскопа, где обычно помещался бригадир землекопов, мы заперли за собой дверь и начали думать, что делать. Без особых трудностей установив связь между собой, мы проникли в сознание кое-кого из репортеров. Сначала нам было даже трудно понять, что происходит: ни с чем подобным мы еще не сталкивались. Потом, к счастью, нам попался репортер, у которого была та же длина волны, что и у Рибо. Это позволило нам поближе взглянуть в его мыслительные процессы. Мозг располагает примерно десятком структур, ответственных за ощущение удовольствия. Это прежде всего наиболее изученные центры удовольствия сексуального, эмоционального и социального; есть и структура, вызывающая интеллектуальное ' наслаждение, и еще более высокая, связанная со способностью человека к самоконтролю и преодолению самого себя. Наконец, есть еще пять структур, которые у человека почти не развиты, — они связаны с теми видами духовной энергии, которые мы называем поэтической, религиозной и мистической.

У большинства этих людей паразиты накачивали энергию в социальную и эмоциональную структуры. Остальное объяснялось тем обстоятельством, что их было пятьдесят человек: «эффект толпы» усиливал испытываемое ими удовольствие.

Мы все пятеро сосредоточились на том репортере, которого прощупывали. Нам не составило труда прервать поток энергии и вызвать у него внезапную депрессию. Но как только мы немного отпустили его, все началось сначала.

Мы попробовали оказать на паразитов прямое воздействие. Но это оказалось безнадежным делом:

они находились за пределами досягаемости и намерены были там оставаться. У нас появилось ощущение, что энергия, которую мы направляем против них, теряется впустую, а они только смеются над

нами.

Положение становилось опасным. Оставалось надеяться только на то, что нам удастся сохранить контроль над событиями с помощью своих телекинетических способностей. А это означало, что работать придется в непосредственной близости от репортеров.

Кто-то забарабанил в дверь будки и крикнул:

— Эй, долго нам еще ждать? Мы вышли и сказали, что уже готовы. Я шел впереди, Райх за мной. Репортеры, весело смеясь, следовали за нами под непрерывную скороговорку телекомментатора. Флейшман и братья Грау, шедшие позади всех, сосредоточили свое внимание на этом комментаторе. Мы слышали, как комментатор озабоченно сказал:

— Все тут кажутся очень веселыми, но я не уверен, что это у них не напускное. Сегодня здесь ощущается какая-то странная напряженность...

При этих словах репортеры разразились хохотом. Мы же, объединив свои волевые усилия, начали создавать атмосферу опасности и смутного страха.

Хохот мгновенно прекратился. Я громко сказал:

— Не волнуйтесь. Воздух на такой глубине, может быть, и не так уж свеж, но не ядовит.

Тоннель был больше двух метров в высоту и уходил вниз под углом около двадцати градусов. Пройдя метров сто, мы уселись в несколько вагонеток. Дальше, на протяжении всех шестнадцати километров пути, не слышалось ничего, кроме стука колес. Нам даже не пришлось прилагать усилий, чтобы понизить настроение репортеров. Тоннель имел форму штопора — иначе вход в него располагался бы в нескольких километрах от Черного холма, и нам пришлось бы устроить там еще одну охраняемую площадку, что создало бы массу неудобств. С каждым новым поворотом на репортеров накатывалась новая волна тревоги. К тому же у многих из них появились опасения, что вибрации, создаваемые вагонетками, могут вызвать обвал кровли тоннеля.

Нам понадобилось целых полчаса, чтобы добраться до Абхотова камня. Он представлял собой внушительное зрелище: обширная серо-черная махина громоздилась высоко над нами, как утес.

Теперь мы начали создавать атмосферу подавленности. Было бы гораздо лучше, если бы мы могли дать поработать их собственному воображению и лишь время от времени подпитывать его импульсами страха. Но паразиты вливали в них новые и новые порции энергии, и нам нужно было как-то нейтрализовать ее. Поэтому мы заставили их ощутить тягостный страх и отвращение. Наступила гнетущая тишина. Телекомментатор, явно чувствовавший себя не в своей тарелке, шепотом говорил в микрофон:

— Здесь чувствуется какое-то неприятное удушье. Может быть, это воздух здесь такой...

Тут паразиты перешли в наступление. Не всей массой, как раньше, а по одному или по два. Они, очевидно, стремились измотать нас, заставить потерять контроль. Как только наше внимание отвлеклось на них, атмосфера сразу разрядилась, настроение у всех присутствующих поднялось. Мы немного растерялись, потому что почти ничего не могли поделать. Рассыпавшись на маленькие группы, паразиты стали почти неуязвимыми — мы как будто вели бой с теньями. Лучше всего было бы ими пренебречь, но это было так же затруднительно, как не обращать внимания на бродячую собаку, которая хватается вас за пятки.

И тут всем нам одновременно пришла в голову одна и та же мысль; во всяком случае, мы уже находились в таком тесном контакте, что не могли бы сказать, кто придумал это первый. Мы посмотрели на Абхотов камень, над которым метрах в десяти нависал потолок пещеры. Монолит весил около трех тысяч тонн. В свое время братья Грау подняли в Британском музее тридцатитонный камень. Мы решили, что стоит попробовать, и, послав в сторону репортеров волну страха, объединенными усилиями воли попытались приподнять монолит.

Сначала нам показалось, что это безнадежно, — с таким же успехом можно было попытаться поднять монолит голыми руками. Но потом братья Грау нашли выход. Вместо того чтобы прилагать усилия в унисон, они стали делать это *попеременно* — сначала медленно, потом со все возрастающей частотой. Мы поняли, что они делают, и присоединились к ним. Как только мы ухватили суть, все оказалось до смешного просто. Сила, которую таким способом развили мы пятеро, была огромна — ее хватило бы, чтобы поднять на воздух всю трехкилометровую толщу породы над нами. Монолит внезапно отделился от пола и всплыл под потолок. Электричество мигнуло: камень задел за какой-то кабель. Мгновенно началась паника. Кое-кто из этих идиотов бросился под самый монолит — впрочем, может быть, их туда просто вытолкнули. Мы сдвинули монолит в сторону, и тут же все пещера погрузилась в темноту: камень порвал главный кабель электропитания. Конец кабеля упал на землю, и мы услышали истошный вопль: кто-то на него наступил. Пещеру заполнил тошнотворный запах горелого мяса.

Мы изо всех сил старались сохранить хладнокровие. Кто-то из нас должен был высвободить свое сознание и отогнать репортеров к стене пещеры, чтобы мы могли поскорее опустить монолит на землю. Это было очень трудно, потому что, сложив свои силы, чтобы

поддерживать монолит в воздухе, мы соединили их, можно сказать, не последовательно, а в параллель и держали камень, чередуя усилия попеременно.

И в этот момент паразиты начали всеобщее наступление. Мы были беспомощны перед их натиском. Ситуация могла бы показаться смешной, если бы не была такой опасной и уже не стоила бы жизни одному человеку.

Рейх сказал:

— А мы не можем превратить его в пыль?

Сначала в пылу битвы, мы не сообразили, что он имеет в виду: паразиты окружали нас со всех сторон, как целая армия теней. Потом мы догадались, что он хотел сказать, и поняли, что это наша единственная надежда. Силы, которую мы развили, хватило бы, чтобы поднять в воздух тысячу таких монолитов; но достаточно ли ее будет, чтобы уничтожить хоть один?

Сосредоточив на монолите все наши силы, мы подвергли его сокрушительному давлению, увеличив до предела частоту приложения усилий. Нас охватило такое воодушевление, что мы почти не замечали натиска паразитов. Потом мы почувствовали, что камень трескается и крошится, словно огромный кусок мела, зажатый в мощных тисках. Через несколько мгновений в воздухе висел уже не монолит, а плотное облако тонкой черной пыли. Его можно было заставить вылететь в тоннель, что мы и сделали, вызвав такой порыв сквозняка, что нас самих чуть туда не вынесло, а пещера на секунду заполнилась пылью.

Управившись с монолитом, мы сразу же направили мощный всплеск объединенной волевой энергии на паразитов, досаждавших нам, как блохи. Результат оказался вполне удовлетворительным: они опять не успели отступить, и снова мы почувствовали, как волна энергии проникает в их ряды, словно язык пламени из огнемета в кучу сухих листьев. Потом Райх высвободил свою волю, поднял упавший конец кабеля и приварил его к другому концу. Зажегся свет, и мы увидели картину полного смятения. Как только в мозгу у репортеров был отключен центр социального удовольствия, каждый почувствовал себя абсолютно одиноким, и их охватил ужас. В воздухе висела черная пыль, вызывавшая у всех судорожный кашель. (Прежде чем выбросить ее через тоннель наружу, нам пришлось подождать некоторое время и дать ей осесть на полтоннеля, чтобы над ней мог пройти в пещеру чистый воздух.) Останки погибшего висели на кабеле над нами, издавая запах горелого мяса. Лица у всех были черные, как у шахтеров. Все были охвачены паникой, и никто не верил, что ему суждено вновь увидеть поверхность земли.

Нам удалось погасить панику, вновь соединив свою волю последовательно. Потом мы велели им выстроиться колонной по двое и вернуться к вагонеткам. Райх сосредоточился на троих телеоператорах, чтобы заставить их снова включить свои камеры. Тем временем мы освободили тоннель от пыли, выбросив ее наружу, где она столбом поднялась в небо — к счастью, ночь была темная — и потом понемногу осела на землю.

Когда мы поднялись на поверхность, мы поняли, что одержали над паразитами важную победу, хотя и в большой мере благодаря счастливой случайности. Они, конечно, не сдались и продолжали накачивать репортеров энергией. Это мы сумели быстро и полностью пресечь, но было очевидно, что мы ничего не сможем с этим поделать, когда репортеры разъедутся. Впрочем, благодаря телекамерам весь мир уже видел, что произошло в пещере и что сделалось с монолитом. Теперь уже не имело значения, что напишут об этом репортеры. К тому же следовало иметь в виду еще одно обстоятельство. Искусственное возбуждение их центров социального и эмоционального удовольствия неизбежно должно вызвать реакцию, усталость, что-то вроде похмелья:

вечно держать людей в этом возбужденном состоянии невозможно. А такая реакция будет нам как раз на руку.

Только после полуночи мы пятеро усадились за стол, чтобы поесть. Дирекция компании «АИУ» отвела нам специальную комнату, и мы решили, что отныне будем постоянно, день и ночь, держаться вместе. Каждый из нас и в одиночку обладал немалой силой, но соединенные вместе, наши силы тысячекратно возрастали — в этом мы сегодня наглядно убедились.

Мы не стали обманывать себя и не позволили себе уверовать в собственную неуязвимость. Прямое нападение паразитов нам, вероятно, теперь не грозило. Однако они знали, как использовать против нас других людей» и в этом крылась для нас главная

опасность.

Когда мы на следующее утро получили газеты, трудно было удержаться, чтобы не поздравить друг друга с решающей победой. Почти все люди за Земле сидели в тот вечер у телевизоров, и все они видели, как испарился Абхотов камень. Мы полагали, что некоторые из газет заподозрят обман — ведь то, что мы сделали, и было, в сущности, не чем иным как грандиозным фокусом, — но это никому и в голову не пришло. Многие обрушились на нас с истерическими нападками, но лишь за то, что мы по собственной глупости разбудили эти «ужасающие силы». Все решили, что монолит уничтожили эти «тсатхоггуане» — как прозвали их тот американский специалист по Лавкрафту, — чтобы не дать нам еще глубже проникнуть в их тайну. Больше всего всех пугала мысль, что если они способны уничтожить монолит весом в три тысячи тонн, то так же легко они могут уничтожить и современный город. Всеобщий страх еще усилился к вечеру, когда ученые обнаружили тонкий слой базальтовой пыли, покрывший пустынную растительность на протяжении многих километров от места раскопок, и сделали справедливый вывод, что эта пыль — остатки монолита. Что именно произошло, они понять не могли. Конечно, можно превратить монолит в пыль с помощью атомного бластера, но высвобождающаяся при этом энергия уничтожила бы всех, кто находился под землей. Никто не мог представить себе, как получилось, что в пещере даже не повысилась температура.

Президент Организации Объединенных Наций Гуннар Фанген прислал нам телеграмму, где спрашивал, какие шаги мы считаем нужным предпринять против паразитов. Не следует ли, по нашему мнению, уничтожить Кадат атомными минами? Как мы полагаем, какие виды оружия окажутся против них эффективными? В ответ мы послали ему приглашение приехать к нам, что он и сделал сорок восемь часов спустя.

Тем временем у компании «АИУ» появились свои проблемы. Такая реклама, конечно, была ей очень полезна; однако ее контору осаждали сотни репортеров, и всякая работа там прекратилась. Нам пора было подыскать себе другую штаб-квартиру. Я обратился прямо к президенту США Ллоиду Ч. Мелвиллу и попросил его найти для нас какое-нибудь сверхсекретное место, где нам никто не будет мешать. Он тут же начал действовать и уже через час сообщил, что мы можем перебраться на 91-ю ракетную базу США, расположенную в городке Саратога-Спринге (штат Нью-Йорк). Мы переехали туда на следующий же день — 17 октября.

У нашей новой штаб-квартиры было много преимуществ. В Америке еще оставалось с десяток людей, которых мы собирались со временем посвятить в нашу тайну — их имена успели сообщить нам Ремизов и Спенсфилд, — и пятеро из них жили в штате Нью-Йорк. Мы попросили президента Мелвилла пригласить их встретиться с нами на 91-й базе, как только мы туда прибудем. Это были Оливер Флеминг и Меррил Филипс из Психологической лаборатории Колумбийского университета, Рассел Холкрофт из Сиракузского университета и Эдуард Лиф и Виктор Эбнер из научно-исследовательского института в Олбани.

Вечером накануне нашего отъезда из Диярбагы-ра Флейшман записал на пленку в штаб-квартире компании «АИУ» выступление для телевидения» в котором вновь подчеркнул что для паники нет оснований. По его глубокому убеждению, паразиты недостаточно сильны, чтобы причинить существенный вред человечеству. Наше дело — позаботиться, чтобы они никогда не стали для этого достаточно сильны.

Вся эта открытая для публики сторона нашей работы интересовала нас меньше всего, и мы относились к ней как к досадной помехе. Нам не терпелось взяться за настоящее дело — тщательное изучение наших скрытых сил, а также возможностей паразитов.

Скоростная ракета, предоставленная компанией «АИУ», за час доставила нас на 91-ю базу. В середине дня о нашем прибытии было объявлено по телевидению. Президент лично предстал перед камерами, чтобы объяснить, почему мы были допущены на 91-ю базу — самое секретное место в США (по этому поводу была в ходу шутка, что верблюду легче пройти в игольное ушко, чем попасть на 91-ю базу). Он сказал, что наша безопасность имеет первостепенное значение для всего мира и что любая попытка репортеров вступить с нами в контакт будет рассматриваться как нарушение режима секретности, со всеми вытекающими из этого последствиями. Таким путем была, наконец, решена одна из главных наших проблем:

теперь мы могли свободно передвигаться, не преследуемые постоянно десятком вертолетов.

В сравнении с директорским кварталом компании «АИУ» 91-я база не отличалась большим уютом. Нам был отведен сборный домик, построенный за двадцать четыре часа перед самым нашим прибытием и представлявший собой, в сущности, всего лишь прилично обставленный барак.

Когда мы приехали, нас ждали все пятеро:

Флеминг, Филипс, Холкрофт, Лиф и Эбнер. Каждому из них еще не было и сорока. Холкрофт, ростом в метр восемьдесят с лишним, синеглазый и розовощекий, был совсем не похож на ученого и не слишком мне понравился. Зато остальные показались мне людьми самого первого сорта: они были умны, уравновешенны и не лишены чувства юмора.

Мы устроили чаепитие с командиром базы и его заместителем по контрразведке. Оба, по-видимому, были типичные военные: неглупые, но склонные понимать все несколько буквально. (Контрразведчик потребовал, чтобы ему сказали, какие меры следует принять против проникновения тсатхогуанских шпионов.) Я попытался объяснить им, что именно представляет собой противник, с которым мы имеем дело, — что это не такой противник, который может атаковать с фронта или тыла, и что он находится *внутри нас самих*. Сначала на их лицах было написано полное непонимание, но потом генерал Уинслоу, командир базы» спросил:

— Значит, вы хотите сказать, что это что-то вроде микробов, которые могут жить в крови?

Я подтвердил, что их можно сравнить с микробами, и почувствовал, что у них стало заметно легче на душе, хотя контрразведчику тут же пришла в голову мысль, не надо ли устроить дезинфекцию.

После чая мы отвели пятерых «новобранцев» в наш домик. Я прочел в мозгу у контрразведчика, что под бетонным полом по его приказу установлено множество микрофонов; как только мы вошли в домик, я мысленно прощупал пол, отыскал их все и вывел из строя. Микрофоны были вделаны в толщу бетона на глубину в несколько сантиметров, и теоретически их нельзя было повредить, не продолбив в полу дыры. Я заметил, что всю следующую неделю контрразведчик, встречаясь со мной, как-то странно на меня косился.

Весь вечер мы объясняли нашим «новобранцами» ситуацию. Прежде всего, им дали прочитать фотокопии *«Размышлений на исторические темы»*. Потом я вкратце изложил им собственную историю. Она записывалась на пленку, чтобы они могли еще раз ее прослушать, если возникнут какие-нибудь вопросы. Далее я привожу расшифровку последних пяти минут этой записи, поскольку там ясно изложены проблемы, которые нам предстояло решить:

«Таким образом, мы полагаем, что этим существам вполне в состоянии противостоять человек, прошедший феноменологическую подготовку. Мы знаем также, что их главная сила кроется в их способности нарушать душевное равновесие. (Я раньше уже сознался, что уничтожение Абхотова камня было делом наших рук.) Это означает, что мы должны научиться оказывать им сопротивление на всех уровнях сознания.

Однако это само по себе порождает новую проблему, которую мы должны решить как можно скорее. Мы слишком мало знаем о человеческой душе. Мы не знаем, что происходит, когда человек рождается и умирает. Мы не понимаем, в каких отношениях он находится с пространством и временем.

Великий идеал романтиков девятнадцатого столетия представлялся им в виде «человека, подобного богу». Теперь мы знаем, что этот идеал достижим. Потенциальные возможности человека так обширны, что мы еще даже не можем их оценить. Быть подобным богу означает *управлять* ходом вещей, а не находиться во власти обстоятельств. Но нужно подчеркнуть, что абсолютное управление немислимо, пока остаются без ответа многие важнейшие вопросы. *Нет ничего легче, чем подставить подножку человеку, который идет, устремив взор в небо.* Мы еще не знаем самих основ нашего существа, а паразиты, возможно, уже собираются направить свои атаки против этих основ и таким, путем нас уничтожить. Правда, насколько мы знаем, они так же мало разбираются в подобных вещах, как и мы сами, однако полагаться на это было бы опасно. Мы должны раскрыть тайны смерти, пространства и времени. Это

единственное, что может гарантировать нам победу».

К моему удивлению — и большой радости — Холкрофт оказался одним из самых лучших учеников, какие только у меня были. Его младенчески-наивный вид оказался в каком-то смысле подлинным ключом к его характеру. Он вырос в деревне на попечении двух незамужних тетюшек» которые души в нем не чаяли, и отлично закончил школу. Благоприятно сложившиеся жизненные обстоятельства позволили ему остаться таким же великодушным, жизнерадостным и нимало не склонным к неврозам, каким он был от природы. Как психолог-экспериментатор он не слишком блистал: ему не хватало напористости, необходимой первоклассному ученому. Но для нас было гораздо важнее то, что он умел естественным образом, инстинктивно приспосабливаться к природе вещей: у него был какой-то душевный радар, который позволял ему жить легко и свободно.

В силу этого он в каком-то смысле *уже знал* заранее все, что я ему сообщил. Он мгновенно все понял. Другие доходили до этого умом, и доходили медленно, как удав, переваривающий крысу, а Хол-крофт все постигал инстинктивно.

Это гораздо более важное обстоятельство, чем может показаться на первый взгляд. Дело в том, что и Райх, и Флейшман, и сам я, и братья Грау — все мы были интеллектуалы. Мы не могли отделаться от привычки изучать мир сознания с помощью рассудка, а это означало, что мы тратили зря много времени, как попусту тратит время армия, командующий которой не желает предпринимать никаких действий, не получив приказа в трех экземплярах и не обсудив с главным штабом все подробности операции. Холкрофт же от природы был чем-то вроде «медиума» — но не в том смысле, как это понимают сторонники спиритизма, хотя и близко к этому. Его сферой были не «духи», а инстинкты. В тот первый вечер мы смогли сразу же включить его в наш телепатический круг: его внутренний слух уже был естественно на это настроен. И у нас пятерых родилась новая надежда: что если этот человек сможет проникнуть в глубины сознания дальше, чем мы? Что если он поймет, чего хотят паразиты?

На протяжении следующих нескольких дней мы проводили почти все время в своем бараке, обучая новых учеников всему, что знали сами. Наши телепатические способности сильно облегчали дело. Однако вскоре мы начали понимать, что упустили из виду одну из важнейших проблем феноменологии. Когда внушаешь человеку, что он всю жизнь заблуждался относительно своей собственной природы, его так же легко вывести этим из равновесия, как подарив ему миллион фунтов. Это то же самое, что сексуально озабоченному мужчине предоставить полную власть над целым гаремом красавиц. Человек вдруг обнаруживает, что погрузиться в поэтическое настроение ему так же легко, как открыть водопроводный кран, а довести свои эмоции до такого накала, что он чуть ли не начинает светиться, ему ничего не стоит. Потрясенный, он осознает, что ему дали в руки ключ к *величию*, что все так называемые «великие люди», каких знала история, обладали лишь крохотной долей той мощи, которой он наделен в изобилии. Но если он всегда был о себе довольно скромного мнения и за прожитые тридцать или сорок лет свyksя с мыслью о собственной ограниченности, то эта привычная мысль не желает его покидать. Он превращается в поле битвы между прежней и новой своими индивидуальностями и расходует в этой битве громадное количество энергии.

Как я уже сказал, Холкрофт оказался замечательным учеником. Однако у остальных четверых были гораздо более развитые индивидуальности. К тому же они не видели всей серьезности положения: в конце концов, мы, остальные, устояли перед нападением паразитов, так почему бы не устоять и им?

Я не хочу ни в чем их винить, то, что с ними происходило, было почти неизбежно. Та же проблема возникает в любом университете: студентам-первокурсникам так нравится их новая жизнь, что они вовсе не желают тратить время на серьезные занятия.

Нам пятерым стоило значительных усилий не позволить Флемингу, Филипсу, Лифу и Эбнеру отбросить всякую дисциплину. За ними приходилось постоянно присматривать. Новые идеи действовали на них как могучие возбуждающие средства, им хотелось плескаться в них, как мальчишкам в реке. Вместо того чтобы читать Гуссерля или Мерло-Понти¹¹-, они вдруг принимались припоминать эпизоды из детства или свои давние романы. Эбнер обожал музыку и знал наизусть все оперы Вагнера, и как только мы оставляли его одного, он начинал мурлыкать про себя какой-нибудь мотив из «Кольца Нибелунгов» и тут же впадал в счастливый экстаз. Филипс был отчасти донжуан и постоянно вспоминал свои прошлые победы до тех пор, пока сам воздух не начинал вибрировать от сексуального возбуждения, мешавшего остальным сосредоточиться. Правда, в защиту Филипса я могу сказать, что его сексуальные приключения всегда были поиском чего-то такого, что он никак не мог найти; теперь он это нашел и не мог удержаться, чтобы не сравнивать это с тем, что испытывал раньше.

На третий день после нашего прибытия на 91-ю базу Холкрофт пришел ко мне поговорить. Он сказал:

— У меня такое впечатление, что мы рискуем остаться в дураках.

У меня появилось нехорошее предчувствие, и я спросил, что он имеет в виду.

— Да я и сам толком не знаю. Но когда я пытаюсь настроиться на их длину волны, — он говорил о паразитах, — я чувствую, что там идет какая-то суeta. Они что-то нам готовят.

Наше бессилие было просто унижительным. Мы проникли в величайшую тайну, предупредили о ней весь мир, — и все же оставались, в сущности, в полном неведении. Кто эти существа? Откуда они взялись? Действительно ли они разумны или, может быть, не более разумны, чем черви в сыре?

Мы снова и снова задавали себе эти вопросы и уже получили кое-какие предварительные ответы. Человеческий разум — продукт эволюционной энергии человека; и ученый, и философ жаждут истины, потому что им надоело оставаться просто людьми. Возможно ли, что эти существа разумны в том же смысле слова? Поскольку они были нашими врагами, нам трудно было в это поверить. Но история учит нас, что один лишь разум — еще не гарантия доброты. Во всяком случае, если они разумны, может быть, стоит предложить им заключить перемирие? Кроме того, если они разумны, они могут понять, что побеждены. Но побеждены

ли?

Как только Холкрофт рассказал мне о своих подозрениях, я созвал всех остальных. Дело было после завтрака, утро стояло ясное, солнечное, погода теплая. В нескольких сотнях метров от нас занималась строевой подготовкой группа летчиков в белых тренировочных костюмах, и до нас доносились громкие команды сержанта.

Я изложил свои опасения и сказал, что, по моему мнению, следует попробовать узнать о паразитах побольше. Мы попросили четверых «учеников» попробовать установить с нами телепатическую связь. Операция предстояла опасная, и нам нужно было мобилизовать все наличные силы.

Примерно через полчаса Лиф внезапно заявил, что ясно нас слышит. Остальные старались до изнеможения, но безуспешно, и им было ведено бросить это дело и отдохнуть. Мы не сказали им, что нас беспокоило: что в случае нападения паразитов они окажутся в наибольшей опасности, потому что еще не умеют как следует пользоваться своими духовными силами.

Мы задернули занавески, заперли двери, уселись вокруг стола и изо всех сил сосредоточились. Я так привык к этой процедуре, что теперь все получалось у меня почти автоматически. Самый первый шаг здесь ничем не отличается от того, что делаешь, когда хочешь заснуть: нужно полностью отвлечься от внешнего мира, забыть даже о собственном теле. Уже через несколько секунд я начал погружаться в темную бездну своего сознания.

Следующий шаг требовал некоторого навыка. Нужно было отделиться от своей обычной физической индивидуальности. При этом мой рассудок должен был остаться бодрствующим и продолжать спускаться глубже, в мир сновидений и воспоминаний. Это отчасти напоминает то, что происходит, когда вы видите кошмар и говорите сами себе: «Это только сон, на самом деле я сплю в своей постели, и нужно проснуться». Ваше дневное «я» никуда не делось, оно лишь заблудилось в мире фантазмагорий. Я вскоре обнаружил, что могу миновать уровень сновидений, сохраняя совершенно ясное сознание, — это не так легко, потому что тело играет для сознания роль отражателя.

Мир сновидений — странный, безмолвный мир, там чувствуешь себя буквально так, словно плывешь под водой. Для новичков это может быть опаснее всего: тело обычно служит сознанию якорем. Иите[^] благодарит Бога за то, что «тело и его тупость» спасают его от кошмаров. Тело выступает как тяжелый балласт, не позволяющий нашим мыслям парить где угодно по своему усмотрению. На Луне, где человек весит всего несколько килограммов, ему стоит сделать обыкновенный шаг, чтобы взлететь, как воздушный шар. Мысли, освобожденные от тяжести тела, приобретают такую же демоническую энергию. Если у человека мрачный склад характера, его мысли мгновенно превращаются в страшных дьяволов. И если он не знает, что это его собственные мысли, что они не существуют вне его, он может перепугаться, и тогда все станет еще в десять раз хуже — как у пилота самолета, вошедшего в крутое пике, если он не замечает, что сам машинально отжимает штурвал от себя.

Медленно опускаясь вниз сквозь мир своих сновидений и воспоминаний я старался оставаться пассивным и не обращать на них внимания: стоит нечаянно сосредоточиться на каком-нибудь из воспоминаний, как оно мгновенно разворачивается в целую самостоятельную вселенную. Например, как-то я наткнулся на аромат трубочного табака, который обычно курил мой дед. Он так давно мне не вспоминался, что тут я остановился и позволил себе проявить к нему интерес. В тот же момент я увидел деда в саду его коттеджа в Линкольншире. Больше того, я сам находился в этом саду — он предстал передо мной в таких подробностях, что при иных обстоятельствах я был бы убежден в его реальности. Но я сделал решительное усилие, чтобы вырваться, и в следующее мгновение продолжал опускаться дальше, в теплую тьму.

Тьма эта полна жизни, которая не просто служит отражением жизни тела, — это та жизнь, дыхание которой пронизывает, подобно электричеству, всю Вселенную. Поэтому нижние области сознания мы называем «детской»: там всегда испытываешь интенсивное ощущение теплоты и невинности, это мир детей, не имеющих тела.

Еще ниже «детской» лежит ничто — пустота, подобная пустоте межзвездного пространства. Это особенно пугающая область, где легко потерять ориентировку. Во всех

моих прежних экспериментах я, попадая в эту область, неизменно засыпал и просыпался лишь много часов спустя. В ней нет ничего, от чего могло бы отразиться ощущение собственной индивидуальности и даже собственного существования, так что стоит на мгновение ослабить внимание, как нить сознания тут же теряется. Ниже этой области я еще никогда не спускался. И даже отсюда мне приходилось время от времени всплывать в «детскую», чтобы вновь сосредоточиться.

Все это время между нами поддерживалась телепатическая связь. Это не значит, что все семеро плыли, так сказать, бок о бок. Каждый был сам по себе, связь существовала только между нашими мозгами. Благодаря ей мы могли прийти друг другу на помощь, несмотря на разделявшее нас расстояние. Если бы я заснул, находясь в дедушкином саду, другие разбудили бы меня. Если бы один из нас подвергся нападению, все остальные мгновенно «пробудились» бы, чтобы объединенными усилиями отбить атаку. Но все равно на такой глубине всегда остаешься сам по себе.

Поддерживая связь с Холкрофтом, я чувствовал, что он все еще спускается. Я преисполнился восхищения. Сам я на такой глубине становлюсь совершенно невесом, мое сознание превращается в пузырек воздуха, стремящийся всплыть обратно. Я знаю, что, имея некоторый навык, можно проникнуть и глубже, но чтобы приобрести такой навык, нужно практиковаться, а это невозможно, если тебя хватает лишь на то, чтобы цепляться за свое сознание. Но у Холкрофта такой навык, очевидно, уже появился.

Я чувствовал, что паразитов поблизости от меня нет, и насторожившись ждал. В этих глубинах сознания нет никакого чувства времени — оно идет и в то же время не идет, если вы понимаете, что я хочу сказать. Поскольку здесь не существует тела, кото-ооо могло бы испытывать нетерпение, ход времени здесь какой-то нейтральный. Вскоре я ощутил, что Холкрофт возвращается. Я начал медленно всплывать вверх, миновал мир сновидений и воспоминаний и очнулся примерно через час после начала эксперимента. Холкрофт все еще был без сознания. Только минут десять спустя он открыл глаза. Обычный румянец исчез с его лица, но дыхание оставалось ровным. Он спокойно посмотрел на нас, и мы поняли, что ничего особенного он нам не расскажет.

— Не понимаю, — начал он. — Там почти ничего не происходит. Я готов был поверить, что они все куда-то исчезли.

— Вы ни одного не видели?

— Нет. Раз-другой у меня появлялось ощущение, что они поблизости, но в очень малом числе.

То же самое чувствовали и все мы. Казалось, появилась какая-то надежда. Но особой радости мы все же не испытывали.

В полдень, впервые за три дня, мы включили телевизор, чтобы посмотреть новости. И тут мы поняли, чем были все это время заняты паразиты. Мы узнали, что Обафеме Гвомбе застрелил президента Соединенных Штатов Африки Нкумбулу и произвел *coup d'etat*^, сделавшись властителем всего континента, от Кейптауна до Адена. Потом мы услышали отрывок из речи, которую Гвомбе произнес по радио после переворота, и переглянулись. Нам стало ясно, что сознание Гвомбе находится во власти паразитов. А мы теперь достаточно много о них знали, чтобы понимать — опаснее всего их недооценивать.

Мы сразу же поняли, в чем состоял их замысел. В сущности, это была та же самая политика, которую они так успешно проводили последние два столетия, — отвлечь человечество войной. На протяжении двух столетий человечество стремится перейти на новый, более высокий уровень сознания; на протяжении двух столетий паразиты подсовывают им вместо этого совсем другие заботы.

До поздней ночи мы сидели и разговаривали. Эта новость, очевидно, требовала от нас немедленных действий, — но каких? Всех нас не оставляло какое-то странное недоброе предчувствие. В три часа ночи мы улеглись спать, а в пять Холкрофт разбудил нас и сказал:

— Они что-то замышляют, я чувствую. По-моему, нам лучше выбираться отсюда.

— Куда?

На этот вопрос ответил Райх:

— В Вашингтон. Мне кажется, надо бы переговорить с президентом.

— А что толку?

— Не знаю, — сказал Райх. — Но у меня такое чувство, что мы тут только зря теряем время.

Тянуть с отъездом не было смысла. Хотя до рассвета оставался еще час, мы сели в вертолет, который предоставило нам правительство Соединенных Штатов. Когда рассвело, под нами уже тянулись длинные, прямые проспекты Вашингтона. Вертолет мягко приземлился на улице у самого Белого Дома. Часовой, стоявший у ворот, бросился к нам с атомным пистолетом наготове. Он был совсем юноша, и для нас не составило труда уговорить его вызвать начальника караула. Это было одно из самых приятных преимуществ нашего положения — все обычные бюрократические препоны для нас не существовали.

Мы передали офицеру записку для президента, а сами пошли по улице в поисках места, где можно было бы выпить кофе. Случайные прохожие, наверное, принимали нашу группу в одиннадцать человек за какую-нибудь делегацию. Мы нашли огромный ресторан с зеркальными окнами во всю стену и заняли два столика с видом на улицу. Усевшись, я прощупал мозг Эбнера. Он почувствовал это, улыбнулся мне и сказал:

— Занятно. Мне бы полагалось сейчас думать об опасности, которая грозит человечеству, и моему родному городу в том числе — ведь я родился в Вашингтоне. А я не чувствую ничего, кроме презрения к этим людям, которые ходят по улице. Они все как будто спят. И на самом деле не так уж важно, что с ними будет...

— Не забывайте, что неделю назад вы были одним из них, — напомнил Райх с улыбкой.

Я позвонил в Белый Дом и узнал, что в девять часов мы приглашены на завтрак к президенту. Когда мы проталкивались через толпы людей, спешивших на работу, мы вдруг ощутили, как тротуар чуть вздрогнул. Мы переглянулись.

— Землетрясение? — спросил Эбнер.

— Нет, взрыв, — ответил Райх.

Мы ускорили шаги и без четверти девять были уже у входа в Белый Дом. Я спросил офицера, вышедшего нас встретить, не слышал ли он о каком-нибудь взрыве. Он отрицательно покачал головой:

— О каком взрыве?

Мы узнали это двадцать минут спустя, сразу после того, как сели за стол. Президента вызвали из комнаты, а когда он вернулся, в лице у него не было ни кровинки, а голос дрожал. Он сказал:

— Джентльмены, полчаса назад 91-я база была уничтожена взрывом.

Никто из нас не сказал ни слова, но всем пришла в голову одна и та же мысль: «Сколько времени осталось до тех пор, когда паразиты до нас доберутся?»

Райх, и Холкрофт написали подробные отчеты об этой беседе с президентом, поэтому я ограничусь лишь кратким изложением того, о чем там говорилось. Мы видели, что президент находится на грани нервного срыва, и успокоили его теми методами, которыми теперь так часто пользовались. Мелвилл не отличался особой решительностью и силой духа. Президент мирного времени из него получился прекрасный, он хорошо разбирался во всех тонкостях управления страной, но это был не тот человек, которому по плечу справиться с глобальным кризисом. Оказывается, он был так потрясен случившимся, что даже забыл позвонить в генеральный штаб и отдать приказ о приведении в боевую готовность всех систем обороны страны. Вскоре мы убедили его сделать это и с радостью узнали, что новый высокоскоростной радар на элементарных частицах гарантирует перехват атомной ракеты, летящей со скоростью полутора километров в секунду.

Мелвиллу очень хотелось надеяться, что взрыв на 91-й базе был результатом какой-то случайности — может быть, аварии с марсианской ракетой, которую там строили. (Ее энергетическая установка развивала достаточную мощность, чтобы уничтожить половину штата Нью-Йорк.) Мы сказали ему прямо, что это исключено, что взрыв — дело рук паразитов, а в качестве орудия они почти наверняка использовали Гвомбе. Он сказал, что в таком случае Америка должна начать полномасштабную атомную войну против Африки. Мы заметили, что это необязательно. Взрыв был устроен для того, чтобы уничтожить нас. Это выстрел наугад, и он не достиг цели благодаря случайности — и интуиции Холкрофта. Еще одна возможность воспользоваться тем же способом Гвомбе не представится. Поэтому пока Мелвилл может сделать вид, будто взорвалась марсианская ракета. Однако важнее всего другое. Нам необходимо собрать как можно больше людей интеллектуального склада, способных справиться с проблемой паразитов сознания, и обучить их, создав небольшую армию. Если нам удастся найти достаточно людей, наделенных способностью к телекинезу, нам, возможно, удастся подавить мятеж Гвомбе раньше, чем он распространится. А пока нам надо найти место, где мы могли бы работать без помех.

Почти все это утро мы были заняты тем, что поддерживали в президенте мужество и энергию, необходимые ему для действий в условиях кризиса. Он должен был выступить по телевидению и заявить, что, по его мнению, взрыв произошел вследствие случайности. (В результате взрыва было уничтожено все в радиусе пятидесяти километров — неудивительно, что мы ощутили его в Вашингтоне.) Это заметно успокоило нацию. Потом нужно было тщательно проверить всю систему обороны страны и послать Гвомбе секретное послание с предупреждением, что в случае новых взрывов будут немедленно приняты ответные меры. Мы решили объявить, что остались в живых. Скрыть это от паразитов было бы почти невозможно. С другой стороны, весть о нашей смерти могла бы вызвать всеобщее отчаяние, потому что миллионы людей теперь смотрели на нас как на своих вождей.

Но когда мы сели обедать, атмосфера за столом была мрачная. Победа казалась почти невероятной. У нас оставалась единственная надежда — вовлечь в наш круг «посвященных» еще сотню человек и попытаться уничтожить Гвомбе теми же способами, как мы сделали это с Жоржем Рибо. Но мы почти наверняка будем находиться под постоянным наблюдением паразитов. Ничто не может помешать им овладеть сознанием и других мировых руководителей, кроме Гвомбе. Больше того, они могут подчинить себе даже Мелвилла! О том, чтобы принять Мелвилла в число «посвященных», нечего было и думать. Как и девяносто пять процентов человечества, он для этого не годился: ему будет не под силу справиться с проблемой. Мы все время будем находиться в опасности. Стоит нам даже просто выйти на улицу, как паразиты могут заставить броситься на нас какого-нибудь прохожего, сознанием которого они овладели. Одного человека, вооруженного атомным пистолетом, хватило бы на нас всех-

Наконец Райх сказал:

— Какая жалость, что мы не можем просто перебраться на какую-нибудь другую планету и положить начало новой человеческой расе.

Он не имел в виду ничего серьезного. Мы знали, что в Солнечной системе нет ни одной

планеты, пригодной для жизни; и уж во всяком случае, на Земле нет ни одного космического корабля, на котором человек мог бы долететь даже до Марса.

И все же... Разве это не решило бы проблему нашей безопасности? США *располагают* несколькими ракетами, способными доставить пятьсот человек на Луну. Кроме того, на околоземной орбите находятся три космических станции-спутника. Оставаясь на Земле, мы будем подвергаться постоянной опасности со стороны паразитов. Если мы окажемся одни в космическом пространстве, ничто нам не будет грозить.

Да, очевидно, это решение проблемы. Сразу же после обеда Райх, Флейшман и я отправились к президенту и изложили ему нашу идею. Если паразитам удастся нас уничтожить, Земля все равно погибла. Одержав такую победу, они беспощадно истребят всех, кто попытается снова вслед за нами раскрыть их тайну. Единственный шанс Земли — позволить нам в числе примерно пятидесяти человек отбыть в лунной ракете и провести несколько недель на одном из спутников или же в свободном полете между Землей и Луной. За это время мы, возможно, станем достаточно сильны, чтобы/ бросить вызов паразитам. Если нет, то эти пятьдесят человек должны разделиться на группы, и каждая из них возьмет с собой в космос на обучение еще пятьдесят человек. В конце концов мы создадим армию, способную отвоевать страну.

Один историк впоследствии высказал предположение, что мы «овладели сознанием» президента Мелвилла точно так же, как паразиты овладели сознанием Гвомбе, и заставили его согласиться на все, что бы мы ни предлагали. Такой способ действий был бы, конечно, вполне оправдан в условиях кризиса; однако нам не было нужды к нему прибегать. Мелвилл с радостью принял наши предложения: создавшееся положение приводило его в ужас.

сказал, что Спенсфилд и Ремизов оставили нам список из десятка людей, которых можно юпустить в наш круг. Мы пока использовали лишь половину его. Кроме того, у Холкрофта, Эбнера и остальных тоже были свои кандидатуры. В результате к вечеру мы успели переговорить примерно с тридцатью из них, и все согласились к нам присоединиться. Военно-воздушные силы США помогли нам перебросить их в Вашингтон, и к восьми часам утра следующего дня наша группа выросла до тридцати девяти человек. Общее число должно было достигнуть сорока одного, но самолет, на котором летели двое психологов из Лос-Анджелеса, потерпел аварию над Большим Каньоном и разбился. Мы так и не узнали причин аварии, но нетрудно было догадаться, в чем было дело.

Мы договорились с президентом, что будем стартовать на следующий день к вечеру с ракетодрома в Аннаполисе. А пока мы устроили для двадцати восьми новых учеников ускоренный курс обучения феноменологии. Мы убедились, что благодаря практике это получается у нас все лучше и лучше. Может быть, этому способствовала и общая атмосфера кризиса. (Она безусловно разительного действовала на Меррилла, Филиппса. Лифа и Эбнера.) К концу дня мы добились того, что один из новичков уже немного мог демонстрировать эффект телекинеза на пепле от сигареты.

Тем не менее нас не оставляли скверные предчувствия. Было очень неприятно ощущать опасность одновременно извне и изнутри. Нам ничто не грозило бы, имей мы дело с индивидуальным противником. Но мы с горечью сознавали, что паразиты могут использовать против нас любого из нескольких миллиардов обитателей планеты. Надеяться на то, что мы сможем обнаружить иголку в таком стоге сена, почти не приходилось. Я должен сознаться, что все время, пока мы были в Вашингтоне, пристально следил за президентом: паразитам было очень легко овладеть его мозгом.

Тем временем Гвомбе добился в Африке поразительных успехов. Когда Организация Объединенных Наций прислала ему предупреждение, он воспользовался им для пропаганды — дескать, вот как белые люди пытаются запугать черных. Скорость, с которой распространился его мятеж, явственно свидетельствовала о том, что паразиты провели в Африке операцию по массовому вторжению в сознание. Чернокожие генералы, не спрашивая мнения своих солдат, переходили на сторону Гвомбе. Ему понадобилось всего три дня, чтобы стать фактическим хозяином всех Соединенных Штатов Африки.

Всю ночь перед отлетом с Земли я не спал. Я уже обнаружил, что теперь мне достаточно всего нескольких часов ежедневного сна. Стоило мне переспать, как мои духовные силы

ослабевали, и собственное сознание начинало хуже мне подчиняться. Но на этот раз мне не давала покоя трудная проблема. У меня было такое ощущение, словно я упускаю из виду что-то важное.

Это ощущение не покидало меня с той самой ночи, когда паразиты уничтожили всех наших сторонников, оставив в живых лишь нас пятерых. Мне казалось, что с тех пор мы не продвинулись ни на шаг вперед. Да, мы имели с ними несколько незначительных стычек, но все равно у меня было такое чувство, что наши самые важные победы позади. Это было тем более странно, что паразиты после той ночной битвы как будто оставили нас в покое.

Животные очень напоминают механизмы: они действуют, подчиняясь инстинктам и привычкам. Мы, люди, тоже очень похожи на механизмы, хотя и наделены рассудком, что означает, в сущности, свободу от привычек, способность сделать что-то новое, оригинальное. И вот сейчас мне не давала покоя тревожная мысль: то важное, что, как мне кажется, я упускаю из виду, и есть какая-то из тысяч привычек, которые мы все еще воспринимаем как данное. Я стремился все лучше и лучше контролировать свое сознание, но какая-то глубоко укоренившаяся привычка мне в этом мешала.

Попробую объяснить понятнее. Проблема, меня беспокоившая, была связана с той гигантской вспышкой жизненной энергии, с помощью которой я нанес поражение паразитам. Несмотря на все мои усилия, источник этой энергии по-прежнему от меня ускользал. Внутренние силы, о которых человек и не подозревал, обнаруживают в себе в критической ситуации многие: война, например, способна даже ипохондрика превратить в героя. И это понятно, потому что жизнь большинства людей подчинена подсознательным влияниям, о которых они не догадываются. Но я-то знал! Я мог опуститься в глубины моего сознания, как судовой механик спускается в машинное отделение. И все же я никак не мог добраться до этого источника внутренней мощи. Почему? Ведь в критической ситуации, во время битвы с паразитами, я сумел призвать ту гигантскую энергию. Почему же я не в состоянии нащупать корни своей жизненной силы? Всю ночь я пытался найти ответ на этот вопрос. Я старался как можно глубже проникнуть в свое сознание, но безуспешно. Казалось, мне мешает какое-то невидимое препятствие — может быть, моя собственная слабость и неумение сосредоточиться. Паразиты, по-видимому, к этому отношения не имели — ни одного из них я так и не видел.

К рассвету я чувствовал себя совершенно не отдохнувшим, но все же отправился вместе с Райхом, Холкрофтом и братьями Грау в Аннаполис, на ракетодром, чтобы в последний раз все проверить, — и очень хорошо, что мы это сделали. Под видом невинного любопытства мы опросили весь персонал, готовивший нашу ракету. Все были с нами как будто абсолютно откровенны и дружелюбны. Мы спросили их, как продвигаются дела, и они сказали, что подготовка ракеты прошла гладко, без всяких затруднений. Но вдруг Холкрофт, молча следивший за разговором, спросил:

— Здесь кого-то из вас не хватает? Полковник Масси, который командовал группой подготовки, отрицательно покачал головой:

— Инженеры все на месте. Но Холкрофт настаивал:

— А кроме инженеров?

— Только одного нет — но это неважно. Келлермана, помощника лейтенанта Коста. Он сегодня назначен на прием к психиатру.

Лейтенант Коста отвечал за программирование электронного мозга, который координировал работу механизмов ракеты, обеспечивавших подачу топлива, поддержание нужной температуры, состава воздуха и тому подобное.

Я небрежно заметил:

— Я понимаю, что это неважно, но мы хотели бы с ним поговорить. Просто для порядка.

— Но лейтенант Коста гораздо больше знает об этом электронном мозге, чем Келлерман. Он может ответить на все ваши вопросы.

— И все-таки мы хотели бы с ним поговорить. Полковник позвонил психиатру базы. Тот сказал, что Келлерман вышел от него полчаса назад. После звонка на контрольно-пропускной пункт выяснилось, что двадцать минут назад Келлерман уехал с территории базы на мотоцикле.

— У него есть девушка, она живет в университетском общежитии, — смущенно сказал Коста. — Иногда я разрешаю ему съездить к ней на чашку кофе. Наверное, он к ней поехал.

Райх небрежно сказал:

— Было бы хорошо, если бы вы послали кого-нибудь за ним. А пока не проверите ли вы как следует электронный мозг?

Час спустя проверка была закончена — мозг был в полном порядке. Но вестовой, посланный в университетское общежитие, вернулся без Келлермана. Его там никто не видел. Коста сказал:

— Ну, значит, заехал в город что-нибудь купить. Это, конечно, нарушение правил, но он, наверное, решил, что в такой день никто ничего не заметит.

Полковник Масси попытался перевести разговор на другую тему, но Райх сказал:

— Прощу прощения, полковник, но мы не улетим в этой ракете, пока не поговорим с Келлерманом. Пожалуйста, объявите розыск.

Все решили, что мы сошли с ума и цепляемся к мелочам, но противиться не могли. Во все стороны помчались машины военной полиции, и об исчезновении были оповещены полицейские участки всей округи. Через некоторое время с местного аэровокзала сообщили, что какой-то человек, по описанию похожий на Келлермана, несколько часов назад вылетел в Вашингтон. Погоня устремилась за ним туда, и была оповещена вашингтонская полиция.

В половине четвертого дня — через час после того, как мы должны были стартовать, — Келлермана в конце концов задержали. Он вернулся из Вашингтона тем же самолетом и был опознан на аэровокзале. В свое оправдание он сказал, что летал в Вашингтон, чтобы купить своей девушке обручальное кольцо, и думал, что никто не обратит внимания на его отсутствие. Но как только мы его увидели, стало ясно, что наша предосторожность оказалась вполне оправданной. У него оказался необычный случай расщепления личности: целая обширная область его сознания была совершенно незрелой. Этим и воспользовались паразиты. Им не нужно было даже овладевать его мозгом: хватило небольшого воздействия на второстепенные структуры. Остальное доделало его мальчишеское стремление выделиться и почувствовать себя важной персоной. Это был тот же самый механизм, который иногда заставляет несовершеннолетних преступников без всякой видимой цели устраивать крушения поездов, — желание вступить в мир взрослых, сделав что-то такое, что могут делать взрослые.

После того как Келлерман попал к нам в руки, не составило большого труда заставить его сказать всю правду. Он сделал крохотные изменения в системе температурного контроля ракеты, чтобы после выхода за пределы атмосферы температура повысилась — совсем чуть-чуть, так что мы этого и не заметили бы. Однако электронный мозг отреагировал бы на повышенную температуру, и в результате изменился бы режим работы тормозного двигателя ракеты. В момент приближения к спутнику наша скорость была бы слишком велика, и мы обрушились бы на спутник, уничтожив и его, и себя. При обычной проверке заметить это было, естественно, невозможно: ведь электронный мозг содержит миллиарды элементов, и проверка позволяет убедиться в нормальной работе лишь самых важных блоков.

Мы предоставили Келлермана его судьбе — насколько я знаю, впоследствии он был осужден военным трибуналом и расстрелян, — и в четыре тридцать наконец стартовали. К шести часам мы уже летели со скоростью шести с половиной тысяч километров в час по направлению к Луне. Система искусственной гравитации в ракете была старой конструкции: пол представлял собой магнит, а мы были одеты в специальные костюмы, которые притягивались к нему, чтобы казалось, что вес у нас нормальный. В результате на протяжении первых двух часов нас мучили головокружение и тошнота.

Как только мы почувствовали себя немного лучше, все собрались в столовой, и Райх сообщил предварительную информацию о паразитах и о том, как можно использовать для борьбы с ними метод Гуссерля. Дальнейшие занятия были отложены на следующий день, поскольку в новой обстановке (большинство из нас еще ни разу не побывало в космосе) все чувствовали слишком сильное возбуждение.

Пока мы находились еще между Землей и спутником, мы могли принимать телепередачи. В половине десятого мы включили новости. И первым, кого я увидел, был

Феликс Хазард, выступавший перед огромной толпой со страстной речью.

За восемь часов до этого — в половине восьмого по берлинскому времени — Хазард произнес в Мюнхене свою первую речь во славу арийской расы и призвал к отставке социал-демократического правительства и канцлера, д-ра Шредера. На его призыв откликнулась вся нация. Два часа спустя Движение новых националистов объявило, что его лидер Людвиг Штер добровольно уступил свой пост Феликсу Хазарду. Цитировались слова Штера о том, что Хазард возродит былую славу арийской расы и поведет нацию к победе. Много говорилось о «наглых угрозах со стороны низших расовых групп» и приводились длинные цитаты из Гобино, Хаустона Стюарта Чемберлена и из *«Мифа двадцатого века»* Розенберга.

Нам сразу стало ясно, что произошло. Паразиты сделали свое дело в Африке, закрепили в сознании ее обитателей стереотип мятежа, а теперь занялись Европой. До сих пор мир относился к мятежу Гвомбе довольно спокойно. Паразиты же задались целью усилить его реакцию, возродить арийский расизм. Пословица гласит — чтобы началась ссора, нужны двое: паразиты постарались о том, чтобы эта ссора не осталась односторонней.

Должен признаться, что за все предыдущие месяцы я еще не был в таком отчаянии. Наша задача теперь представлялась невыполнимой. Если так пойдет дальше, мировая война разразится не позднее чем через неделю — еще до того, как мы вернемся на Землю. Похоже, что мы ничего не можем поделать. Неизвестно даже, останется ли к нашему возвращению сама Земля. Следующий шаг паразитов предсказать нетрудно: завладев сознанием людей, занимающих ключевые посты, они разрушат оборонительные системы всех стран мира. А как только системы раннего предупреждения будут выведены из строя, Америка и Европа перестанут быть неуязвимыми.

Проспав всего несколько часов, я встал в четыре, чтобы посмотреть девятичасовые утренние новости из Лондона. (Наши часы были поставлены, естественно, по американскому времени.) Германский канцлер был убит, и Хазард объявил социал-демократическое правительство вне закона. Канцлером он назначил себя как подлинного представителя воли германского народа. Управление страной перешло в руки его партии. Их новой штаб-квартирой стал уже не дворец в Бонне, а здание рейхстага в Берлине. Всем гражданам было дано разрешение убивать на месте членов «правительства изменников». (Позже выяснилось, что в этом не было необходимости: социал-демократы смирились с тем, что их отстранили от власти, и объявили, что поддерживают Хазарда.)

После этого Хазард обнародовал свой новый план установления власти белых. Когда восстание «низших рас» будет подавлено, они в полном составе — то есть примерно миллиард чернокожих — будут высланы на Венеру. Эта идея вызвала огромный и нескрываемый энтузиазм во всех странах мира, включая Великобританию и Америку. (Никто не осмелился возразить, что даже если удастся сделать Венеру пригодной для жизни, на перевозку миллиарда людей за сорок пять миллионов километров понадобится больше денег, чем их есть во всем мире.)

В семь часов вечера нам предстояло миновать точку, лежащую на полпути от Земли до Луны. К этому времени прием телепередач должен был стать невозможным, хотя радиосигналы с Земли мы еще могли бы слышать. Возник вопрос, не развернуть ли нам ракету, чтобы оставаться на расстоянии дневного полета от Земли? Если начнется мировая война, мы принесем больше пользы, находясь на Земле и активно воюя с паразитами. Мы сможем, как минимум, не дать им проникнуть в оборонительные системы Америки. Для этого достаточно будет посадить по одному из наших на каждой военной базе, а кому-нибудь одному оставаться в Пентагоне, чтобы предотвратить измену там.

Эта стратегия с очевидностью представлялась самой разумной. Поэтому все мы были крайне удивлены, когда против нее выступил Холкрофт. Он не смог привести никаких связных доводов, а просто сказал, что так подсказывает ему «чутье». Поскольку его «чутье» однажды уже спасло нам жизнь, мы не могли отмахнуться от его слов. Позже я попросил его попробовать выяснить, где лежит источник этого его «чутья». После нескольких попыток он сказал, что ему ничего не удалось установить, кроме одного: у него такое ощущение, что чем дальше мы от Земли, тем лучше. Должен признаться, я был разочарован. Тем не менее решение было уже принято, и мы продолжали свой путь к Луне.

Находившимся среди нас десяти «ветеранам» более или менее удалось отвлечься от нависшей над нами угрозы и сосредоточиться на проблемах феноменологии. Труднее было переключить на что-то другое внимание остальных. У многих на Земле остались семьи, и они, естественно, о них беспокоились. Не без труда мы настояли, чтобы они хотя бы по десять часов в день занимались тренировкой своего сознания. Это была нелегкая задача, но уже два дня спустя мы начали выигрывать это маленькое сражение. Как только удалось заставить их забыть о земных заботах, нам стала помогать сама напряженная атмосфера, царившая в ракете, — она не давала им расслабляться. С такими трудностями, которые раньше возникали у нас с Меррилом, Филипсом, Лифом и Эбнером, мы больше не сталкивались.

И все же я не чувствовал удовлетворения. После пятидесяти часов полета мы были уже в шестидесяти пяти тысячах километров от Земли, а меня не покидало ощущение, что паразиты к нам ближе, чем когда-либо.

После занятий я поговорил об этом с Райхом, Флейшманом и братьями Грау. Это было одно из нескольких важнейших обстоятельств, касающихся паразитов, в котором мы так до сих пор и не разобрались. Теоретически должно быть безразлично, где мы находимся — в космосе или на Земле: паразиты живут в нашем сознании, и никуда деться от них мы не можем. Правда, они не трогали нас с той самой ночи, когда уничтожили большинство наших сторонников, — поняли, что могут одержать над нами верх косвенным путем: с помощью мировой войны.

Однако в каком-то смысле паразиты все же *обитают* в пространстве — я ведь застал их в своей квартире на Перси-стрит, где они стерегли заметки Карела Вейсмана. Как объяснить этот парадокс? Видимо, они обитают и в пространстве, и вне его. В конце концов, наше сознание тоже существует и в пространстве, и вне его. Точное его местонахождение установить невозможно: оно не занимает никакого места и тем не менее передвигается в пространстве вместе с нашим телом.

И снова у меня появилось ощущение, что есть какая-то нить, которую я упускаю из вида. Мы сидели, снова и снова шаг за шагом обсуждая проблему. Я сказал:

— В каком-то смысле паразиты *обитают* в пространстве, поскольку они находятся на Земле. Они сознательно прибыли на Землю, чтобы кормиться энергией человечества. Мы теперь знаем, что у каждого из нас, по-видимому, свое отдельное сознание, потому что каждый, спускаясь в его глубины, теряет контакт с остальными. Однако мы знаем также, что в определенном, более глубоком смысле у всех людей есть общее сознание — нечто вроде расового сознания. Нас можно сравнить с кранами городского водопровода — каждый действует сам по себе, но воду все берут из одного центрального резервуара...

Меня прервал Райх (я привожу его слова дословно по магнитофонной записи):

— Но вы говорили, что нанесли им поражение, черпая энергию из какого-то мощного глубинного источника. Может быть, это и есть тот самый центральный резервуар?

— Вероятно, да, — ответил я.

— Но в таком случае эти существа живут в самом резервуаре, а значит, эта энергия доступна и им тоже. Как вы это объясните?

Да, вот оно! Мы приближались к разгадке. Очевидно, те глубины сознания, где живут они, и резервуар жизненной энергии, из которого я ее черпал. — две разные вещи. Резервуар, возможно, тоже находится в глубинах сознания, но это отнюдь не одно и то же.

— Ну, хорошо, — сказал Флейшман, — и что это нам дает?

И тут Генрих Грау медленно произнес:

— Мне кажется, я понимаю, что это нам дает. Мы говорим о каком-то огромном изначальном источнике энергии — о том, что Бернард Шоу называл Жизненной Силой. Эта та чистая, непосредственная жизненная сила, которая движет каждым из нас.

Его брат Луис взволнованно прервал его:

— Но зачем паразитам возиться с отдельными людьми, если они могут красть эту энергию прямо из первоисточника? Очевидно...

— Очевидно, они этого делать не могут, — продолжил Генрих. — Они должны каким-то образом оказаться между этим первоисточником и человеческой индивидуальностью.

Мы не понимали, к чему они клонят. Я переспросил:

— И это значит?..

— И это значит, что сам первоисточник им недоступен — возможно, далее активно им враждебен.

Другими словами, если бы мы могли как-нибудь добраться до этого первоисточника, нам, возможно, хватило бы энергии, чтобы уничтожить всех паразитов.

Я заметил, что эта мысль уже приходила мне в голову, хоть я и не продумал до конца всего, что из нее может следовать. Но все дело в том, что я ни разу не мог добраться до этого первоисточника. Сколько я ни пробовал, мне не хватало силы воли.

— Но если паразиты находятся между вами и первоисточником, — сказал Райх, — то они, возможно, как-то этому противодействуют.

Теперь нам становилось ясно, что это вполне реальная возможность. Паразиты всегда использовали против человечества такой метод, намеренно отвлекая сознание человека, как только оно приближалось к познанию своих собственных тайн. С этим мы научились бороться — для того мы и проникли в те глубины сознания, на которых обычно действуют паразиты. Но они отступили еще глубже, куда мы не могли за ними последовать, и, вероятно, продолжают использовать против нас тот же самый метод.

До сих пор я считал, что мне не дает проникнуть глубже определенного уровня моего сознания какая-то «естественная» причина. Нырятьщик может достигнуть лишь определенной глубины, на которой вес вытесненной им воды становится равен весу его тела. Чтобы опуститься глубже, он должен привесить на пояс груз. Но я не знал, существует ли какой-нибудь способ утяжелить собственный рассудок, чтобы проникнуть глубже в самого себя, и полагал, что из-за этого более глубокое погружение невозможно. Но так ли это? Теперь, по зрелом размышлении, я понял, что мне не давала проникнуть глубже *утрата чувства цели*. Мое сознание как будто затемнялось, я едва-едва сохранял ощущение своей индивидуальности. Другими словами, вполне возможно, что мне кто-то мешал.

Я решил попробовать еще раз, и все остальные тоже. Я закрыл глаза и, как обычно, начал опускаться на глубину сквозь уровни воспоминаний. Однако теперь я почувствовал, что мне почему-то трудно их миновать. Там ощущалось какое-то бурное волнение — словно я нырнул в воду сразу после взрыва глубинной бомбы. Мне припомнилось, что мои сновидения прошлой ночью тоже носили отпечаток этого бурного волнения. Почему? Ведь паразитов поблизости как будто не было. Что вызвало это волнение?

Я попробовал спуститься еще ниже, и мне с огромными усилиями удалось достигнуть уровня «детской». Но здесь дело обстояло еще хуже. Эти капризные, невинные всплески энергии приобрели какую-то странную нервную силу. Обычно они отличались глубокой безмятежностью и упорядоченностью, как мерный накат спокойного моря. Теперь это море штормило.

Я знал, что глубже мне все равно не проникнуть, и быстро поднялся к поверхности. Райх уже вернулся — он испытал, разумеется, то же, что и я. Ожидая возвращения остальных, мы принялись обсуждать происшедшее. Может быть, нас затронуло какое-то мощное психическое возмущение, испытываемое всем человечеством? Или...

Охваченный чувством безнадежности, я подошел к иллюминатору и начал рассматривать огромную ярко освещенную поверхность Луны, простиравшуюся под нами. До нее оставалось всего восемь часов полета. Я взглянул на приборы, чтобы проверить, достаточную ли мощность развивают тормозные двигатели, противодействуя лунному притяжению. И тут у меня в голове мелькнула фантастическая мысль. Притяжение... Луна... Я повернулся к Райху и сказал:

— Может быть, это просто дурацкая догадка, но все-таки... А не устроили они на Луне что-то вроде своей базы?

— Базы? — удивленно переспросил он. — Как они могли бы это сделать? Ведь на Луне нет людей. А в пустоте они, насколько мы знаем, не живут.

Я пожал плечами.

— Просто догадка... Чтобы объяснить, откуда такие возмущения в нашем сознании.

В этот момент вошел Холкрофт, и я вкратце рассказал ему, что мы обнаружили. Он сел

на койку, прикрыл глаза и быстро убедился, что у него на уровне подсознания тоже заметны сильные возмущения. И хотя Холкрофт не слышал моей догадки, он повернулся к иллюминатору и показал пальцем на Луну.

— Вот в чем дело. Она почему-то влияет на нас, как влияет на приливы.

— Откуда вы знаете? — спросил я. Он пожал плечами.

— Не могу сказать. Я ощущаю ее притяжение. Это было не исключено. Лунатики... Люди, на сознание которых действует притяжение Луны. Но почему? Как может Луна влиять на сознание? Я спросил Холкрофта:

— Как вы думаете, там есть паразиты? Он покачал головой.

— Не думаю, что они могут там быть. И все же... Все же это как-то связано с ними.

Мы решили, что в беседе должны принять участие и остальные: это как раз такая проблема, в решении которой может пригодиться любая свежая идея. Поэтому я пригласил всех зайти и вкратце объяснил, о чем идет речь.

Единственную полезную мысль высказал физик-ядерщик по фамилии Бергер. Он спросил:

— Вы слышали о работах такого философа — Гурджиева? Он всегда говорил, что люди — пища для Луны. Он сравнивал человечество со стадом баранов, которых откармливают для пропитания Луны.

Я спросил Холкрофта:

— Вы видите в этом какой-нибудь смысл? Он серьезно ответил:

— Думаю, что да. Не может быть сомнений, что человеческое сознание почему-то всегда тянет к Луне. Гравитация тут ни при чем. Кроме того, принято считать, что Луна никогда не была частью ни Земли, ни Солнца — она появилась откуда-то еще. Может быть, это комета, захваченная Землей. По химическому составу она совсем не похожа на Землю. А если предположить, что Луна *действительно* крадет энергию человека, или как-то на нее влияет...

— Вы хотите сказать, что она может быть базой паразитов? — спросил Райх.

— Нет, не думаю. Но я полагаю, что паразиты тем не менее могут как-то ее использовать. Я чувствую, что она излучает какую-то возмущающую энергию — психическую энергию. Она как гигантский передатчик, а Земля — гигантский приемник...

Все начали наперебой припоминать обрывки легенд о Луне, о которых я никогда не слышал. Зашла речь об основанном Хербигером культе, к которому принадлежал Гитлер, с его верой в то, что каждые десять тысяч лет Земля захватывает новую луну. По Хербигеру, нынешняя Луна — седьмая по счету. Остальные шесть в конце концов падали на Землю и вызвали ужасные катаклизмы, истреблявшие большую часть человечества. Потоп, о котором говорится в Библии, связан с падением шестой из лун.

Вспомнили и о других лунных теориях — например, о теориях Великовского, Беллами, Сора, — которые свидетельствовали, что представление о Луне как о враждебной силе разделяли самые разные люди.

Большинство этих теорий звучало слишком нелепо, чтобы их можно было принимать всерьез. Но факт оставался фактом: я чувствовал, что Луна определенно производит какое-то возмущение на нижних уровнях моего подсознания. Райх указал еще и на то, что паразиты, по-видимому, становятся особенно сильны в ночное время. Я всегда полагал, что дело в утомлении сознания к концу дня; однако несколько раз, когда я почему-нибудь, выпавшись днем, всю ночь бодрствовал, у меня появлялось ощущение особой уязвимости.

Я спросил Холкрофта:

— Как вы думаете, а не могут ли паразиты как-то *использовать* эту странную энергию, излучаемую Луной, — например, чтобы вмешиваться в мыслительные процессы человека?

Однако Холкрофт знал об этом не больше, чем все остальные.

Тем не менее ясно было одно: нам нужно выяснить, не можем ли мы выйти из-под этого возмущающего влияния? Если, как предположил Холкрофт, Луна — гигантский передатчик, а Земля — приемник, то у них должен быть какой-то определенный радиус действия, и нам просто следовало удалиться за его пределы. Это означало, что нужно изменить курс: он пролегал гигантской дугой всего в шестнадцать тысяч километров от поверхности Луны.

Я связался по радио с полковником Масси в Ан-наполисе и объяснил, что мы хотим изменить курс и выйти в открытый космос, направляясь в точку, лежащую примерно посередине между Юпитером и Сатурном. Масси сказал, что не видит к этому препятствий: топлива у нас должно было хватить еще недели на две, а это означало, что мы можем рискнуть удалиться еще на миллион километров с лишним, прежде чем повернем обратно. По его словам, знай он об этом раньше, мы могли бы иметь достаточно топлива, чтобы пролететь полпути до Марса. Но я сказал, что хватит и восьмисот тысяч километров от Земли — это вдвое больше расстояния от Земли до Луны.

Следуя указаниям Масси, я ввел нужные данные в электронный мозг и вместе с остальными отправился ужинать. Это был на редкость веселый ужин, учитывая наше положение: мы неслись мимо Луны в такие области космоса, куда не осмеливался проникнуть еще ни один человек, если не считать злополучной экспедиции на космолете «Прокл». Земные тревоги на время покинули нас, как забываются все дела в первый день отпуска.

За все последние недели я ни разу не спал так крепко и сладко, как в ту ночь. Половина попытался соорудить, почему это я чувствую себя таким счастливым. Может быть, видел хороший сон? Но никакого сна я вспомнить не мог. Я встал и подошел к кормовому иллюминатору, Луна выглядела огромным серпом, на котором ясно виднелись горы. Примерно в четырехстах тысячах километров позади нее был виден голубовато-зеленый серп Земли, похожей на гигантское солнце. Само Солнце горело ослепительным белым светом, как будто готовое вот-вот взорваться, а звезды казались во много раз крупнее, чем с Земли. При виде этой картины меня охватил такой восторг, что я с трудом его сдержал.

Закрыв глаза, я погрузился в глубины своего сознания. Там было тише, чем вчера, хотя некоторое возмущение еще чувствовалось. Теперь мне стало очевидно, что это возмущение исходило от Луны. Но сейчас оно заметно ослабло, и у меня появилось восхитительное ощущение внутреннего покоя и свободы, как у выздоравливающего после долгой болезни.

Я пошел будить Райха и Холкрофта. Такими здоровыми и счастливыми они не выглядели уже много недель. И у них, как и у меня, тоже появилось ощущение свободы. Мы почти не разговаривали, но все почувствовали надежду.

В тот день ничего особенного не произошло. Мы просто сидели, глядя, как Луна отступает все дальше назад, и чувствуя, как растет в нас это ощущение свободы. В каком-то смысле это был самый важный день в моей жизни, хотя я почти ничего не могу о нем рассказать.

И вот здесь передо мной встает проблема — как передать свои ощущения. Обычные слова мало чем могут здесь помочь: наш язык не создан для того, чтобы выражать подобные переживания. Я могу только привести аналогию. Представьте себе страну крохотных карликов, у которых есть разные слова, означающие размер: «крупный», «большой», «очень большой», «огромный», «грандиозный» и так далее, и которые, желая описать что-то громадное, говорят «большой, как человек». Что будет, если такого карлика подхватит орел и вознесет его высоко над горой Эверест? Как сможет он найти слова, чтобы описать размер этой горы, настолько огромной, что даже человек кажется крохотным в сравнении с ней?

Вот в чем состоит проблема. Я не буду прятаться за избитой фразой: «Это невозможно передать словами». Все возможно передать словами, если как следует постараться. А если ваш язык для этого пока недостаточен, просто нужно создать новый.

Однако пока что заниматься созданием нового языка я не могу. А без этого для адекватного

описания того, что произошло за следующие десять дней, понадобилась бы толстая книга, состоящая из сплошных аналогий. Придется мне попытаться сделать все, что можно, пользуясь теми жалкими языковыми ресурсами, которыми я располагаю.

Так вот, главное, что происходило в эти дни, состояло в том, что мы уходили за пределы досягаемости паразитов. Это мы поняли в первый же день.

Они все еще присутствовали у меня в сознании. Я убеждался в этом сразу, как только закрывал глаза и погружался в себя. Я чувствовал, что они прячутся на уровнях, расположенных ниже «детской». Добраться до них я по-прежнему не мог, но явственно ощущал, что они впадают в панику. Здесь, в восьмистах тысяч километров от дома, им определенно не нравилось, и по мере того, как расстояние росло, паника среди них усиливалась. Только теперь я понял, насколько слаб их интеллект. Стоило им попытаться мыслить логически, как они поняли бы, что не позже чем через две недели мы вернемся на Землю. Такой срок они продержались бы без всякого труда. Однако они были охвачены слепым ужасом, как дети, оставленные дома одни. Долгое время они жили на Земле, купались в океане человеческой энергии, свободно передвигались из сознания одного человека в сознание другого, всегда имели широкий выбор жертв. Теперь же они чувствовали, что их духовная связь с Землей становится все слабее, и перепугались.

У некоторых из нас это состояние не вызывало такой радости. Страх, испытываемый паразитами, они принимали за свой собственный — это естественно, ведь он поднимался из самых глубин их сознания. Наиболее опытным из нас пришлось постоянно наблюдать за новичками, чтобы они тоже не поддались панике. Теперь мы поняли причины «космического психоза», который до сих препятствовал всем попыткам человека проникнуть далеко в космос.

Но дни шли, и нам становилось все яснее, что мы одержали победу над паразитами, что их полная капитуляция — лишь дело времени. С каждым днем расстояние, отделявшее нас от Земли, увеличивалось примерно на двадцать тысяч километров. Вопрос состоял лишь в том, как далеко нам придется удалиться, прежде чем они будут сломлены.

Теперь я обнаружил, что могу погружаться в глубины своего сознания с поразительной легкостью. Я делал это без всякого усилия, даже не закрывая глаз. Наконец-то я понял, что имел в виду Тейяр де Шарден, когда говорил, что подлинный дом человека — его сознание. Я мог передвигаться по своему сознанию так же просто и свободно, как человек, сидящий за рулем автомобиля, может передвигаться по стране. Я уже мог миновать уровень «детской» и опускаться глубже, в «ничто». Однако теперь я понимал, что это далеко не «ничто». Ему, конечно, были свойственны некоторые признаки пустоты — покой, отсутствие всякого напряжения. Но это было похоже на покой, царящий на дне Тихого океана, где давление столь велико, что никакая жизнь невозможна. Это «ничто» представляло собой чистую жизненную энергию. Впрочем, слова уже становятся настолько неточными, что теряют всякий смысл.

Иногда я проводил по много часов, просто паря в этом океане тьмы. Это трудно себе представить: мы слишком привыкли к постоянному движению, & паразиты слишком запутали наши привычные мыслительные процессы. Но естественное состояние человека — покой, покой и полная тишина. Это известно каждому поэту, ибо только в тишине он начинает понимать величие своих внутренних сил — «сил души», как сказал бы Вордсворт. Если вы бросите камешек в бурное море, ничего не случится. Если вы бросите его в спокойный пруд, вы сможете проследить за каждой порожденной им волной и услышать, как они плещутся о берег. Паразиты, используя возмущающее влияние Луны, вызывали в сознании человека постоянную бурю — вот почему человек никогда не был в состоянии ощутить всю свою гигантскую мощь. Только поэты и так называемые гении догадывались о ее существовании.

Наступил момент, когда мы должны были принять решение. Мы покинули Землю десять дней назад. Топлива у нас было достаточно, чтобы доставить нас на ближайший искусственный спутник. Паразиты сознания явно подошли к пределу своих сил. Следовало ли нам двигаться дальше, рискуя, что не сможем вернуться? Чтобы экономить энергию, мы уже перестали пользоваться электрическими приборами. Корабль был снабжен гигантскими фотонными парусами, которые развернулись сразу, как только мы прошли атмосферу, и до какой-то степени нас увлекало вперед давление солнечного света. Значительную часть

энергии, приводившей в движение механизмы корабля, тоже давало Солнце. Однако при возвращении на Землю от фотонных парусов нам будет, очевидно, мало пользы:

лабиринт на космическом корабле бесконечно труднее, чем на яхте. Правда, пока что мы потратили очень мало энергии, двигаясь по инерции и преодолевая лишь силу притяжения далеких планет и метеоритов, пролетающих мимо по два-три в час.

Мы решили рискнуть. Нам почему-то казалось, что так или иначе мы вернемся на Землю. И мы продолжали лететь все дальше и дальше, стараясь не задумываться о беспокоивших нас проблемах и дожидаясь, когда, наконец, паразиты ослабят свою хватку.

Это случилось на четырнадцатый день, и никто из нас не смог предугадать, как это будет выглядеть. Все утро я чувствовал, как становятся сильнее их страх и ненависть. Мое сознание заволокли тучи, оно еще ни разу не было таким бурным с тех пор, как мы миновали Луну. Я сидел с Райхом у кормового иллюминатора, поглядывая на оставшуюся далеко позади Землю. Внезапно лицо Райха исказилось страхом. Я в тревоге взглянул в иллюминатор — не увидел ли он там что-нибудь такое, что его испугало. Когда я снова посмотрел на него, лицо у него стало серым, и выглядел он как тяжело больной. Он вздрогнул, на мгновение закрыл глаза — и тут же совершенно преобразился. У него начался неудержимый приступ хохота, — но это был здоровый хохот, в нем слышалась одна лишь неумная радость.

В этот момент я ощутил, как где-то в самой глубине души у меня что-то оборвалось, и меня пронизала страшная боль, словно какое-то живое существо пыталось прогрызть во мне выход наружу. Духовная мука перешла в физическое страдание и слилась с ним. Я почувствовал, что еще немного — и мне конец. Но тут я услышал, как Райх кричит мне в ухо:

— Все в порядке! Мы *победили*! Они нас покидают!

Боль стала непереносимой. Что-то невероятно злобное, скользкое и отвратительное рвалось на свободу изнутри меня. У меня в голове мелькнула мысль, что напрасно я считал паразитов отдельными существами: на самом деле они были единым целым, чем-то вроде гигантского желеобразного спрута, чьи щупальцы способны отделяться от тела и передвигаться сами по себе, как самостоятельные живые существа. Я испытывал невероятное омерзение, словно неожиданно почувствовал под одеждой сильнейшую боль и обнаружил, что какой-то огромный хищный слизняк глубоко вгрызся в мое тело. Сейчас это гнусное существо покидало свое логово, исходя маниакальной злобой и иступленной ненавистью, для которых в нашем языке нет подходящего слова.

А потом я испытал беспредельное, невыразимое облегчение и понял, что «оно» меня покинуло. На меня это произвело совсем не такое действие, как на Райха. Счастье и благодарность охватили меня с такой силой, что у меня, казалось, вот-вот разорвется сердце. Глаза мои наполнились слезами, и солнечный свет расплылся в ослепительное сияние, какое видишь в детстве, когда нырнешь и поглядишь из-под воды на Солнце. Немного успокоившись, я почувствовал себя как выздоравливающий, который только что видел, как врач извлек из его внутренностей отвратительную раковую опухоль.

Остальные обедали в соседнем помещении. Мы бросились туда, чтобы рассказать им, что произошло. Все в большом волнении принялись нас расспрашивать — никто из них еще не ощущал даже первых болезненных схваток. Я думаю, мы испытали это первыми из-за того, что смотрели назад, в сторону Земли. Поэтому мы посоветовали остальным перейти в другое помещение и предупредили, чего им следует ожидать. Потом мы с Райхом отправились в носовую часть корабля, где царил полная темнота, и совершили свое первое путешествие в освобожденный мир своего сознания.

И вот наступил такой момент, когда я чувствую: все, что бы я ни написал дальше, будет лишь. Поэтому попробую объяснить хотя бы кое-что, но не стану и пытаться заставить наш повседневный язык выполнить задачу, для которой он никогда не предназначался.

Самое важное ощущение, которое может испытать человек, — это чувство свободы. В обычной жизни мы испытываем его лишь краткие мгновенья, когда какие-то особые обстоятельства пробуждают всю нашу энергию, после чего оно внезапно исчезает. Но в эти мгновенья наше сознание превращается в орла, свободно парящего в вышине и ничем не привязанного к настоящему.

Величайшая проблема человечества в том и состоит, что все мы привязаны к своему настоящему. Ведь мы не что иное как механизмы, лишь в нечтожной степени наделенные свободой воли. Наше тело — всего лишь сложная машина, мало чем отличающаяся от автомобиля. Или, может быть, правильнее будет сравнить его с теми «самодельствующими» протезами, которые носят люди, потерявшие ногу или руку. Эти протезы, с их почти неисчерпаемыми источниками энергии, столь же послушны, как настоящие руки и ноги, и я слышал, что если носить их много лет, можно совсем забыть, что у тебя не настоящая конечность. Но если в них иссякнет источник энергии, человек сразу осознает, что это всего лишь механизм и что энергия его собственной воли лишь в очень малой степени им управляет.

Это относится к нам всем. Энергия нашей воли значительно меньше, чем мы думаем. Это означает, что мы почти не обладаем подлинной свободой. Большую часть времени это не столь важно, потому что «механизм» — наше тело и мозг — все равно делает все, что нужно: ест, пьет, выделяет извержения, спит, занимается любовью и так далее.

Однако у поэтов и мистиков бывают моменты свободы, когда они вдруг осознают, что хотят заставить свой «механизм» сделать что-то куда более интересное. Они хотят, чтобы сознание по их желанию могло отделяться от реальности и парить над ней. Обычно наше внимание приковано к тривиальным мелочам, к окружающим нас реальным предметам, оно как автомобильный двигатель с включенной передачей. Но иногда у этого автомобиля может как будто выключаться сцепление — сознание перестает быть жестко привязанным к тривиальным мелочам и оказывается свободным. Оно уже не приковано к скучной реальности настоящего, а может выбирать, какую реальность ему созерцать. Когда передача включена, вы тоже можете припоминать события вчерашнего дня или воображать себе какое-то место по другую сторону земного шара, однако картина, которую вы видите, будет тусклой, как горящая свечка на ярком солнечном свете, как жалкий призрак реальности. Только в «поэтические» моменты, в моменты свободы *вчерашний день может становиться столь же реальным, как и сегодняшний.*

Если бы мы могли научиться включать и выключать эту духовную передачу, человек постиг бы тайну божественности. Но нет ничего труднее, чем постигнуть это умение. Нами управляют привычки и стереотипы. Наши тела похожи на роботов, которые готовы делать только то, что они делали на протяжении последнего миллиона лет, — есть, спать, выделять извержения, заниматься любовью и иметь дело исключительно с настоящим.

Когда я впервые обнаружил существование паразитов, я смог расстаться с этой привычкой, которую они так старательно прививали и поддерживали. Я вдруг понял: из природы вещей вовсе не вытекает, что человек должен довольствоваться лишь краткими проблесками свободы, этими «намёками на бессмертие», и сразу же с ними расставаться. Нет никаких причин, почему он не мог бы наслаждаться такой свободой, если пожелает, хоть по десять часов в день. (Делать это дольше было бы вредно: в конце концов, уделять хотя бы *некоторое* внимание тривиальным нуждам повседневности все-таки приходится.)

С начала августа — когда я впервые прочитал «Размышления на исторические темы» Карела Вейсмана, — я уже видел возможности, которые открывает передо мной свобода, а это уже само по себе означало, что мне удалось порвать цепи, сковывающие большинство людей. Человечество остается в цепях, в которые его заковали паразиты, лишь в силу своих привычек и невежества. Пользуясь этим, паразиты угнездились в глубинах человеческой души и «пьют» энергию, которую человек черпает из первоисточника своей жизненной силы.

Я хотел бы, чтобы вам была совершенно ясна одна вещь. Если бы человек не был «эволюционирующим животным», паразиты нашли бы себе в нем вечного носителя. Он не

имел бы ни малейших шансов обнаружить их существование. Они могли бы до бесконечности воровать энергию из его магистрального кабеля, и он никогда ничего не узнал бы. Однако небольшая часть людей — точнее говоря, примерно двадцатая часть, — это эволюционирующие животные, наделенные глубоким и могучим стремлением к подлинной свободе. Этим людям приходится «отводить глаза», — вот почему паразиты вынуждены подниматься к поверхности их сознания, чтобы манипулировать ими, как марионетками. Вот почему они себя и выдали.

Я уже говорил, что человек черпает свою силу из тайного первоисточника жизни, лежащего в глубине его души. Это истинный центр тяжести человека, его подлинная сущность. Уничтожить его невозможно. Поэтому паразиты так и не смогли в него проникнуть. Все, что в их силах, — это воровать энергию, передаваемую от этого глубинного первоисточника человеческому сознанию.

А теперь я, быть может, сумею отчасти объяснить, что обнаружил, когда еще раз попытался углубиться в себя, — хотя пройду постоянно иметь в виду сделанные выше оговорки относительно возможностей нашего языка.

Прежде всего, я заметил, что в моем сознании царит необыкновенный покой. Здесь больше не заметно было и следов прежних возмущений, — потому что мое сознание наконец-то принадлежало только мне, в нем не осталось никаких посторонних. Наконец-то оно стало моим собственным царством.

Это наложило глубочайший отпечаток и на мои сновидения и воспоминания. Каждый, кто пробовал заснуть, когда его мозг переутомлен или когда у него начинается жар, знает это ужасное ощущение — мысли, словно рыбы, проносятся с огромной скоростью во всех направлениях, и все они кажутся *чужими*. Мозг, который должен быть «уютным частным домом», превращается в базарную площадь, заполненную незнакомыми людьми. До этого момента я не создавал, насколько наш мозг постоянно похож на такую заполненную паразитами базарную площадь. Теперь же он был совершенно тих и спокоен. Воспоминания выстроились стройными рядами, как солдаты на торжественном параде. Стоило мне приказать, и каждое из них готово было выступить вперед. Я понял, насколько верно утверждение, что наша память бережно хранит все с нами случившееся. Воспоминания самого раннего детства теперь были так же мне доступны, как события вчерашнего дня. Больше того, давние воспоминания теперь слились с недавними в единую непрерывную последовательность. Мое сознание стало похоже на абсолютно спокойное море, где небо отражается, как в зеркале, а вода столь прозрачна, что дно видно так же хорошо, как и поверхность. Я понял, что имел в виду Якоб Беме, когда говорил о «празднике отдохновения души». Впервые в жизни я находился в полном контакте с подлинной *реальностью*, где не бывает ни лихорадочного бреда, ни кошмаров, ни галлюцинаций. Больше всего меня поразила мысль о том, как потрясающе сильны должны быть люди, если они сумели выжить, несмотря на жуткую завесу безумия, отделяющую их от реальности. Наверное, из всех живых существ, какие только есть во Вселенной, человек — одно из самых стойких.

Теперь я опускался в глубины своего сознания, как человек, обходящий свой замок» зал за залом. Впервые я понимал, что *я такое*. Я понимал, что это и есть я. Не «мое сознание», потому что слово «мое» относится лишь к малой частичке моего существа. Все это был я.

Я миновал уровень «детской», эти радужные всплески энергии, чье предназначение — поддерживать моральное равновесие челоока, служить чем-то вроде полиции нравов. Когда человек испытывает искушение думать, что мир — зло и бороться с ним нужно средствами зла, эта энергия подтягивается к поверхности сознания, как белые кровяные тельца подтягиваются к тому месту, где таится инфекция. Только теперь я впервые это понял.

Ниже лежало огромное неподвижное море жизни. Оно больше не было морем тьмы и пустоты:

спускаясь в его глубины, я ощущал, как оно светится и греет. На этот раз ничто не препятствовало мне, никакая слепая и враждебная сила не выталкивала меня обратно вверх.

А потом я начал понимать нечто такое, что почти невозможно выразить словами. Опускаться дальше уже не было смысла. Эти глубины были средоточием самой жизни и в то же время, в каком-то смысле, смерти — смерти и тела, и сознания. То, что мы на Земле зовем

«жизнью», есть соединение чистой жизненной энергии с телом, это сочетание живого с неодушевленным. Я говорю «с неодушевленным», потому что сказать «с неживым» было бы неверно: вся материя жива постольку, поскольку она существует. Ключевое слово здесь — «существовать». Ни один человек не может понять слова «существовать», потому что он сам есть часть его. Но существовать — не пассивное качество; это значит — *рваться* из несуществования. Само существование есть вопль утверждения. Существовать — значит отрицать несуществование.

Вы видите, что все это упирается в проблему языка. Мне приходится обходиться одним-двумя словами, когда нужно не меньше пятидесяти. Это не совсем то же самое, что описывать цвета слепому, потому что нет людей, абсолютно «слепых»: мы все иногда видим проблески свободы. Но свобода столь же многоцветна, как и солнечный спектр[^].

Все это означало, что, пытаясь опуститься вглубь до самого «первоисточника» жизни, я оставлял позади все существующее, потому что такого первоисточника не существует — он не отличается от несуществования.

И все это была свобода — прекрасное, невыразимое опьянение свободой. Мое сознание полностью принадлежало мне одному; я был первым человеком, который стал сверхчеловеком.

Однако пора было покинуть эти заманчивые дали ради того, чтобы заняться проблемами, заставившими нас улететь в космос, — проблемами Земли и паразитов сознания. Я нехотя поднялся на поверхность. Стоявший рядом Райх показался мне каким-то незнакомцем, и я видел, что он тоже смотрит на меня как на незнакомца. Мы улыбнулись друг другу, словно два актера, только что кончившие репетировать сцену, в которой играли врагов. Я спросил:

— Ну и что дальше?

— Глубоко ли вы погружались? — спросил он.

— Не очень. Глубже и не надо.

— Много ли там энергии, которую мы можем использовать?

— Пока не знаю. Я хотел бы посоветоваться с остальными.

Мы вернулись в столовую. Пятнадцать человек из числа наших спутников уже освободились от своих паразитов и были заняты тем, что помогали другим. Кое-кто из новичков испытывал такие мучения, что они могли повредить сами себе, как мать, которая катается по полу во время родов. Нам стоило большого труда их успокоить; сила здесь помочь не могла — она лишь усугубила бы переживаемый ими ужас. Один человек непрерывно кричал: «Поверните корабль, поверните корабль, это меня убивает!» Существо, сидевшее внутри него, очевидно, хотело заставить его принудить нас вернуться на Землю. Его освобождение пришло двадцать минут спустя, и он был так измучен, что тут же заснул.

К восьми часам вечера все было кончено. Большинство новичков пребывали в таком ошеломлении, что едва могли говорить. У них была крайняя форма «синдрома двойной экспозиции». Каждый из них знал, что уже перестал быть тем, за кого принимал себя всю жизнь, — но еще не осознал, что это таящееся в глубине его души чуждое существо и *есть* он сам. Пытаться что-нибудь им объяснить не было смысла, потому что объяснения затронули бы лишь сознательную часть их индивидуальности; им предстояло понять все самостоятельно.

Во всяком случае, около десяти человек были в состоянии мыслить совершенно ясно. Мы сразу поняли, что теперь никаких проблем с топливом для ракеты не будет. Объединив свои телекинетические способности, мы могли доставить корабль до самого Плутона со скоростью в тысячу раз большей, чем сейчас. Но нам нужно было не это. Предстояло вернуться на Землю и решить, как нам сражаться с паразитами. Мы могли с легкостью уничтожить и Гвомбе, и Хазарда, но это была бы всего лишь временная мера: паразитам ничего не стоило создать новых гвомбе и хазардов. Уничтожить же всех их последователей мы не могли, так же как не могли «перепрограммировать» их сознание. Приходилось играть по правилам, установленным паразитами. Это напоминало шахматы, где в качестве пешек выступали люди.

Мы обсуждали эти проблемы до поздней ночи, но не выработали никакого определенного плана. У меня появилось ощущение, что мы вообще на неверном пути. Мы

размышляли о том, как перехитрить паразитов. Но ведь должен быть какой-то совершенно иной способ...

В три часа утра Райх разбудил меня. Надо было бы сказать — его сознание разбудило меня, потому что сам он находился в соседнем помещении. Лежа в темноте, мы начали телепатическую беседу. Как выяснилось, он еще не спал, а медленно и методично размышлял обо всем, о чем мы говорили вечером.

— Я попытался сопоставить все, что мы знаем об этих существах, — сказал он. — Потому что есть одна вещь, которая ставит меня в тупик. Почему им так не нравится удаляться от Земли? Если они живут в сознании, им должно быть все равно» где они находятся.

— Может быть, это потому, — предположил я, — что они обитают на том уровне сознания, который един для всего человечества, — на уровне того расового бессознательного, о котором говорил Юнг?

— Это тоже не ответ. Для мысли расстояний не существует. С помощью телепатии я могу общаться с кем-нибудь на Земле так же легко, как и с вами. Так что мы все еще часть общего сознания человечества. Но тогда они должны бы чувствовать себя здесь так же уютно, как и на Земле.

— И что вы по этому поводу думаете? — спросил я.

— Я по-прежнему думаю, что это как-то связано с Луной.

— Вы полагаете, что они используют ее в качестве базы?

— Нет. Здесь дело намного сложнее. Послушайте и скажите, есть ли в том, что я буду говорить, какой-нибудь смысл. Начнем с Кадата. Мы знаем, что все эти рассказы о «Великих Древних» были чепухой. Поэтому мы считаем, что между Кадатом и паразитами сознания нет никакой связи — что они просто воспользовались им, чтобы навести людей на ложный след, чтобы те искали врагов *вне* самих себя. Это, может быть, и верно. Но даже если и так, разве Кадат не дает нам кое-какие нити? Прежде всего, он с полной несомненностью доказывает, что все общепринятые датировки в истории человечества были ошибочными. Если верить геологическим данным, человеку всего около миллиона лет. Но эти данные означают только одно — что мы не нашли останков человека, которые были бы старше.

— Но самые ранние находки свидетельствуют о том, что миллион лет назад он еще недалеко ушел от обезьяны, — напомнил я.

— Кто? Пекинский человек? Австралопитек? Откуда мы знаем, что это были *единственные* разновидности людей? Не забудьте, что римляне обладали высокой цивилизацией, когда британцы были еще дикарями, а хетты уже были цивилизованными, когда дикарями были и римляне, и греки. Все это относительно. Цивилизации развиваются отдельными островками. Если говорить об эволюции, то мы знаем о ней одно: она действует в пользу более разумных. Так почему мы должны считать, что человек появился всего миллион лет назад? Мы знаем, что за миллионы лет до этого существовали динозавры, и мамонты, и гигантские ленивцы, и даже лошади. Человек должен был иметь какого-то примитивного, обезьяноподобного предка еще в юрском периоде*. Он не мог появиться ниоткуда. Вы согласны, что существование Кадата подтверждает эту теорию? Единственная альтернатива состоит в том, что его обитатели прибыли с другой планеты. Значит, мы можем считать, что человечество гораздо старше миллиона лет. Но тут возникает проблема, почему не возникла раньше и цивилизация. И я опять-таки хочу обратить ваше внимание на некоторые мифы о конце света — о великом потопе и так далее. А что если все эти поклонники Луны правы и *есть* доля правды в утверждении, будто потоп был вызван падением Луны на Землю?

Меня все это не слишком убедило. Я не мог понять, какое отношение имеют его рассуждения к паразитам сознания.

— Сейчас поймете. Если сопоставить различные предания о потопе, мы придем к выводу, что он произошел сравнительно недавно — скажем, около пяти тысяч лет до нашей эры. А теперь представьте себе, что потоп *действительно* был вызван Луной, которая тогда обращалась ближе к Земле, как утверждал Хербигер. Не может ли это означать, что наша нынешняя Луна обращается вокруг Земли всего только семь тысяч лет?

— Я допускаю, что это возможно.

— Но вы как археолог можете сказать, что действительно существуют факты, свидетельствующие в пользу этой идеи, — или это просто гадание?

— Я полагаю, что таких фактов довольно много — я так и высказался в книге, которую написал двадцать лет назад. Но я по-прежнему не вижу, при чем

Любопытный слой морских отложений может быть *прослежен* начиная от озера Умайо в Перуанских Андах (396 м над уровнем моря) на протяжении 600 км к югу, до озера Койпуса. Этот слой изогнут — конец его лежит примерно на 240 м ниже начала, расположенного ближе к экватору. Последователи Харбигера и Беллами доказывают — на мой взгляд, убедительно. — что судя по этим странным отложениям, море когда-то образовывало нечто вроде вздутия вокруг экватора. Это можно объяснить только большей близостью Луны к Земле, чем в настоящее время, и гораздо большей скоростью ее обращения, так что этот «прилив» не здесь паразиты.

— Сейчас скажу. Я все думаю о проблеме происхождения паразитов. Вейсман считал, что они высадились на Земле около двухсот лет назад. Но мы знаем, что они не любят космического пространства. Так откуда они появились?

— С Луны?

— Возможно. Но при этом мы все еще исходим из того, что они могут существовать вне человеческого сознания.

И тут я понял, к чему он клонит. Ну разумеется! Теперь у нас была важная нить — паразиты не любят существовать отдельно от основной массы человечества. Почему?

Ответ оказался потрясающе прост, настолько прост, что этому даже трудно поверить. Они не могут существовать отдельно от человечества потому, что *они сами и есть человечество!* Ключ скрыт в первой же фразе «*Размышлений*» Вейсмана: «Вот уже несколько месяцев я убежден, что человечеству угрожает что-то похожее на рак сознания».

успевал отступить. Развалины Тиауанако, у озера Титикака, добавляют к этой головоломке еще один любопытный фрагмент. Город лежал намного выше Тихого океана — на высоте почти 3700 м; тем не менее многие признаки указывают на то, что более 10 тыс. лет назад он был портом. Развалины имеют такие размеры, что можно подумать, будто их строили гиганты — другими словами. люди, которые были в два-три раза выше, чем теперь, благодаря меньшей силе притяжения Земли (которую Луна должна была ослаблять). ...Еще более странен тот факт, что среди руин этих городов в Андах раскопаны кости токсодонов — а токсодоны исчезли с лица Земли миллион лет назад. В руинах Тиауанако встречаются каменные изваяния голов токсодонов. Дж.Остин. Перспективы археологии, с.87. Лондон. 1983. — Прим.авт.

рак не может существовать отдельно от тела своего хозяина.

Но что вызывает рак? Вот еще одна проблема, решение которой для человека, занимавшегося изучением собственного сознания, самоочевидно. Рак вырастает из тех же корней, что и раздвоение личности. Человек — это целый континент, но его сознательный рассудок — не более чем палисадник около дома. Это означает, что человек почти целиком состоит из *нереализованных возможностей*. Те, кого называют великими людьми, — просто люди, имевшие мужество реализовать часть своих возможностей. Средний же человек слишком робок и труслив, чтобы даже сделать такую попытку: он предпочитает уют и безопасность своего палисадника.

Раздвоение личности происходит, когда некоторые из таких нереализованных возможностей берут реванш. Например, чересчур робкий человек, обладающий мощной сексуальностью, которую он старается подавлять, в один прекрасный день просыпается и узнает, что совершил сексуальное преступление. В свое оправдание он утверждает, что преступление совершил как будто «некто другой», завладевший его телом. Но этот «некто другой» и есть он сам — та часть его, признать которую своей он из трусости не в состоянии.

Причина рака — тоже нереализованные возможности, которые пытаются взять реванш. Уже первые исследователи рака отмечали, что это болезнь несбывшихся надежд и пожилого возраста. Люди, у которых хватает мужества полностью самовыразиться, от рака не умирают. Значительная часть больных раком приходится на долю людей, наделенных возможностями, но не обладающих мужеством для их реализации. Недоверие к жизни отравляет их души.

И рак, и раздвоение личности станут невозможны, как только человек научится погружаться в свой внутренний мир: тогда эти островки несбывшихся надежд просто не смогут возникнуть. В каком-то смысле Карел Вейсман был прав:

«паразиты» действительно появились около двух столетий назад. В предшествующие столетия люди были настолько заняты добыванием средств к существованию, что у них просто не было времени размышлять о несбывшихся надеждах. Они были более цельными, чем современный человек: они жили на уровне инстинктов.

Затем человек в своей эволюции достиг водораздела — точки, в которой ему пришлось стать существом сознательным, разумным, способным к самоанализу и самокритике. Пропась между сознательным и инстинктивным уровнем сделалась шире. И сразу же рак и шизофрения перестали быть редкостью и превратились в самые обычные заболевания. Но какую роль во всем этом играла Луна?

И опять-таки ключ к разгадке дает рак. Он связан с общим упадком жизненных сил, с несбывшимися надеждами и со старостью. Но этих причин самих по себе недостаточно, чтобы вызвать рак. Должен быть какой-то *специфический* фактор — например, ушиб. Если рассматривать жизнь как некую электрическую силу, обитающую в теле человека, как магнетизм обитает в магните, то можно сказать, что ушибленное место перестает справляться с проходящим через него магнитным потоком, оно соскальзывает на более низкий уровень существования и продолжает развиваться самостоятельно — происходит нечто вроде раздвоения личности. Если бы устрица была высшим организмом, таким фактором, достаточным для заболевания раком, было бы для нее возникновение жемчужины.

Теория, созданная Райхом по поводу паразитов сознания, состояла примерно в следующем.

Около десяти тысяч лет назад Луна понемногу приближалась к Земле под действием земного притяжения. Это была, по-видимому, третья или четвертая по счету Луна. Прошло примерно две тысячи лет, прежде чем она наконец рухнула на Землю, разбившись вдребезги. Воды океана, которые лунное притяжение удерживало в районе экватора, теперь смогли растечься по всей Земле, образовав гигантскую приливную волну, которая уничтожила все существующие цивилизации (но не цивилизацию Кадата: она была уничтожена при падении другой, гораздо более ранней Луны).

На протяжении примерно тысячи лет у Земли не было Луны, а на ее поверхности почти не было жизни. Потом она захватила еще одно блуждающее небесное тело, еще один огромный метеорит — нашу нынешнюю Луну. Но этот спутник оказался крайне опасным. Новая Луна была «радиоактивной» — она излучала необычные силы, способные оказывать возмущающее действие на человеческое сознание.

Все рассуждения о происхождении этих сил — не более чем догадки. Теория Райха — которую я считаю столь же вероятной, как и любую другую, — утверждает, будто Луна когда-то составляла часть другого, более крупного небесного объекта, может быть, даже солнца, и была населена существами, не имевшими тела в физическом смысле слова. Это не так нелепо, как кажется. В прежние времена ученые заявляли, что на той или иной планете жизнь существовать не может, потому что условия на ней делают это невозможным; позже они убедились, что жизнь может обосноваться на планете даже с самыми неблагоприятными условиями. Жизнь, способная обосноваться на солнце, разумеется, не может быть «физической» жизнью в том смысле, в каком мы это понимаем.

Прошедшая мимо комета вырвала из этого солнца огромный кусок пламени; горячие газы, остывая, превратились в ту Луну, которую мы знаем сегодня, а их обитатели постепенно вымерли. Но поскольку они не имели «тела» в земном смысле слова, они не могли погибнуть совсем. Они попытались адаптироваться к своему остывающему миру, стать частью молекулярной структуры твердых веществ, как раньше были частью структуры газов. Так у Луны появилось «радиоактивное излучение» неведомой, чуждой нам жизни.

Если бы Луна не была захвачена Землей, эта чуждая жизнь давным-давно вымерла бы окончательно, поскольку жизнь может существовать лишь там, где действует второе начало термодинамики — другими словами, там, где есть поток энергии с более высокого на более низкий уровень. Однако на Луне эта «жизнь» поддерживалась благодаря соседству Земли —

планеты, бурлящей жизнью и энергией. Близость Земли была для нее как постоянный запах горячей пищи, доносящийся до человека, который умирает от голода. Это присутствие на Луне чего-то живого смутно, инстинктивно ощущало человечество, заново осваивавшее Землю.

Здесь, как я полагаю, и лежит ответ на вопрос о происхождении паразитов — того «раздражителя», который вызвал «рак». На низшие формы жизни, на рыб и млекопитающих, постороннее наблюдение не действует: они живут на уровне инстинктов, и всякое чуждое присутствие представляется им вполне естественным. Человек же понемногу становился хозяином Земли, и происходило это благодаря совершенствованию его интеллекта, его сознательного рассудка. Поэтому он «раздваивался», отрывался от своих инстинктивных побуждений. Накапливались очаги напряжения, которые превращались в воспаленные островки подавленной энергии. И в этот момент лунный «раздражитель» — постоянное психическое давление этой полузамороженной жизни — начал оказывать свое вполне предсказуемое действие. Так возник рак сознания.

Может показаться, что все эти рассуждения по-коятся на довольно слабой фактической основе. Но это не так. Они основываются на логике — начиная с того самого вопроса, который поставил нас в тупик: «Почему паразиты боятся космического пространства?».

Ответ на него ясен. Теряя контакт со своим «внутренним существом», со своими глубинными инстинктами, человек оказывается прикованным к осознаваемому им миру, другими словами, к миру других людей. Эта истина известна любому поэту:

чувствуя, что люди ему опротивели, он обращается к источникам энергии, скрытым внутри его самого, и тогда остальные люди становятся ему глубоко безразличны. Он знает, что его тайная внутренняя жизнь и есть реальность, а остальные люди в сравнении с ней — всего лишь тени. Однако сами эти

«тени» тяготеют друг к другу. «Человек — животное общественное», — заявил Аристотель и высказал колоссальную ложь, потому что у каждого человека больше общего с горами или со звездами, чем с другими людьми.

Поэт — существо более или менее цельное, он не утратил связи со своими внутренними силами. Раку сознания подвержены другие люди — те самые «тени». Для них реальность — это человеческое общество. Они целиком погрязли в его мелких личных ценностях, в его суетности, злобе и себялюбии. А так как паразиты — не что иное как проекции этих созданий, то разве удивительно, что сами они так льнут к человеческому обществу?

В нашем же космическом корабле места им не было, потому что все мы знали самую главную тайну: что человек никогда не бывает «одинок», ибо он постоянно связан с центральной энергетической станцией Вселенной. Другими словами, даже если бы мы не оказались в космическом пространстве, наше сознание не могло бы оставаться местом обитания паразитов. Раковые опухоли, гнездившиеся в нас, понемногу отмирали в результате истощения, а наше путешествие в космос только ускорило этот процесс.

Когда мы отделились от остального человечества, нашим первым ощущением было ужасающее чувство страха и одиночества, какое переживает ребенок, впервые оставшийся один, без матери. В такой момент перед каждым встает главный вопрос: действительно ли человек есть общественное животное, которое не существует помимо других людей? Если это так, то все наши человеческие ценности — ложь: и доброта, и истина, и любовь, и религия, и все остальное. Ведь эти ценности, по определению, абсолютны, они важнее, чем люди.

Этот страх заставил нас обратиться внутрь себя, к первоисточнику силы, смысла и цели. Фальшивые телефонные провода, которые связывали нас с другими людьми, оказались перерезанными. Это не значит, что при этом другие люди потеряли свое значение. Они приобрели гораздо большее значение:

мы понимали, что в определенном смысле слова они бессмертны. Но при этом мы осознали, что все наши так называемые «человеческие ценности» ложны, что они основаны на недооценке человеком самого себя.

Вот почему паразиты были вынуждены покинуть нас. Чем дальше в космос мы проникали, тем яснее для нас становилась эта истина: что наши ценности не зависят от других людей. Другие люди не имеют значения в том смысле, к какому мы привыкли. Человек не

одинок. Вы можете остаться последним человеком во Вселенной, и все равно вы не будете одиноки.

Мы разговаривали с Райхом до утра. И на рассвете — или в тот час, когда на Земле наступил бы рассвет, — с нами обоими что-то произошло. За эти несколько часов мы стали другими. Куколка превратилась в бабочку.

Нам стало немного не по себе. Мы чувствовали себя, как нищий, который неожиданно получил в наследство целое состояние. Он видит слуг, выстроившихся в ряд и ожидающих его приказаний; он думает обо всем, что можно сделать на эти деньги;

он осматривает обширные владения, которые теперь принадлежат ему, — и его мозг не выдерживает этого, он испытывает головокружение, обретенная свобода вселяет в него ужас.

Нам предстояло столько еще узнать, так многое оставалось нам пока неизвестно...

Но сначала перед нами стояла другая задача — донести это новое знание до остальных.

И хотя Земля больше не была нам родным домом, у нас не было сомнений относительно того, что мы должны делать дальше. Мы уже стали полицейскими Вселенной.

Я подошел к пульту управления электронным мозгом. Неделю назад мне пришлось бы запрашивать подробные указания у полковника Масси. Теперь все казалось простым, как детская игрушка. Я быстро ввел нужные данные и нажал на кнопку перепрограммирования. Корабль мгновенно свернул фотонные паруса, сработали тормозные двигатели. Мы начали плавно поворачивать, описывая широкую дугу. Почувствовав это, проснулись наши товарищи и пришли посмотреть, что происходит. Я сказал:

— Мы возвращаемся на Землю. Помогите мне увеличить скорость.

Мы соединили наши духовные силы параллельно и начали осторожно возбуждать переменные токи воли. Потом, очень медленно, мы позволили им разрядиться через корму корабля. словно гигантская рука стиснула нас, и мы почувствовали резкий толчок ускорения. Мы повторили все сначала, и корабль снова отозвался на это рывком вперед. Мы попробовали усилить токи — корабль весь дрожал, но подчинялся. Это была тонкая и опасная операция. Мы могли бы ввести в дело энергию, равную энергии десятка водородных бомб, но делать это нужно было так, чтобы она превращалась в поступательное движение. При малейшей неосторожности корабль мог погибнуть, рассыпавшись в атомную пыль. Мы с Райхом при этом теперь остались бы в живых, но остальные — нет.

Нам было немного смешно, что нас доставила за три с половиной миллиона километров от Земли эта нелепая, примитивная, жалкая жестянка. Мы с Райхом решили, что как только вернемся, одной из наших первых задач будет научить людей строить настоящие космические корабли.

Самым простым и быстрым способом объяснить все остальным была телепатия. Мы сели в кружок, держась за руки, как на спиритическом сеансе. Понадобилось всего лишь около пяти—шести секунд, чтобы они все поняли: ведь в каком-то смысле это было им уже известно. Мы нащупали дорогу в темноте, а они теперь шли по ней при ярком дневном свете.

Это оказалось само по себе интересно. Ночью я не видел Райха — мы находились в разных помещениях. Не пришло мне в голову и взглянуть на себя в зеркало. Однако как только мы передали наше знание остальным, мы увидели, какая поразительная перемена с ними произошла. Этого, конечно, следовало ожидать, но тем не менее видеть такую перемену на стольких лицах сразу было как-то странно. Обычными прилагательными невозможно описать — что в них изменилось. Можно было бы сказать, что они стали выглядеть благороднее или величественнее, но это далеко от истины. Точнее, пожалуй, будет выразить это так: они стали как дети. Взгляните в лицо очень маленькому — скажем, шестимесячному — ребенку, а потом старику, и вы поймете то неуловимое, что зовется жизнью, радостью, волшебством. Как бы ни был старик мудр и добр, он этого лишен. Ребенок же, если он счастлив и умен, излучает это ощущение с такой силой, что это вызывает что-то близкое к боли: настолько ясно становится, что он принадлежит к иному, лучшему миру. Он все еще наполовину ангел. Взрослый, даже из числа великих, отрицает жизнь; ребенок всем своим существом олицетворяет доверие и утверждение. Эта полнота изначальной жизни осенила в тот момент всех, кто сидел в столовой нашего космического корабля, и не будет преувеличением сказать, что мы чувствовали себя как в день творения. Мощь и уверенность,

которую чувствовал в себе каждый, еще усилились после того, как он увидел их в других.

Вместе с этим мы обрели новый уровень знания. Когда я сказал им: «Человек не одинок», я понимал, что имею в виду, но мне еще не было ясно все, что из этого вытекает. Я говорил о первоисточнике силы, смысла и цели; теперь же я сознавал, что мы не одиноки в куда более очевидном и простом понимании этого слова. Мы вступили в ряды полиции Вселенной, но существовали и другие, и теперь наши души мгновенно установили с ними связь. Словно мы послали сигнал, который сразу же был принят сотнями приемников, и они немедленно нам ответили. Ближайший из этих приемников находился всего в шести с половиной миллиардах километров от нас — там крейсировал космический корабль с одной из планет системы Проксимы Центавра. Впрочем, на эту тему я больше распространяться не буду — она не имеет отношения к данной истории.

Мы летели со скоростью около полутораста тысяч километров в час. Оставалось преодолеть еще три с лишним миллиона километров — это означало примерно двадцать часов полета. Луна, которая обращается вокруг Земли на расстоянии в четыреста тысяч километров от нее, все еще находилась, разумеется, между нами и Землей — мы должны были миновать ее примерно через семнадцать с половиной часов. Мы знали, что на Луне нам предстоит кое-какие дела.

В тот момент мы еще не думали о том, чтобы передвинуть Луну. Она весит приблизительно

5×10^{22} , то есть пять миллионов миллиардов тонн. Мы тогда еще не имели представления, какую массу можем сдвинуть с места с помощью телекинеза, объединив свои усилия, однако нам представлялось, что вряд ли они будут для этого достаточны. Кроме того, что изменится, если нам удастся отодвинуть Луну далеко в космос? Постоянный фактор, вносящий возмущения в человеческую душу, от этого исчезнет, но ведь его дело уже сделано: паразиты сознания в любом случае выживут.

Тем не менее было ясно, что Луна — ключ к решению проблемы. Этим следовало заняться немедленно. Мы находились в восьмидесяти тысячах километров от Луны, когда снова почувствовали ее влияние. Мы с Райхом переглянулись. Значение этого обстоятельства было очевидно: Луна каким-то образом «ощутила» наше приближение. Когда мы летели с Земли, она осознала наше присутствие с того самого момента, как мы взлетели, и еще долгое время после того, как мы ее миновали, мы оставались в сфере ее внимания. Теперь мы приблизились

к ней с тыла, и она не «заметила» нас, пока мы не оказались совсем рядом.

Как и по пути с Земли, мы ощутили такое же затмение чувств, но на этот раз оно оказалось менее выраженным. Теперь мы знали, в чем дело: в скованных силах жизни, которые наблюдали за нами с чем-то вроде надежды. «Затмение» было не чем иным, как исходившим от них эмоциональным возмущением, и, зная его природу, его было нетрудно преодолеть.

На этот раз мы направили корабль прямо на Луну и сразу же начали торможение. Полчаса спустя мы мягко опустились на ее поверхность, подняв огромную тучу серебристой лунной пыли.

Я бывал на Луне и раньше, и тогда она представлялась мне просто мертвым каменным обломком. Теперь я знал, что она не мертва; в ее ландшафтах были запечатлены следы мук, перенесенных живыми существами, и над ними нависало ощущение трагедии — мы видели перед собой словно остов сгоревшего здания, в котором погибли тысячи людей.

Не трата времени даром, мы принялись за эксперимент, ради которого прибыли сюда. Не выходя из корабля (у нас не было скафандров, потому что мы не предполагали нигде высаживаться), мы направили луч волевого усилия на огромную пористую скалу, похожую на гигантский муравейник. Двенадцать человек соединили свою волю параллельно — высвобожденной при этом энергии хватило бы, чтобы произвести взрыв, который образовал бы воронку диаметром в пятнадцать километров. Весь «муравейник» высотой километра в полтора исчез, как в свое время Абхотов камень, превратившись в мельчайшую пыль, окутавшую корабль чем-то вроде тумана. При этом выделилось довольно много тепла, и минут десять нам пришлось терпеть страшную жару. Но все же в тот момент, когда скала

исчезла, мы на мгновение испытали прилив чистой радости — нас словно пронизал очень слабый электрический ток. Сомнений не было:

мы высвободили скованные силы жизни. Лишенные «тела», они развеялись в пространстве.

Луна всегда вызывала у людей ощущение подавленности. Шелли каким-то шестым чувством понял это, когда писал: «Не от усталости ли ты так бледна?». А Йитс с почти пугающей прозорливостью сравнил Луну с идиотом, бредущим, шатаясь, по небу. Это-то и было неладно с Луной: вся она была как истерзанная муками душа обитателя бедлама.

Полчаса спустя Луна осталась далеко позади, и весь носовой иллюминатор занимал туманный голубой шар Земли. Всегда испытываешь непонятное волнение, когда Луну видишь позади, а Землю впереди, и обе представляются одинакового размера.

Но мы еще не покончили с Луной. Мы хотели выяснить, на каком расстоянии на нее можно воздействовать силами телекинеза. Легко понять, что это следовало сделать из точки, лежащей на полпути между Землей и Луной, поскольку нам нужно было «опереться» на Землю. Очевидно, находясь внутри корабля, мы не могли оказать на Луну существенного воздействия: ее несравнимо более громадная масса обратила бы наши усилия против нас самих и уничтожила бы нас. Наш корабль был всего лишь третьей вершиной треугольника.

Это была трудная операция. Прежде всего, впервые в ней пришлось участвовать всем сразу — пять-десять человек должны были объединить свои усилия, соединившись параллельно. На самом деле это ока-, залось труднее всего. Большинство из нас имело самое смутное представление о своей способности к телекинезу, а тут предстояло объединить эти еще нетвердые способности в одной упряжке с множеством других людей. Флейшману, Райху и мне предстояло направить объединенное усилие в нужную сторону.

То, что мы пытались сделать, было крайне опасно. Никогда еще наш корабль не казался нам таким крохотным и примитивным. Стоило кому-то одному на мгновение ослабить контроль, и это вполне могло бы закончиться общей гибелью. Поэтому мы трое присматривали, чтобы не произошло ничего непредвиденного, а Холкрофт и Эбнер координировали усилия остальных, чтобы породить колебательную волну телекинетической энергии. Потом нужно было «нащупать» Землю, и это само по себе было связано с довольно сильными ощущениями. Мы словно снова оказались в Вашингтоне: Земля излучала жизненную энергию столь же интенсивно, как и Луна, только не подавленную, скованную энергию, а страхи и неврозы. Нам тут же стало ясно, что теория Райха относительно паразитов сознания верна. Люди Земли излучают волны паники точно так же, как мы излучаем волны телекинетической энергии;

эта паника еще дальше отрывает их от их подлинной сущности и создает злокачественную тень, другое «я», которое немедленно приобретает независимую реальность — так могло бы ожить ваше собственное изображение в зеркале.

Как только мы нащупали контакт с Землей, мы получили возможность оказать на Луну двойное воздействие — прямым лучом телекинетической энергии из корабля и таким же лучом, отраженным от Земли.

Цель эксперимента состояла не в том, чтобы сделать что-нибудь с Луной, а в том, чтобы измерить наши собственные возможности, как игрок в крикет подбрасывает на руке мячик. Я уже говорил, что когда человек оказывает на какой-нибудь предмет телекинетическое воздействие, у него возникает такое ощущение, словно он до него дотрагивается. Единственная разница — в том, что телекинез позволяет действовать на гораздо большей дистанции. В данном случае, добившись отражения нашего луча от Земли, мы хотели оценить силу сопротивления Луны. Это значит, что надо было оказывать на нее все возрастающее давление и смотреть, что произойдет. Я, конечно, не имел опыта в таких делах; все, что могли сделать Райх, Флейшман и я, — это следить, чтобы сила действовала равномерно и не вызвала вибраций, которые могли бы повредить корабль. По мере того как возрастала сила, возрастали и вибрации. В конце концов они стали слишком опасными, и я отдал распоряжение прекратить эксперимент. Я спросил Холкрофта, что случилось. Он сказал:

— Я точно не знаю, но по-моему, это реакция. Прощупать Луну не так уж сложно, но трудно сказать, (Сакое нужно оказать давление, чтобы оно подействовало. Придется

попробовать еще раз, уже с Земли. Он имел в виду, конечно, то, что с помощью телекинетического луча можно исследовать поверхность Луны, но мы все еще не имели представления, можно ли таким путем сдвинуть ее с места.

Все эти операции оказались довольно утомительными, и оставшийся до Земли час полета почти все проспали.

В девять часов мы привели в действие тормозные двигатели и снизили скорость до полутора тысяч километров в час. В семнадцать минут десятого мы вошли в земную атмосферу и отключили все двигатели. Теперь нас вел луч локатора с базы, и все остальное мы могли предоставить полковнику Масси. За несколько минут до десяти мы приземлились.

Ощущение было такое, словно мы отсутствовали тысячу лет. За это время все *в нас* настолько изменилось, что казалось, будто изменилась сама Земля. И первое изменение, которое бросилось нам в глаза, можно было, конечно, предвидеть заранее. Зсе здесь казалось бесконечно более прекрасным, -ISM нам помнилось. Мы были потрясены: на Луне мы ничего подобного не заметили из-за возмущающего воздействия, которое она на нас оказывала.

С другой стороны, радостно встретившие нас люди показались нам чуждыми, отвратительными и мало чем отличающимися от обезьян. Не верилось, что эти кретины могут населять такой бесконечно прекрасный мир и при этом оставаться столь слепыми и ограниченными. Нам пришлось напомнить себе, что подобная слепота — необходимый механизм эволюции человека.

Мы инстинктивно поставили вокруг себя защитное поле, не позволявшее этим людям нас разглядывать, и изо всех сил старались казаться такими же, как были. Нам было стыдно, как бывает стыдно счастливому человеку при виде безнадежной нищеты.

Масси выглядел очень усталым и больным. Он сказал:

— Ну как, сэр, что-нибудь вам удалось?

— Кажется, да, — ответил я.

Его лицо просияло, усталость сразу слетела с него. Я вдруг почувствовал к нему прилив сочувствия. Эти существа, может быть, и немногим лучше идиотов, но они все же наши братья. Я положил руку ему на плечо и сделал так, чтобы в него перешло от меня чуть-чуть жизненной силы. Приятно было видеть, как быстро он преобразился, — почувствовав прилив энергии и оптимизма, он выпрямился, с лица его исчезли морщины. Я сказал:

— Расскажите мне, что тут происходило с тех пор, как мы улетели.

Ситуация оказалась серьезной. Действуя быстро и беспощадно, Гвомбе оккупировал Иорданию, Сирию, Турцию и Болгарию. Там, где он встречал сопротивление, население истреблялось тысячами. Аккумулятор космических лучей, разработанный учеными Африки и Европы для субатомных исследований, был оборудован вольфрамовым отражателем и превращен в оружие. После этого больше никто не оказывал сопротивления. Через неделю после нашего приземления Италия сдалась Гвомбе и разрешила ему проход через свою территорию. Германские войска были сосредоточены вдоль границ Штирии и Югославии, но первое генеральное сражение этой войны так и не состоялось. Германцы пригрозили применить водородную бомбу, если Гвомбе воспользуется своим аккумулятором космических лучей, и дело шло к тому, что теперь начнется длительная «обычная» война. Четырнадцать ракет с боеголовками, начиненными мощным взрывчатым веществом, преодолели американскую систему противовоздушной обороны, и одна из них положила начало пожару, который свирепствовал в Лос-Анжелесе уже целую неделю. Американцам было нелегко нанести ответный удар, потому что армии Гвомбе были рассредоточены по огромной территории; однако еще утром президент объявил, что в будущем всякий раз, когда африканская ракета проникнет в воздушное пространство Америки, будет уничтожен один африканский город. Тем не менее всем было ясно, что в этой войне ни у одной стороны нет больших шансов одержать победу. Любая ответная мера становилась лишь очередным шагом к взаимному уничтожению.

Гвомбе все считали маньяком-убийцей, представлявшим такую же угрозу для собственного народа, как и для остального мира. Но как ни странно, ни до кого еще не дошло, что Хазард столь же безумен и опасен. За те две недели, которые понадобились Гвомбе, чтобы

занять страны Средиземноморья, Германия и Австрия провели всеобщую мобилизацию. Кейптаун, Булавайо и Ливингстон понесли тяжелые потери от германских ракет, но *согласованные* военные действия против Африки еще не начались. Однако когда прошел слух, будто Хазард перебрасывает в Австрию мобильные пусковые установки для водородных ракет, премьер-министр России и американский президент одновременно призвали его не прибегать к атомному оружию. Ответ Хазарда был уклончивым, но все, по-видимому, надеялись, что он будет вести себя разумно. У нас на этот счет было свое мнение. У президента Мелвилла тоже, хотя у него хватило сообразительности держать свое мнение при себе.

На ракетном самолете мы добрались до Вашингтона и незадолго до полуночи уже сидели за ужином с президентом. Он тоже выглядел измученным и больным, но проведя с нами полчаса, почувствовал себя лучше. Прислуга Белого Дома великолепно справилась с трудной задачей — соорудить в большой столовой импровизированный ужин на пятьдесят человек.

Как только мы появились, президент сказал мне:

— Не понимаю, как вы можете выглядеть таким спокойным.

— Просто мы, как мне кажется, можем прекратить эту войну.

Я знал, что именно это он и хотел услышать. Я не стал добавлять, что мне теперь совершенно безразлично, истребит себя человечество или нет. Эти склочные, неуживчивые, мелочные существа меня только раздражали.

Он спросил, как мы собираемся прекратить войну.

— Прежде всего, господин президент, мы хотели бы, чтобы вы связались с центральным телевизионным агентством и сообщили, что через шесть часов выступите с заявлением, касающимся всего мира.

— А вы можете сказать мне, что будет в этом заявлении?

— Пока еще не знаю. Но полагаю, что оно будет касаться Луны.

В четверть первого ночи мы уже собрались на лужайке перед Белым Домом. Небо затянули тучи, накрапывал холодный мелкий дождь. Для нас это, конечно, не имело значения: положение Луны на небе было известно нам в точности. Мы даже сквозь тучи ощущали ее воздействие.

Усталости мы больше не чувствовали. После возвращения на Землю всех нас охватило огромное воодушевление. Мы инстинктивно предвидели, что положить конец этой войне не составит для нас труда. Другое дело — удастся ли нанести поражение паразитам.

Тренировка в космосе сослужила нам хорошую службу. Имея под ногами Землю, нам ничего не стоило объединить свои волевые усилия, подключившись друг к другу параллельно. На этот раз нам с Райхом и Флейшманом не было нужды выступать в качестве надсмотрщиков: в самом худшем случае Белый Дом испытал бы лишь небольшое сотрясение.

Когда наши воли соединились, я почувствовал такую мощь, о масштабах которой раньше и не догадывался. Мне сразу стала понятна фраза «мы все часть друг друга», но в более глубоком и реальном смысле, чем раньше. Мысленно я представил себе все человечество, находящееся в постоянной телепатической связи и способное объединять силы своего духа. Тогда человек как таковой перестанет существовать: его могущество станет беспредельным.

Луч нашей общей воли, как прожектор, уперся в Луну. На этой стадии мы не пытались увеличить его мощность попеременным приложением силы. Момент соприкосновения с Луной поразил нас. Ощущение было такое, словно мы очутились в гуще самой шумной толпы, какая когда-нибудь существовала в мире, — это возмущающие вибрации Луны передавались непосредственно нам по протянувшемуся к ней силовому лучу. Никакого шума в действительности слышно не было, однако на несколько секунд телепатическая связь между нами нарушилась — одна за другой на нас накатывались мощные волны психических возмущений. Потом связь восстановилась, и мы соединились снова. Наш волевой луч ощупал поверхность Луны, как рука ощупывает апельсин. Выждав мгновение, мы с Райхом дали команду, и все начали генерировать непосредственную двигательную силу. Дистанции в четыреста тысяч километров мы не ощущали. Луна была как будто совсем рядом — так огромна была наша

мощь.

Все должны были решить следующие двадцать минут. Мы наращивали усилия понемногу, чтобы не тратить попусту энергию. Гигантский шар весом в пять миллионов миллиардов тонн медленно покачивался, прикованный к Земле силой ее тяготения и неспособный оторваться. В каком-то смысле он был невесом — его вес целиком принимала на себя Земля.

Медленно, очень медленно мы начали надавливать на поверхность Луны с таким расчетом, чтобы привести ее во вращательное движение. Сначала ничего не произошло. Мы увеличили свои усилия, крепче оперлись на Землю. (Большинство из нас сидело на траве, несмотря на дождь: так нам было удобнее.) По-прежнему ничего не происходило. Не чувствуя ни малейшего напряжения, мы держали Луну в фокусе своего луча, а силовые волны понемногу нарастали, словно сами по себе.

Четверть часа спустя мы уже знали, что добились успеха. Луна медленно, очень медленно начала поворачиваться. Мы чувствовали себя как дети, которые пытаются раскрутить гигантскую карусель. Важнее всего было преодолеть первоначальную инерцию — дальше мы могли, понемногу увеличивая давление, придать ей любую скорость. Только, в отличие от карусели, плоскость вращения Луны была не параллельна поверхности Земли: мы заставили ее вращаться под прямым углом к направлению ее движения вокруг Земли — с севера к югу.

Длина окружности Луны в меридиональном направлении составляет приблизительно девять с половиной тысяч километров. Мы продолжали наращивать давление, пока точка его приложения не достигла скорости в четыре с половиной тысячи километров в час. Это заняло чуть больше пяти минут: первоначальная инерция была уже преодолена. Теперь Луна совершала полный оборот вокруг оси каждые два часа — такая скорость нас вполне устраивала.

Мы вернулись в Белый Дом и выпили горячего кофе. Теперь здесь присутствовало с полсотни сенаторов, и столовая была набита битком. Мы попросили их немного помолчать и сосредоточились на Луне, чтобы проверить, сработал ли наш маневр.

Да, сработал. Двадцать минут спустя половина лунного сегмента, обычно обращенного к Земле, уже была повернута в другую сторону, в космическое пространство, а половина той стороны Луны, которую Земля еще никогда не видела, была обращена к нам. В результате, как мы и предполагали, возмущающее воздействие Луны уменьшилось вдвое. На протяжении тысяч лет лучи психической энергии были направлены прямо на Землю — теперь часть их устремилась в космос. Скованные на Луне жизненные силы уже не обладали разумом — они не могли понять, что происходит, и осознать, что их дом начал вращаться. Вдобавок характер вращения был таким, что еще осложнял их положение. На протяжении веков их внимание было направлено на Землю, которая вращалась перед ними слева направо со скоростью на поверхности чуть больше полутора тысяч километров в час. Теперь их собственный дом вращался под прямым углом к направлению вращения Земли, что не могло не сбить их с толку окончательно.

Не прошло и часа, как то, что раньше было обратной стороной Луны, полностью повернулось к Земле. Возмущающее воздействие Луны почти прекратилось. Мы спросили нескольких сенаторов, не замечают ли они какой-нибудь разницы. Одни ничего не заметили, другие со слегка озадаченным видом ответили, что им стало почему-то «спокойнее», чем час назад.

Только теперь мы смогли сообщить президенту, что он должен сказать в своем выступлении. Наш план был нехитрым и достаточно очевидным. Ему нужно было лишь объявить, что на Луне только что уничтожена американская исследовательская станция, успевшая сообщить о появлении около нее большого числа инопланетян гигантского размера.

Президент усомнился, что из этого может что-нибудь выйти. Но мы заверили его, что все выйдет, и отослали его немного вздремнуть перед выступлением.

Я не видел этого исторического выступления президента, потому что спал — так долго и крепко я еще ни разу не спал с тех пор, как мы покинули Землю две недели назад. Я оставил распоряжение не будить меня ни при каких обстоятельствах. Поэтому я проснулся лишь в десять часов и узнал, что нагла первая цель достигнута. Весь мир затаив дыхание ждал появления президента на экранах. В крупных городах сообщение о том, что Луна начала вращаться в поперечном направлении, уже вызвала истерическое возбуждение. (Мне здесь есть за что себя упрекнуть: мой старый приятель, директор Гринвичской обсерватории сэр Джордж Гиббс, увидев это в телескоп, свалился с сердечным приступом и скончался несколько часов спустя.) Заявление президента о появлении на Луне инопланетян подтвердило всеобщие наихудшие опасения. Никто не задавался вопросом, зачем понадобилось инопланетянам раскручивать Луну, но в том, что она вращается, каждый мог убедиться невооруженным глазом на протяжении ближайших суток. Она находилась почти в фазе полнолуния, и над огромными пространствами Азии и Европы видимость была отличной. Правда, заметить вращение ее сразу было нельзя, как нельзя заметить движение минутной стрелки часов, но достаточно было не сводить с нее глаз в течение десяти минут, как становилось явственно видно, что приметные объекты на ее диске медленно движутся с севера на юг.

Мы надеялись, что это событие отвлечет всех от мыслей о войне, но не приняли в расчет паразитов. В полдень мы узнали, что шесть водородных ракет, запущенные в сторону Северной Югославии и Италии, опустошили территорию в две с половиной тысячи квадратных километров. Хазард не желал закончить войну, не сделав ни одного выстрела. Это было бы еще не так плохо, если бы в числе жертв оказался Гвомбе. Но, судя по всему, этого не случилось: ближе к вечеру Гвомбе выступил по телевидению и поклялся, что никакие инопланетяне не помешают ему отомстить Хазарду за гибель своих людей. (На самом деле погибли преимущественно мирные жители — итальянцы и югославы: основные силы Гвомбе были расположены южнее.) Отныне, сказал Гвомбе, начинается тотальная война на уничтожение белых.

Шестичасовые новости в тот вечер были немного более радостными. Солдаты Гвомбе дезертировали тысячами. Перспектива вторжения инопланетян с Луны заставила их подумать о том, не вернуться ли к своим семьям. Тем не менее Гвомбе продолжал утверждать, что его люди будут биться не на живот, а на смерть.

Несколько часов спустя водородной ракетой был уничтожен город Гран в Штирии. Погибло полмиллиона солдат Хазарда. Еще три ракеты обрушились на открытую местность между Грацем и Клагенфур-том, убив всего несколько человек, но опустошив многие сотни квадратных километров. Поздно ночью мы услышали, что соединения Хазарда, наконец, пересекли границу Югославии и вступили в бой с силами Гвомбе под Марибором. Сам город Ма-рибор был полностью уничтожен космическим лучевым оружием, и сражение происходило в полутора километрах от города.

Нам стало ясно, что надо срочно действовать. До этого мы надеялись, что угроза со стороны Луны на несколько дней приостановит войну и даст возможность вмешаться Всемирному совету безопасности.

Чего могли добиться паразиты в случае продолжения войны? Если бы весь мир был уничтожен — а это, несомненно, и произошло бы, — они тоже были бы уничтожены. С другой стороны, если бы война прекратилась, шансов выжить у них практически не оставалось. Теперь, когда нам стала известна их тайна — что в открытом космосе их нервы не выдерживают, — мы могли бы каждый день истреблять их тысячами (если, конечно, они не приспособятся к этой новой для себя опасности). Быть может, они надеялись, что несколько тысяч людей все же переживут катаклизм, как переживали прежние катастрофы, вызванные Луной? Так или иначе, дело выглядело так, словно они твердо решили заставить человечество совершить самоубийство.

Нужно было спешить. Если Гвомбе или Хазард действительно настроены на всеобщее истребление, им будет не так трудно этого достигнуть. Даже не самому лучшему инженеру под силу превратить «чистую» водородную бомбу в кобальтовую, добавив к ней кобальтовую оболочку, — это можно сделать за сутки. Правда, даже в этом случае человечество все же

могло быть спасено: достаточно было найти какой-нибудь способ очистить атмосферу от кобальта-60. Воспользовавшись своими телекинетическими способностями, мы могли бы это сделать, но на это потребовались бы месяцы, а то и годы. Может быть, таков и был расчет паразитов.

В городе Дуранго (штат Колорадо) группа ученых давно уже работала над новым типом космической ракеты, которую приводили бы в движение гигантские фотонные паруса. Мы слышали разговоры об этом еще на 91-й базе. Ракета строилась из специального легкого литиево-бериллиевого сплава и была огромных размеров — это требовалось для того, чтобы она могла нести фотонные паруса.

Я спросил президента, далеко ли продвинулись работы и готова ли ракета к использованию. Он связался с базой в Дуранго и получил отрицательный ответ. Корпус ракеты был закончен, но двигательная установка находилась еще на стадии экспериментов.

Я сказал президенту, что это для нас не имеет значения. Нам нужен был только космический корабль. И он должен быть выкрашен в черный цвет. База ответила, что это невозможно: поверхность ракеты больше пяти квадратных километров. Президент нахмурился и произнес несколько резких слов, потом отключил видеофон и сказал мне, что к тому времени, когда ракетный самолет доставит нас в Дуранго, корабль будет черным.

Размеры корабля поразили нас. Он строился в огромном кратере, оставленном метеором, который упал здесь в 1980 году. Конструкцию корабля держали в секрете, и поэтому кратер был перекрыт непрозрачным силовым барьером. Находившаяся под барьером ракета напоминала огромную, немного сплюснутую пулю. Самая широкая — кормовая часть, где располагались паруса, была высотой в шестьсот метров.

Мы прибыли на базу Дуранго через пять часов после звонка президента. Повсюду стоял сильнейший запах нитроэмали, и все было забрызгано черной краской. Персонал базы был черным с ног до головы. Но черным был и весь корабль — до последнего квадратного сантиметра.

Уже близилась полночь. Мы велели генерал-майору Гейтсу, который командовал базой, распустить людей по домам и снять силовой барьер. Он имел приказ беспрекословно выполнять любое наше пожелание и сделал все, что нужно. Однако я еще никогда не видел, чтобы чье-нибудь лицо выражало столь безграничное изумление.

Он показал нам механизм управления фотонными парусами. Их не красили, и они сверкали серебром. Формой они напоминали крылья бабочки.

Должен сознаться, что, стоя в огромном серебристом зале, все мы чувствовали себя немного странно. В зале стоял ледящий холод и запах нитрокраски. Кроме механизмов управления, на ракете еще почти ничего не было установлено. На ее внутреннее оборудование должен был уйти еще год. Впереди, у пульта управления, стояли только шесть кресел, остальным пришлось сидеть на складных стульях.

Однако как только мы стали готовиться к отлету, это чувство исчезло. Никаких трудностей не возникло: корпус был невероятно легким, его легко мог бы сдвинуть один человек. У нас приводить корабль в движение было поручено группе из десяти человек под руководством Эбнера. Я взял на себя управление ракетой. Кроме нас, здесь был только штурман — капитан военно-воздушных сил США Хейдон Рейнолдс. Он никак не мог понять, зачем он здесь понадобился: кораблю, на котором нет двигательной установки, штурман обычно не нужен.

Мы стартовали в двадцать минут первого, набрали высоту в три тысячи метров и взяли курс на восток. Первые четверть часа Рейнолдс пребывал в таком изумлении, что добиться от него сколько-нибудь связных указаний было довольно трудно. Потом он немного пришел в себя, и дальше полет проходил без всяких осложнений.

Система противовоздушной обороны США была поставлена в известность, что мы пройдем рубеж раннего предупреждения в половине первого, и нам никто не помешал. В четверть первого мы услышали, как по телевидению передают предупреждение о каком-то огромном летательном аппарате, вошедшем в земную атмосферу со стороны Луны.

Это соответствовало инструкциям, которые мы оставили президенту.

Над Атлантическим океаном мы увеличили скорость до полутора тысяч километров в час. Температура внутри корабля повысилась, и нам стало жарко. Однако нужно было спешить. Когда мы покидали Дуранго, в Мариборе была уже половина девятого утра. Нам предстояло пролететь еще восемь тысяч километров, а сделать все нужно было до наступления вечера.

Перед тем, как пересечь побережье Европы, мы увеличили высоту полета до восьми тысяч метров. Мы знали, что сейчас все системы раннего предупреждения Франции и Англии бьют тревогу и что нам надо быть начеку.

Первую ракету запустили в нас откуда-то из-под Бордо. Десять человек из нашей команды под руководством Райха, поддерживавшие вокруг корабля силовой барьер, взорвали ракету, когда она была еще в трех километрах. К несчастью, Райх забыл заблокировать ударную волну, и нас всех начало швырять, как пробки в бурном море. На несколько секунд мы потеряли управление кораблем, но потом я сумел справиться с ударной волной, и полет снова стал гладким. После этого Райх всякий раз направлял энергию взрыва в противоположную от нас сторону.

По телевизору было видно, что наш полет привлек всеобщее внимание. Взрывы ракет, запущенных в нашу сторону, не оставили ни у кого ни малейшего сомнения, что мы и есть инопланетяне с Луны и что у нас есть какой-то луч, способный уничтожить все на своем пути.

К часу по европейскому времени мы уже находились над полем боя под Марибором и снизились до нескольких сотен метров. Поскольку при движении наш корабль не производил никакого шума, мы отчетливо слышали, как внизу под нами рвутся снаряды.

Мы правильно сделали, что выбрали корабль такого размера. Поле боя было огромно, оно тянулось больше чем на пятнадцать километров. Больших скоплений войск на нем не было — только отдельные группы людей, вооруженные самоходными орудиями и пусковыми установками для ракет. При таких размерах нашего корабля он был хорошо виден обеим сторонам даже сквозь густую пелену дыма, висевшую над местностью.

Теперь начиналась главная часть операции — та часть, в успехе которой мы отнюдь не были уверены. Было бы проще простого уничтожить все живое вокруг на сотнях квадратных километров и тем самым положить конец всяким боевым действиям. Однако на это не был готов пойти никто из нас. К тем людям, которые там, внизу, пытались перебить друг друга, мы испытывали только презрение, но убивать их не чувствовали себя вправе.

Прежде всего следовало лишить возможности передвигаться ракетные пусковые установки. В первые же десять минут после нашего появления полтора десятка из них пытались сбить нас. Ракеты мы уничтожили, а группа Райха привела в негодность установки, просто сплющив их в лепешку. Но на поле боя находилось, вероятно, не меньше тысячи таких установок и крупнокалиберных пушек, и все их нужно было обезвредить, чтобы мы могли сосредоточиться на своей главной задаче. Почти целый час мы шарили в дыму, отыскивая каждое орудие и каждую установку и уничтожая их одну за другой. Сначала наше появление вызвало панику, но она утихла, когда все увидели, что мы не применяем никаких лучей смерти. Операция по обезвреживанию пушек не произвела большого впечатления — это заметили только те, кто находился от них в непосредственной близости. Поэтому некоторое время спустя все разглядывали нас не столько со страхом, сколько с любопытством. Мы почувствовали это, когда прощупали сознание сражающихся, и постарались усилить такое настроение.

Странное это было ощущение. Мы сидели в полном молчании, слышался только свист ветра. Стрельба внизу полностью прекратилась, и мы чувствовали, что миллион людей, собранных в две огромные армии, не сводит с нас глаз. Я мог точно сказать, что сознанием многих из них завладели паразиты: такие «зомби», в отличие от нормальных людей, воспринимали происходящее равнодушно и без всякого любопытства.

В этот момент Флейшман нажал на кнопку, управлявшую фотонными парусами, и они медленно развернулись. Вероятно, это было внушительное зрелище — гигантские серебристые крылья выскользнули из кормовой части корабля и стали медленно раскрываться, пока не сделались вчетверо больше самого корабля — их полная площадь пре-

вышла двадцать квадратных километров. Теперь корабль был похож на огромное насекомое с черным туловищем и сверкающими, почти прозрачными крыльями.

Не следует забывать, что мы находились в постоянном контакте с теми, кто на нас смотрел, — контакт этот был не менее тесным и интимным, чем у актеров, играющих на сцене театра, со своими зрителями. Благодаря этому мы отметили, что вызываем у людей изумление, лишь слегка окрашенное страхом.

Мы медленно двинулись по небу, и я почувствовал, что реакция зрителей изменилась. Они по-прежнему были целиком поглощены зрелищем, но осознанного любопытства я больше не ощущал. Их активное внимание ослабевало — неудивительно, ведь они смотрели на нас не сводя глаз уже больше часа. Солнце играло на фотонных парусах, и наш корабль казался каким-то прекрасным грандиозным насекомым, слишком ярким, чтобы разглядывать его внимательно, и слишком красивым, чтобы отвести глаза. Эффект был как раз такой, как мы и рассчитывали: внимание их стало пассивным, они оказались как будто под гипнозом. А мы продолжали медленное движение по небу, понемногу снижаясь. Это плавное движение стоило нашим людям из группы Райха немалых усилий, потому что из-за огромной площади крыльев корабль постоянно сносило ветром, и стоило им на мгновение отвлечься, как он начал бы кувыркаться в воздухе.

Остальная наша команда, все сорок человек, теперь объединила свои усилия, подключившись друг к другу в параллель. Люди, следившие за нами, находились целиком в нашей власти, — они были словно дети, которые, как зачарованные слушают сказку. Я заметил и еще один любопытный факт, о котором догадывался и раньше: все зрители оказались тоже телепатически связаны между собой своим интересом к нам. Это объясняет, почему так опасна всякая возбужденная толпа: она тоже создает вокруг себя телепатическое поле, но при этом действует так неуклюже и некоординированно, что вынуждена искать разрядки напряжения в насилии.

Напряжение, нараставшее в толпе, работало на нас. Сознание людей, сосредоточенное на огромном насекомоподобном корабле, находившемся уже почти у них над головами, было полностью нам открыто, они были загипнотизированы и легко доступны внушению.

Теперь наступило время для главной части операции, и я, взяв дело в свои руки, превратился как будто в мощный телепередатчик, а сознание каждого из этих людей стало телевизионным экраном. Внезапно все они увидели, как посреди корабля распахнулись два огромных люка. Из люков — высотой больше трехсот метров каждый — сошли на землю инопланетяне, ростом тоже по триста метров. Как и сам корабль, они напоминали каких-то насекомых — зеленого цвета, с длинными ногами, как у кузнечика. Лица их были отдаленно похожи на человеческие, но с огромными носами вроде клювов и маленькими черными глазками. Двигались они рывками, как будто непривычные к земному тяготению. Ноги у них заканчивались когтями, как у птиц.

Инопланетяне начали огромными прыжками приближаться к обеим воюющим армиям. Я обдал людей волнами панического страха и предчувствия неминуемой гибели. В то же время я снял напряжение, которое приковывало их к месту, и все сломя голову кинулись прочь. Это ощущение паники было для нас неприятно, даже почти омерзительно, так что мы прервали телепатическую связь с ними и предоставили им спастись кто как может. Люди бежали, не оглядываясь и не разбирая дороги. Тысячи из них падали и оставались на месте, затоптанные бегущими позади; впоследствии подсчеты показали, что таким образом погибло пятнадцать процентов всех участников боя. Паника вряд ли могла стать большей, даже если бы инопланетяне были вполне реальными.

Я пережил несколько неприятных минут. Еще много недель я вспоминал эту панику, она снова и снова возвращалась ко мне, как дурной привкус во рту. Однако никаким иным способом нам не удалось бы положить конец войне.

С этого момента и Гвомбе, и Хазард перестали быть народными вождями. На них никто не обращал внимания, о них просто забыли. Война казалась сном, от которого только что пробудилось человечество, детской игрой, которая вдруг стала неинтересной. За последовавшие несколько дней войска Всемирной организации, действуя в тесном сотрудничестве с президентом Соединенных Штатов, арестовали тысячи солдат обеих

разбежавшихся армий, а также Гвомбе и Хазарда. (Последний был застрелен «при попытке к бегству»; Гвомбе же поместили в психиатрическую лечебницу в Женеве, где он и умер год спустя.)

Можно было предположить, что после такой победы мы пожелаем мирно почивать на лаврах. Однако у нас и в мыслях этого не было — по двум причинам. Во-первых, сама победа была для нас детской игрой. Я описал ее здесь в подробностях лишь в интересах истории, хотя как образец стратегии она не заслуживает и двух строчек. Во-вторых, действительно интересная часть задачи нам еще предстояла. Нужно было помочь миру хоть в какой-то степени оправиться от безумия и принять

ivifrbі для окончательного уничтожения паразитов.

Методы, которые мы избрали, не отличались особой эффектностью. Мы просто рассказали людям правду. На следующий день после нашей «победы» президент Мелвилл объявил по телевидению, что, насколько известно правительству Соединенных Штатов, «инопланетяне с Луны» сейчас удаляются за пределы нашей Солнечной системы, и непосредственная опасность нашей планете больше не угрожает. Он добавил: «Однако, ввиду постоянной возможности нападения на Землю извне, Соединенные Штаты настаивают на немедленном создании Единого Всемирного Правительства, наделенного всеми полномочиями для мобилизации Всемирных Сил Оборон». Его предложение было сразу же принято Организацией объединенных наций. После этого и началась та огромная работа, которая так обстоятельно описана Вольфгангом Райхом в его книге *«Как был переделан мир»*.

Нашей же самой серьезной задачей было, естественно, истребление паразитов. Однако мы решили, что с ними можно немного подождать. Благодаря вращению Луны они оказались значительно ослаблены, поскольку постоянное возмущающее воздействие Луны уменьшилось. Была и еще одна причина считать их второстепенной проблемой. Я уже говорил, что паразиты — в каком-то смысле «тень» человеческой трусости и пассивности. Их сила возрастает в атмосфере паники и поражения, ибо они питаются страхом, и в таком случае лучший способ борьбы с ними — изменить атмосферу, вселив в людей уверенность в своих силах и сознание цели.

Прежде всего, нужно было сделать действительно эффективными Всемирные Силы Оборон, которые должны были мгновенно искоренять любую попытку паразитов возобновить активные действия. Это означало, что человек двадцать наших товарищей вынуждены будут заниматься организационными проблемами. Почти столь же важно было заставить людей понять, что паразиты — реальность и что человечество должно постоянно сохранять бдительность. А это, в свою очередь, означало, что нам необходимо увеличить численность нашей группы до тысяч и даже миллионов человек. Поэтому кроме тех из нас, кто был откомандирован в распоряжение Всемирного Совета Безопасности, все остальные занялись обучением людей.

Я должен сказать об этом несколько слов, потому что от наших успехов в этой области, по существу, зависело все. Не так легко было подобрать кандидатов для обучения «управлению сознанием». Может показаться, что здесь не должно было возникнуть особых трудностей: в конце концов, я обучил себя сам, так же как и Райх с Фдейшманом, и стоит нам лишь все объяснить человечеству про паразитов сознания, как всякий сможет обучиться самостоятельно. Однако дело оказалось несколько сложнее. Конечно, многие и обучались без нашей помощи, но это само по себе порождало проблемы. Для борьбы с паразитами сознания нужны достаточно мощные и активные умственные способности; большинство же людей в умственном отношении настолько ленивы, что паразитам очень легко их перехитрить. Теперь они оказались в особо опасном положении, потому что у них появилось чувство ложной безопасности, которое паразиты старательно поддерживали и укрепляли. Это был тот самый случай, когда полужнание опаснее, чем незнание.

Тем не менее примерно три четверти человечества немедленно уверовали в то, что уже умеют «управлять сознанием», и это поставило перед нами сложную проблему. Как узнать, кому из этих миллионов людей требуется наша помощь и персональное внимание? Проблема была не из тех, с которыми можно справиться одним махом, и мы начали действовать методом проб и ошибок. Прежде всего, мы ограничились самыми высокоинтеллигентными людьми,

особенно теми, кто многого добился в жизни, поскольку главными нашими критериями отбора были мужество и энергия. Тем не менее мы неоднократно терпели поражение. Когда мы с Райхом одержали свою первую победу над паразитами, нас поддерживало ощущение непосредственной опасности, у этих же новых кандидатов такого ощущения не было, а многие из них так и не смогли реально осознать угрозу. Я начал понимать, как часто люди добиваются больших «успехов» в обществе не столько умом, сколько агрессивностью и напором. Но тратить время на таких неудачников мы не могли:

если бы мы воспользовались своими телепатическими способностями, чтобы их «пробудить», это сделало бы их только еще ленивее. Поэтому мы сразу от них избавлялись и приглашали на их место других.

Вскоре нам бросилось в глаза, что даже вполне интеллигентные и серьезные люди могут страдать умственной ленью, если усвоили ее с детства. Поэтому мы решили отбирать будущих кандидатов в возможно более раннем возрасте. Для этого мы создали специальную группу, которая проверяла умственные способности подростков и детей. Успехи этой группы, получившей название «тест-команды Бер-мана», превзошел все наши ожидания: два года спустя мы располагали более чем полумиллионом специалистов по управлению сознанием в возрасте до 21 года.

К концу года мы уже знали, что битва за вечный мир во всем мире нами выиграна. Теперь мы могли снова заняться Луной. В этом уже появилась необходимость: возмущающие силы на Луне уже привыкли к ее необычному вращению и снова сосредоточились на Земле. Именно этого я и ожидал — раскрутка Луны была лишь временной мерой.

Не сказав никому ни слова, пятьсот человек наших товарищей собрались и решили вывести Луну из поля тяготения Земли. Эта операция началась в январе 1999 года — в первый день последнего года прошедшего столетия. Проблема была в значительной мере механической: нужно было весьма длительное время оказывать на Луну постоянное неослабевающее давление. Все должно было делаться очень медленно. Плотность Луны гораздо меньше плотности Земли, это всего лишь огро́дный кусок шлака. Кроме того, за свою долгую ж.тзнь Луна бесчисленное множество раз подвергалась ударам метеоритов и комет, нередко очень большого размера, и была вся в трещинах, как растрескавшаяся глыба стекла. Если бы давление на нее резко возросло, она могла бы развалиться на части. Тогда Земля оказалась бы окруженной роем лунных астероидов, и мы бы ничего не выгадали.

Наши намерения не ограничивались тем, чтобы защитить Землю от излучений с Луны. Нам хотелось сделать что-то и для тех живых существ, что были заключены в лунном веществе. Мы решили направить Луну к Солнцу, где ее лишённые тела обитатели снова смогли бы обрести свободу.

Четырьмя группами, по сто двадцать пять человек в каждой, мы разместились в разных точках северного полушария и начали понемногу подталкивать Луну в сторону открытого космоса. Все сводилось, в сущности, к тому, чтобы увеличить скорость ее обращения вокруг Земли, придав ей дополнительную энергию — тогда расстояние ее от Земли возрастет. (Когда-то Луна была гораздо дальше от Земли, чем в XX веке, но по мере того, как ее энергия истощалась, она начала к ней приближаться.)

На протяжении 1999 года мы уменьшили период обращения Луны с 28 дней до 14. Это было не так уж трудно — к тому времени я уже достаточно знал о тайнах сознания и о его воздействии на материю, чтобы проделать это даже в одиночку. Теперь Луна находилась более чем в полутора миллионах километров от Земли, а скорость ее движения по орбите возросла в десять раз. Мы подсчитали, что скорость нужно увеличить еще вдвое, до 64 тысяч километров в час, — тогда Луна сможет «убежать» от Земли и будет автоматически притянута Солнцем. Так и случилось 22 февраля 2000 года: в этот день Земля лишилась своей Луны. Сентиментально настроенные люди громко протестовали, но мы не обратили на них внимания. В наши расчеты вкралась лишь одна ошибка: три месяца спустя, пересекая орбиту Меркурия, Луна была захвачена полем притяжения этой планеты. Однако, поскольку масса у Меркурия примерно такая же, как у Луны, о том, чтобы она стала его спутником, не могло быть и речи. В результате Меркурий оказался на одиннадцать миллионов километров ближе к Солнцу, а Луна заняла орбиту, удаленную от светила в среднем на тридцать миллионов

километров. На таком расстоянии температура поверхности Луны достаточно высока, чтобы лунные породы постоянно находились в расплавленном состоянии. Лунная «жизнь» получила, во всяком случае, некоторую степень свободы.

Здесь мне, по-видимому, следует остановиться. Не потому, что мне больше нечего сказать, но потому, что то, что я мог бы сказать, слишком трудно выразить.

Сегодняшнему среднему человеку должно казаться, что мы, «посвященные», превратились в богов. В каком-то смысле это так и есть — в сравнении с человеком двадцатого столетия мы действительно боги. Однако во всех остальных отношениях нам так же далеко до богов, как и раньше. Нас больше не связывают невежество и отсутствие цели, однако масштабы нашего незнания все еще огромны. Путь, который нам предстоит пройти, уходит далеко за горизонт. Я не в состоянии объяснить характер тех проблем, которые теперь стоят перед нами: если бы люди могли их понять, не было бы нужды в объяснениях.

Не знаю, считать ли, что мне повезло или, наоборот, не повезло. Мне повезло в том, что я возглавил этот великий шаг в эволюции человека и теперь понимаю, что еще нужно сделать. Мне не повезло в том, что я утратил связь со всем остальным человечеством — лишь за некоторыми важными исключениями. Человек по природе своей ленив, и за это его ни в коем случае нельзя осуждать. Это означает, что он не любит неудобств и создал цивилизацию,

чтобы неудобств избегать, так что лень стала важным фактором его эволюции. Но в то же время это означает, что он предпочитает эволюционировать в своем темпе — лениво и не спеша. Я же в борьбе с паразитами сознания переключился на иную, более высокую скорость эволюции, и мне не терпится двигаться вперед. Мне мало знать, какие бесконечные миры сознания теперь открыты перед человеком. Слишком много еще остается вопросов, на которые пока нет ответов. Правда, теперь человек уже никогда не забудет о цели своей эволюции, теперь он, скорее всего, сможет жить не одно столетие, а не умирать от скуки и безнадежности в восемьдесят лет. Но мы все еще не знаем, что происходит, когда человек умирает или когда из несуществующего возникает существующее. Мы знаем, что Вселенной присуще некое благое начало, но нам все еще неизвестно, является ли этим началом библейский Создатель или оно восходит к иному, еще более глубокому источнику. Еще не постигнута загадка времени; остается без ответа фундаментальнейший вопрос, заданный Хайдеггером: «Почему вообще есть сущее, а не, наоборот, ничто?» Может быть, ответ на него лежит в совершенно ином измерении, настолько же отличном от мира сознания, насколько мир сознания отличен от мира пространства и времени...

(Мы решили завершить книгу этим отрывком из неопубликованных дневников Остина: издателю представляется, что в нем может быть скрыт ключ к тайне «Паллады».)

Столько слов было написано об этой космической «Марии Целесте», что подлинные факты несколько стерлись в памяти. Они ясно изложены в нижеследующей выдержке из «Автобиографии» капитана Джеймса Рэмзея:

В январе 2007 года правительство Соединенных Штатов объявило о передаче наибольшего из когда-либо сооружавшихся на Земле корабля «Паллада» в распоряжение экспедиции под руководством профессоров Райха и Остина. Официально объявленной целью экспедиции являлись археологические исследования на планете Плутон в надежде открытия следов погибших цивилизаций. За два дня до начала полета статья Хорейса Киммелла в «World Press News» утверждала, что истинной целью экспедиции было узнать, может ли Плутон быть базой огромных космических кораблей, о появлении которых в верхних слоях атмосферы сообщалось ранее... Это было категорически опровергнуто профессором Остином.

«Паллада» с командой из 2000 человек, тщательно отобранных руководителями экспедиции (в это число вошли, между прочим, все участники экспедиции 1997 года, за исключением семи человек), стартовала из Вашингтона 2 февраля 2007 года. В последний раз связь с экспедицией была установлена незадолго до полуночи того же дня, когда голос профессора Остина сообщил, что корабль преодолел расстояние примерно в полтора миллиона километров. После этого все попытки связаться с «Палладой» оставались безуспешными.

Ровно через десять лет, 10 февраля 2017 года, на поиски следов «Паллады» была направлена

экспедиция под моим командованием. В нее входили три космических корабля: «Кентавр», «Клио» и «Лестер». 12 января 2018 года мы достигли Плутона. Месяц спустя, после четырех облетов планеты, мы были готовы возвратиться на Землю. В этот момент космический корабль «Клио» принял отчетливые радиосигналы, исходившие от «Паллады»...

«Паллада» была обнаружена 2 марта 2018 года. Путевые огни громадного корабля были включены, а отсутствие наружных повреждений позволяло нам надеяться, что часть команды могла остаться в живых. Однако, не получив ответа на запросы по радио, я решил, что это мало вероятно, и приказал лейтенанту Фермину вскрыть аварийный шлюз корабля. Спасательная партия во главе со мной вступила на борт «Паллады» и убедилась, что корабль покинут командой. Никаких признаков насилия не было обнаружено, состояние личных вещей членов команды указывало на то, что они не собирались оставлять корабль. Вахтенный журнал «Паллады» велся вплоть до 9 июня 2007 года и свидетельствовал о том, что корабль провел некоторое время на поверхности Плутона и намеревался следовать к Нептуну, когда перигелий Плутона совпадет с афелием Нептуна*. Самопишущие приборы «Паллады» функционировали нормально, но, судя по их показаниям, после указанной даты корабль находился в свободном полете. Не зарегистрировано приближение к нему никаких крупных космических тел, если не считать метеорита массой в двадцать два килограмма, который был автоматически устранен с траектории движения корабля. Показания приборов свидетельствовали также о том, что люки «Паллады» не открывались с тех пор, как корабль покинул Плутон. Выдвинутая главным врачом «Клио» гипотеза о том, что команда «Паллады» была мгновенно превращена в пыль каким-то внезапно возникшим источником космических лучей, расчетами не подтверждается.

Двигатели «Паллады» были обычным порядком отключены 9 июня в 21.30, и корабль был остановлен. Проведенная нами проверка показала, что двигатели находятся в рабочем состоянии.

«Паллада» была доставлена на Землю под командованием лейтенанта Фермина и приземлилась 10 декабря 2018 года. Дальнейшее расследование не принесло никаких данных, которые позволили бы пролить свет на загадочную судьбу «Паллады». Никаких новых обстоятельств не выяснено и во время последующих экспедиций на Плутон и Нептун*.

-по мнению издателя настоящей книги, уже опубликованному ранее, исчезновение «Паллады» было запланировано с самого начала, и когда этот космический корабль в феврале 2007 года стартовал с Земли, все члены команды знали, что никогда не вернутся. Ни одна другая версия не выдерживает проверки фактами. Нет никаких указаний на то, что «Паллада» стала жертвой неожиданного нападения и что ее приборы были каким-то образом перенастроены, чтобы скрыть его следы. Нет также никаких доказательств того, что команда «Паллады» намеревалась основать новую цивилизацию на какой-нибудь другой планете. На борту насчитывалось всего лишь три женщины — если бы подобный план имелся в виду, эта цифра наверняка была бы выше.

Лично мне представляется, что настоящее издание «Паразитов сознания» содержит некоторые намеки, позволяющие разгадать тайну «Паллады». Наиболее важным мне кажется извлеченный из неопубликованных заметок Остина отрывок нас. 510, где упоминается о «полицейских Вселенной». Он пишет: «Ближайший из этих приемников находился всего в шести с половиной миллиардах километров от нас — там крейсировал космический корабль с одной из планет системы Проксимы Центавра». В ноябре 1997 года — в момент, к которому относятся эти слова, — Плутон находился почти в афелии (в 7307 миллионах километров от Солнца). Вполне возможно поэтому, что «приемник», о котором говорил Остин, находился где-то вблизи Плутона, хотя, конечно, он мог быть и в любом другом месте. Не могли ли «полицейские Вселенной» с Проксимы Центавра располагать на Плутоне чем-то вроде базы? Опять-таки, откуда Киммель мог получить информацию о том, что подлинной целью экспедиции было проверить, не может ли Плутон быть базой для космических кораблей в виде тарелочек, которые наблюдало множество людей в начале нынешнего века? Через два месяца после отправления «Паллады» Киммель погиб в авиакатастрофе, и источник этого слуха так и

остался неизвестным.

Но он пользовался репутацией честного и уравновешенного журналиста, всегда строго следовавшего фактам. Маловероятно, чтобы он просто выдумал всю эту историю.

Наконец, мы имеем слова самого Остина, написанные всего за месяц до начала этой последней экспедиции. Он пишет, что «утратил связь со всем остальным человечеством» и что «в борьбе с паразитами переключился на иную, более высокую скорость эволюции». В свете фразы о «полицейских Вселенной» не представляется ли самым естественным вывод о том, что Остин решил покинуть Землю и присоединиться к ним?

Но самое странное здесь — лаконичность упоминания о «полицейских Вселенной» в заметках Остина. Разве это не такая тема, на которую он должен был потратить хотя бы несколько страниц? Некоторый свет на причины такой лаконичности проливает рукопись Дагобера Ферри, тоже члена экспедиции и автора книги «*К психологии Золотого века*». Ферри исчез вместе с «*Палладой*», но осталась сделанная им запись разговора, который состоялся у него с профессором Райхом после того, как они узнали о существовании этих «полицейских Вселенной». Там, в частности, говорится:

«Мы рассуждали о том, как могут выглядеть эти существа. Может быть, они такие же, как мы, — с руками и ногами? Или похожи на каких-нибудь неведомых животных или рыб — например, на спрута? Предпочтут они просто захватить власть на Земле и восстановить мир или же примут жестокие репрессивные меры против людей, подобных Хазар-ду и Гвомбе?»

(Этот абзац сам по себе довольно странный. Откуда он взял, что эти «полицейские» намерены захватить Землю? Действительно ли Остин *говорил с ними* о такой возможности? И не было ли в конце концов решено, что Остин и его ученики сами смогут справиться с кризисом? — Изд.)

При мысли о новом земном «правительстве» я пришел в восторг. С самой эпохи «гибели богов» в восемнадцатом веке человек чувствовал себя одиноким в пустой Вселенной, не видел смысла обращаться за помощью к небесам. Он был как ребенок, который, проснувшись утром, узнает, что его отец умер и теперь он должен принять на себя обязанности главы семьи. Такое чувство безотцовщины — безусловно, сильнейший психологический шок, который человек с трудом может перенести. Все мы помним, как в школе трудолюбие и старательность каждого немедленно вознаграждались, а в конце года приносили почетные призы, похвалу директора, любезные слова попечителей. Но вот школа окончена, «над тобой» уже никого нет, ты целиком предоставлен самому себе. (Должен признаться, что после окончания школы у меня было большое искушение пойти в армию — только ради того, чтобы снова испытать это чувство принадлежности к группе.) И. у тебя появляется странное чувство пустоты и бессмысленности всего, что бы ты ни делал. Это и есть то, что лежит в основе «морального банкротства» двадцатого века.

Теперь все это позади. Есть сила гораздо большая, чем человек, сила, на которую мы можем смотреть снизу вверх. Жизнь снова может иметь смысл, пустота может быть заполнена... Человечество может снова вернуться в школу. А почему бы и нет, раз уж оно все равно состоит в основном из школьников?

Рейх со мной не согласился. Он спросил: «Не думаете ли вы, что это работа *для нас*?» Я сказал: «Нет, я лучше буду учиться, чем учить». В этот момент Остин вставил: «Я согласен с Райхом. Нет большей опасности для человечества, чем поверить, что все его заботы взяла на себя раса сверхлюдей».

Со своей стороны я считаю, что именно по этой причине Остин и отказался от помощи «космических полицейских». Я считаю, что по этой же причине он решил, что настала пора исчезнуть и ему самому — исчезнуть так, чтобы человечество никогда не могло узнать о его смерти.

И поскольку представляется совершенно очевидным, что никаких новых данных на этот счет ожидать не приходится, у нас не остается иной альтернативы, как оставить проблему открытой.

В наши дни, когда почти вся британская проза и драматургия заражены пессимизмом, когда прозаик Фрэнсис Кинг говорит, объясняя свой недавно вышедший роман «Деяние тьмы», что он верит в силу Зла, царящего в мире, а драматург Эдвард Бонд пишет своего «Лира», — воплощение этого Зла; когда на протяжении каких-нибудь двадцати лет выходят два романа под одним и тем же названием, *взятым* у Мильтона, — «Зримая тьма» у Н. Льюиса в 1960 году и у У. Голдинга в 1979 году), — нельзя пройти мимо, не заметить, пренебречь писателем, который *смело* заявляет, что верит в Человека и убежден в неизмеримой силе его возможностей. Утверждающий это — Колин Уилсон, сказавший о себе в 1969 году, в дни расчета своей деятельности: «Я убежденный оптимист. И мне даже кажется, что подобных мне оптимистов нет среди современных западных интеллектуалов».

Самоучка, выходец из демократической среды буржуазной Англии. Уилсон (род. в 1931 году) очень часто менял профессии и, берясь за любую работу, с детства жадно читал, став к тридцати годам весьма глубоко и разносторонне образованным человеком. К концу 60-х годов К. Уилсон уже ездил читать лекции в университетах США и слыл там философом и психологом, притом высокого класса.

В 1956 году Уилсон прославился книгой «Посторонний» (The Outsider), сделавшей его на несколько лет кумиром английского студенчества, еще охваченного влиянием "рассерженных". Он приобрел известность и за пределами своей страны.

Создавая своего «Постороннего» и следуя в общих чертах за Камю, Уилсон практически рисовал образ молодого интеллектуала середины века, типичного для определенных кругов, в особенности для студенческой молодежи. Но в отличие от постороннего А. Камю, охваченного неизменной тоской и отчаянием, посторонний Уилсона скорее бунтарь, обладающий мужеством, достаточным не только для того, чтобы понять зло окружающего *еiv* мира, но и чтобы восстать против этого зла, против мещанского болота ограниченности и обыденщины *и* якобы неизлечимой «доли человеческой».

Философия Уилсона эклектична, хотя в основе ее, в особенности на первом этапе его деятельности (т.е. до 70-х годов), был экзистенциализм, преимущественно экзистенциализм Камю и, в *меньшей* степени, Сатра. Но уже говорилось о том, какое значение — справедливо — писатель придавал своему оптимизму. В те годы, когда пессимизмом было буквально пропитано все, что писали виднейшие интеллектуалы Запада, Уилсон не устал говорить во всех своих книгах о величии человека. *п*Ты человек, а человеческие возможности безграничны, будущее лучезарно» — любимая мысль и *любимые* слова Уилсона с начала его деятельности и до настоящего времени.

Уилсон упорно подчеркивает огромный волевой *и* интеллектуальный потенциал человека. Он рано отказался от христианства и уже в двадцать лет *пытался* построить собственное философское учение. философские взгляды эти в ходе лет видоизменялись, становились все более «пестрыми» и противоречивыми. Книга «Введение в Новый экзистенциализм» (1966) обозначила переоценку Уилсоном ранних учителей. Логическому эмпиризму и экзистенциализму — концепциям не-гативным — Уилсон *ип*ром ивоставил свою эклектичную, но базирующуюся на позитивных посылах систему.

Очень важно для понимания художественного творчества Уилсона отметить внимание писателя к рассуждениям Хауеггера об обывателя, строящих все свое поведение на «принятом»: так говорят, так думают (man spricht, man machl. man denkt) в *смысле* "так следует" говорить, поступать и думать. Миру обывательского опыта Уилсон противопоставил имир разума». На страницах произведений Уилсона то и дело встречаешь обвинение человеку в позорной и недопустимой умственной лени. *Лучше*, полагает обыватель, ползать по земле, как червь, чем парить в небе, как птица. — пишет Уилсон, явно находясь в этих рассуждениях под влиянием Хайдеггера. Обыватель не хочет видеть ничего, кроме будничного опыта, «хотя мог бы стать подобным Богу» — повторяет эту мысль Уилсон в своей автобиографической книге «Путешествие к началу»- (Voyage to a Beginning, 1969). "Долю человеческую", наличие

которой Уилсон признает, он объясняет исключительно «ленью» и инертностью, мешающими человеку преодолеть свою ограниченность. И, несмотря на явный идеализм такой позиции, нас не может не привлекать в нем упрямая непокорность писателя. Автор «Путешествия к началу» убежден в том, что нет ничего неизменного, нерушимого, раз навсегда данного: нужна лишь концентрация воли и напряжение усилий для того, чтобы изменить свое положение в жизни, переломить свою «судьбу».

После «Постороннего» Уилсон публикует немало книг философского характера, из которых наиболее известны «Религия и бунтари» (Religion and the Rebel, 1957) и уже упоминавшееся «Введение в Новый экзистенциализм». Одновременно он печатается в журналах Великобритании и Америки. Продолжая опираться на работы экзистенциалистов, он ссылается на Кьеркегора и Хайдеггера, на Гуссерля и Витгенштейна. Впрочем, отдавая дань различным мыслителям, Уилсон подчеркивает негативный характер их философии, противопоставляя ей свою систему, которую он сам называет *позитивной*.

Все названные и многие другие сочинения Уилсона создают ему славу философа. В то же время автор «Нового экзистенциализма» пишет романы «Бродя по Сохо» (A Drift in Soho, 1961), «Мир насилия» (The Word of Violence, 1963) и, наконец, «Необходимое сомнение» (Necessary Doubt, 1964) — книгу, которая кладет начало его лучшим философским романам — «Паразитам сознания» (1967) и «Философскому камню» (Philosophers Stone, 1968).

На протяжении вот уже свыше четверти века Уилсон вытускает в год по семь-восемь книг, требующих обширных знаний и непрерывного творческого горения. Он работает с почти невероятной быстротой. Правда, нельзя не признать, что не все, *выпускаемое Уилсоном*, одинаково глубоко и убедительно по содержанию, одинаково бесспорно. И все же динамика труда Уилсона остается непревзойденной, он не позволяет себе ни болеть, ни отрываться надолго от пишущей машинки, на собственном примере доказывая свой любимый тезис: *человек — homo sapiens — должен стремиться к тому, чтобы стать homo sapientissimus*.

В свои годы Уилсон кажется совсем молодым человеком, видимо, благодаря легкости движений, скорости реакций, блеску глаз и живости взгляда. Хотя он обрек себя на уединенную жизнь в Корноулле в коттедже на *скале*, дорога к которому не легка (как, впрочем, и к творчеству Уилсона), Колин отнюдь не отшельник. Он часто выезжает за пределы своей страны, но очень ненадолго и неохотно прерывает свой интенсивный многочасовой рабочий день. Он прерывает его лишь для того, чтобы пообедать с семьей или побеседовать с гостями, приехавшим к нему издалека, но в то же время включает стерео-радиолу, чтобы послушать любимые вещи любимых композиторов. Уилсон, конечно, намеренно выбрал именно такое место жительства, и хотя за последние годы все большее число людей стучит в ворота его крошечной усадьбы, взгромоздившейся на скале над самым морем, но эти вторжения нельзя сравнить с теми, которые терпит любой из литераторов в столице. Недаром за последние годы все большее число писателей покидает Лондон...

Сегодня Уилсон уже не только хорошо известен по всей стране, но и пользуется признанием даже в тех кругах, где в 50-х годах смелостью своих суждений приобрел скандальную репутацию. Однако далеко не все, кто называет ту или иную из его многочисленных книг, представляют ее создателя. Ч. Сноу писал о «новых людях», имея в виду физиков-атомщиков, «деятели Барфорда»: «новым человеком» назвал себя его друг Уильям Куиер, писатель и ученый, как и сам Сноу; подлинно новым человеком можно по праву называть и *Долину Уилсона*.

* * *

Романы, которые можно считать лучшими произведениями *Холило Уилсона*, все философские по своей тенденции. Их *открывает* ранний роман «Мир насилия». Герой его, юный математик Хью Грин, может быть воспринят в какой-то мере как фигура автобиографическая, но автобиографизм не исчерпывает смысла произведения. Герой романа,

как и Уилсон, обладает необыкновенными и рано проявившимися способностями, как и Уилсона, его преследует мысль о роли насилия в борьбе человека за свою собственную свободу и счастье. Грин не видит иного выхода из хаоса бытия, кроме насилия, и это приводит его в *преступный мир*. философская мысль, положенная в основу романа, заимствована у Ницше: Хью принимает ницшеанский принцип правомерности перехода за пределы добра и зла. Но герой, *после* ряда испытаний, приходит к выводу, что бороться со злом, царящим в окружающем его обществе, индивидуально противопоставляя ему другие формы зла, то есть того же насилия,— бесплодно, а значит — бессмысленно. Уже здесь Уилсон подводит читателя к той теме, которую можно назвать его ведущей: поискам и определению возможностей человеческого мозга. Убежденность, что мозгу человека многое доступно, что человек может сделать, написать, изобрести в десятки раз больше того, что он делает в действительности, настойчиво проходит через все творчество Уилсона.

Мир насилия» — лишь подступы к главной теме. Отчетливой она выстраивается в романе «Необходимое сомнение», где детективный сюжет лишь «упаковка» (по выражению автора) серьезного содержания. Цель писателя — донести до читающего глубоко продуманные им мысли, то, что он условно называет "горькой пилюлей", которую широкому читателю помогает проглотить увлекательный сюжет. Не надеясь на готовность к восприятию его далеко не простых идей, Уилсон заимствует из литературы массового потребления приемы, помогающие «проглотить пилюлю». Прием этот, прежде всего,— динамично развивающееся действие, вызывающее нервное напряжение, взволнованность читателя.

Опираясь на новейшие данные науки, К. Уилсон формулирует в романе свою *мечту* в новом человеке, способном острее мыслить, на большее решаться, смелее дерзать. «Человек, открывающий в себе Бога».— выражение дерзкой мечты писателя.

«Необходимое сомнение» читается как захватывающий остросюжетный роман детективного жанра. В Уилсоне сочетаются — хотя и спорят — философ и художник. Находясь в постоянном поиске, он открывает все новые и новые горизонты мысли и, увлекаясь новыми открытиями науки, стремится воплотить эти открытия в образах. Но писатель не идет традиционными путями, не уделяет, в частности, особого внимания, психологии характеров, изображению среды среды, описаниям природы. Если в «Мире насилия» действующие лица книги фиксируются в памяти, как живые, то в «Необходимом сомнении» они лишь намечены. Центральные герои — скорее носители определенных концепций, чем люди сложной судьбы,— заинтересовывают читателя не как бытские эмигранты, враги гитлеровского режима: в центре читательского внимания — опыты главного героя романа над *человеческим* мозгом и этические проблемы их до' пустимости, а не тот или другой характер, не судьба той или иной личности.

"философский камень", написанный вскоре после «Паразитов сознания». если и не продолжает этот центральный роман Уилсона, о котором мы скажем ниже, то определяется все тем же глубоким и непреодолимым интересом автора к работе человеческого мозга, с которым мы встречаемся во всех его сочинениях. Содержание «Философского камня» определяется интересом автора к опытам по физиологии мозга, которые активно велись в Великобритании и США на протяжении 60-х годов. Уилсон настолько увлечен информацией, полученной им из специальной литературы, что местами сюжет романа и действующие в нем лица перестают его интересовать и отступают на задний план. "Пилюля", содержащаяся в истории двух друзей-ученых и приправленная легендой о «Старых» (людях-гигантах из далекого прошлого), заимствованной у американского фантаста Лавкрафта, для Уилсона главный стимул его работы над романом, что естественно отразилось на его художественном качестве.

«философский камень» писался как научно-фантастическое произведение, автор намеренно стоил его, исходя из законов этого жанра, но все это лишь игра», та занимательная «упаковка ч, в которой автор преподносит читателю огромный груз освоенной им научной

информации о работе мозга. Ставится вопрос о долголетию, даже возможном бессмертии человека. Название романа — метафора, аллегорически раскрывающая значение замысла: оно напоминает средневековую легенду о мечте алхимиков — философском камне долголетия.

«Философский камень» был последним крупным произведением Уилсона 60-х годов — наиболее плодотворного периода в творчестве Уилсона—романиста. Все, что было написано Уилсоном в 70-е годы, может рассматриваться как продукция переходного периода.

Интерес к психологии преступления обнаружился в творчестве К. Уилсона рано. Он явственно выступил еще в романе 1960 года «Ритуал в темноте» (Ritual in the Dark), он же определил сюжет «Необходимого сомнения» и «Стеклянной клетки» (The Glass Cage, 1966). Но особенно выявился он к началу 70-х годов, с публикацией «Энциклопедии убийств» (An Encyclopaedia of Murder, 1969).

Легче всего было бы сказать, взяв в руки «Энциклопедию убийств», ще белый супер заливают потоки крови, что интерес ее автора к психологии убийств — составная часть его интереса к напряженному сюжету, которому он всегда придавал большое значение. Однако сам писатель объясняет дело по-другому и сложнее. Свою книгу «Энциклопедия убийств» Уилсон определил так: это социологическое исследование убийств, совершенных начиная с XIII в. и до наших дней. В ней изучается типология различных форм убийств, определяемая атмосферой разных исторических эпох.

Противоречия человеческой личности, возможность совмещения в ней огромной силы «положительного заряда» с «зарядом негативным» — добра и зла, подвига и преступления — вот что толкало Уилсона на изображение разного рода порой чудовищных и отвратительных и тем не менее отнюдь не выдуманных преступлений, пре имуществом убийств, — как высшей формы нарушения человечности, крайней антитезы идеала Уилсона — человек-бог.

80-е годы не оказались в жизни и деятельности Уилсона, как, впрочем, и в жизни других британских писателей периода глубокого политического и культурного кризиса в стране, особенно продуктивными. Он пишет разнообразные сочинения» явно идя за заказом издателей: «Замок Франкенштейна», «Доступ в глубины духовного мира», «Искатели небесных светил» (астрономия), «Искания В. Райха»,

«Борьба со сном — Гурджиев» и т.п. Коммерциализация издательств и постоянная финансовая необеспеченность Уилсона определяют и выбор тематики, и качество этих книг.

Не все — даже далеко не все, — что написано Уилсоном, можно принять. Со многим можно и следует спорить, но главное, что отличает его деятельность, вызывает к нему огромное уважение и симпатию, — это та конструктивная основа мировосприятия, которая выступает во всем, что он пишет и говорит. Сравнивая прозу Уилсона как представителя жанра философского романа с прозой А. Мердок, а тем более, с прозой У. Голдинга, нельзя не ощутить — каков бы ни был порой эклектизм его взглядов — главное: тот философский оптимизм, который отличает всю литературную продукцию автора «Необходимого сомнения» и «Паразитов сознания» от продукции А. Мердок, У. Голдинга, Ф. Кинга, т.е. других английских писателей с философской тенденцией.

* * *

Безусловно лучшим и наиболее насыщенным философским содержанием романом Уилсона был и остается роман "Паразиты сознания" (1967/, вышедший незадолго до "Философского каты".

Значение «Паразитов сознания» выходит далеко за пределы жанра научной фантастики, хотя Уилсон и пользовался его приемами и структурами, исходя из своего принципа "упаковки для горькой пилюли». Приемы и мотивы научной фантастики не могут затушевать глубокий философский и насыщенном произведении.

В сложной ткани романа, действие которого происходит на рубеже XX и XXI столетий, главная тема — борьба археолога *Остина* и группы высоко просвещенных и смелых ученых с загадочными существами, проникающими в мозг человека, паразитирующими на нем и доводящими сотни людей до самоубийств, причина которых никому не понятна — «Паразиты» мирятся со всем застойным и рутинным, но преследуют тех, кто творчески и смело *мыслит*, они мешают человеку в *его* движении вперед, порождают страшное общественное зло, разрушительные войны и, в конечном итоге, преждевременную смерть людей.

Понятно, что «паразиты» — лишь символические существа. Борьба с ними рисуется как необыкновенно трудная, почти невозможная для людей слабых. Победить вампиров человеку *потому* *люк* трудно, *вно* он находится под сокрушительной властью инерции, умственной лени и непреодолимости привычки: «Когда наш мозг «свеж», не охвачен сонливостью и полон активности, сила его огромна. Но сила эта ослабевает, когда человек попадает под власть ежедневной рутины. Это своего рода ослабление воли, вызванное ощущением, что все «не стоит того». Наши силы ослабевают и истощаются под бременем будничности, обыденности и скуки».

Впервые *мысль* о создании романа о силах, мешающих человеку «парить в небе, подобно птице», появилась, когда Уилсон создавал «Введение в Новый экзистенциализм». Там он писал: «Может показаться, что существует какая-то таинственная сила, которая сдерживает человека, мешает ему полностью овладеть своими возможностями. Иногда кажется, что внутри самого человека гнездятся невидимые существа, задача которых помешать ему ощутить свою *свободу*. Если бы человек мог полностью осознать наличие этого врага в своем собственном сознании и направить на него всю батарею своего *внимания*, вопрос был бы решен, началась бы новая ступень в эволюции человека — фаза подлинно человеческого».

«Человек — это *целый континент*, но его самосознание не больше, чем садовая полоска при доме», — излагает Уилсон сходные мысли уже в романе. «Это вызвано тем, — продолжает он, желая поточнее передать свой замысел, — что человек почти целиком состоит из неосуществленных возможностей. Люди, которых называют великими, это те, у которых хватило мужества реализовать хотя бы некоторые из своих латентных возможностей, так называемых средний человек» слишком робок, чтобы сделать попытку себя проявить. Он предпочитает уют садовой полоски при доме».

Познать мир и себя — главная задача человека, и она осуществима, подчеркивает Уилсон: «Ведь главная беда в том, что мы все *лпикованы* к сегодняшнему дню. Мы поступаем как машины, и наша свободная воля минимальна... у нас гораздо меньше силы воли, чем мы думаем. Не иметь воли — *это не иметь* свободы. Нами управляет привычка. Наше тело как робот, который *выполняет то, что выполнял* вчера или за последний миллион лет».

Из всех этих *размышлений писателя очевидно*, что задача его — заставить читателя заглянуть в будущее, а будущее, в его понимании, — лучезарное существование людей, освобожденных от сил инерции и привычки, которые символизируют «паразиты сознания».

Так, автор объясняет социальные противоречия современного капитализма не действием объективных социально-экономических и исторических закономерностей, а происками «паразитов сознания». Он *раскрывает их* в символических формах. В своей войне с «паразитами сознания», сосущими духовную энергию человека и не дающими ему возможности проявить свой интеллектуальный потенциал, герой *книга использует* феноменологию Гуссерля. Ссылается Уилсон и на экзистенциалиста Хайдеггера, и на Карла Юнга, и на Уайтхеда, и Мерло Понти, и на Карла Юнга, и на Тейяра де Шардешш... Было бы, однако, непростительной близорукостью акцентировать пестроту этих ссылок и ассоциаций. Ставить писателю в вину то обстоятельство, что он слишком часто ссылается на запомнившиеся ему *высказывания* чуждых нам философов, означало бы из-за деревьев не увидеть леса — тою позитивного заряда, который определяет роман в *целом*, а не *елэ детали*.

Главная сила романа в теме борьбы человека против собственной неполноценности, борьбы с обыденщиной и обывательщиной, убивающими в нем инициативу к деятельности, творческие порывы. Именно эта тема обеспечивает «Паразитам сознания» право на долгие годы жизни, определяет ее значение по сравнению со всеми другими произведениями того же автора.

Философская концепция, которую К. Уилсон иллюстрирует на страницах своей книги, отмечена несомненным гуманизмом, верой в человека, его высокое предназначение во вселенной, в его безграничные возможности мозга, и связанные с ними перспективы биологической эволюции. Оптимистический взгляд автора на историю человечества и смысл существования, его жизнеутверждающие установки притивостоят философскому пессимизму и негативной концепции самоуничтожения человеческой цивилизации.

Писатель учитывает и сложность ситуации в послевоенном мире (на это указывает изображенный им вариант скатывания человечества к непосредственной угрозе термоядерного конфликта), и несовершенство человеческой природы. Писатель не признает неизбежности новой мировой войны, неотвратимости всеобщей гибели, делающей всю историю, человечества бессмысленной прелюдией к тотальному концу, писатель верит в силы добра и прогресса.

Поскольку в романе речь идет о развитии человеческого сознания, естественно, что автор сосредоточивает внимание на духовной, интеллектуальной сфере жизни человека, т.е. в соответствии со своим замыслом делает идеальное, духовное главным предметом своего повествования и в известной мере пренебрегает материальной стороной жизни.

Аллегорический рассказ о борьбе, ученых будущего с паразитами сознания облечен Уилсоном в форму динамичного и увлекательного повествования о деятельности археологов Осетина и его друг Райха. Актуализован в романе и чисто фантастический элемент: в частности, в сюжетную канву введен мотив угрозы «Старых», скрытых в глубинах Земли и спящих «до времени». Впрочем, эта тема не играет существенной роли в повествовании и является, скорее, лишь той самой соблазнительной упаковкой "горькой пилюли", о которой говорилось выше,

Аллегорическая форма, в которую облечен рассказ Уилсона о силе инерции, привычки и обыденщины в жизни человека, не мешает автору помнить о том, что речь и книга идет о современности. Он сознательно перемежает в повествовании реалистические эпизоды с эпизодами, носящими иносказательную форму.

Условный, абстрактный характер носит и изображение военных конфликтов на территории Африки и Западной Европы, спровоцированных все теми же «паразитами сознания». Изображение активной реакции борцов против «паразитов» помогает понять социально-политическую позицию Уилсона, ярого противника войн, всех видов агрессии и всех вариантов расизма.

Сказанного, полагаю, достаточно для того, чтобы охарактеризовать общие мировоззренческие позиции Калина Уилсона. Его неизменный оптимизм и вера в беспредельные возможности человеческого интеллекта очевидны от первой до последней страницы романа. Человека, убежден Уилсон, ожидает лучезарное будущее, и все силы, мешающие его восходящему движению, встающие на его пути, как-то:

войны, фашизм с его неизбежным спутником — расизмом, — должны быть с этого пути устранены. Но и этим Уилсон не ограничивается. Он идет очень далеко в своих мечтах и прогнозах. Мечта его — не только долголетие, но бессмертие человека — человека разумнейшего.

Финал романа открыт, Последние страницы написаны так, что читателю предоставляется возможность строить догадки. Остин и Райх со своими новыми

последователями и единомышленниками улетают в космос на корабле с красноречивым названием "Паллада". Спустя несколько лет другая космическая экспедиция обнаруживает корабль, но команда исчезла бесследно.

Погибли ли ученые или переселились на другую планету, где им не угрожает больше нападение паразитов сознания? Или следует считать, что они, покончив с этой опасностью, достигли бессмертия? ЧЯ хотел бы предоставить решение этого вопроса читателям моей книги», говорит сам автор. Последние строки романа, впрочем, подсказывают разтку: «...он (Остин) решил, что наступило время, когда ему самому следовало исчезнуть — исчезнуть так, чтобы человечество никогда не могло бы быть уверено в его смерти».

Роман Уилсона философский и аллегорический. Подходить к нему с обыденной меркой значило бы не понять книгу. Уилсон превосходно владеет даром художника-портретиста: Остин или Райх, Рибо или Холкрофт совершенно различные фигуры, но все они — живые люди, а не плод фантазии автора.

В то же время не рисунок характеров и не описания природы или деталей бытия определяют художественное значение замечательной книги. Закрывая книгу, вдумчивый читатель не раз вернется к ярким и убедительным аллегориям Уилсона, не раз, встречаясь с обыденщиной, ленью, серостью мещанина — тем болотом, которое может засосать не только творческую личность, но подчас любого порядочного и способного к активному труду человека, вспомнит страшные символические образы паразитов сознания. Сила книги К. Уилсона в уверенности писателя, что победа будет за человеком и человечностью, а не за теми, кто мешает ему жить и творить.

...Когда сидишь в маленькой гостиной маленького дома Уилсона. из окна видно только одно море, чаще всего темно-темно-синее, реже угрюмое и серое всех оттенков. Сидишь, как в каюте теплохода, под аккомпанемент того, что говорит хозяин дома, унесшийся мыслью в далекое будущее, в котором будет жить и развиваться homo sapientissimus, идущий по дороге становления.

В. Ивашова Редакция «Софии» приносит свои извинения автору статьи за произведенные сокращения